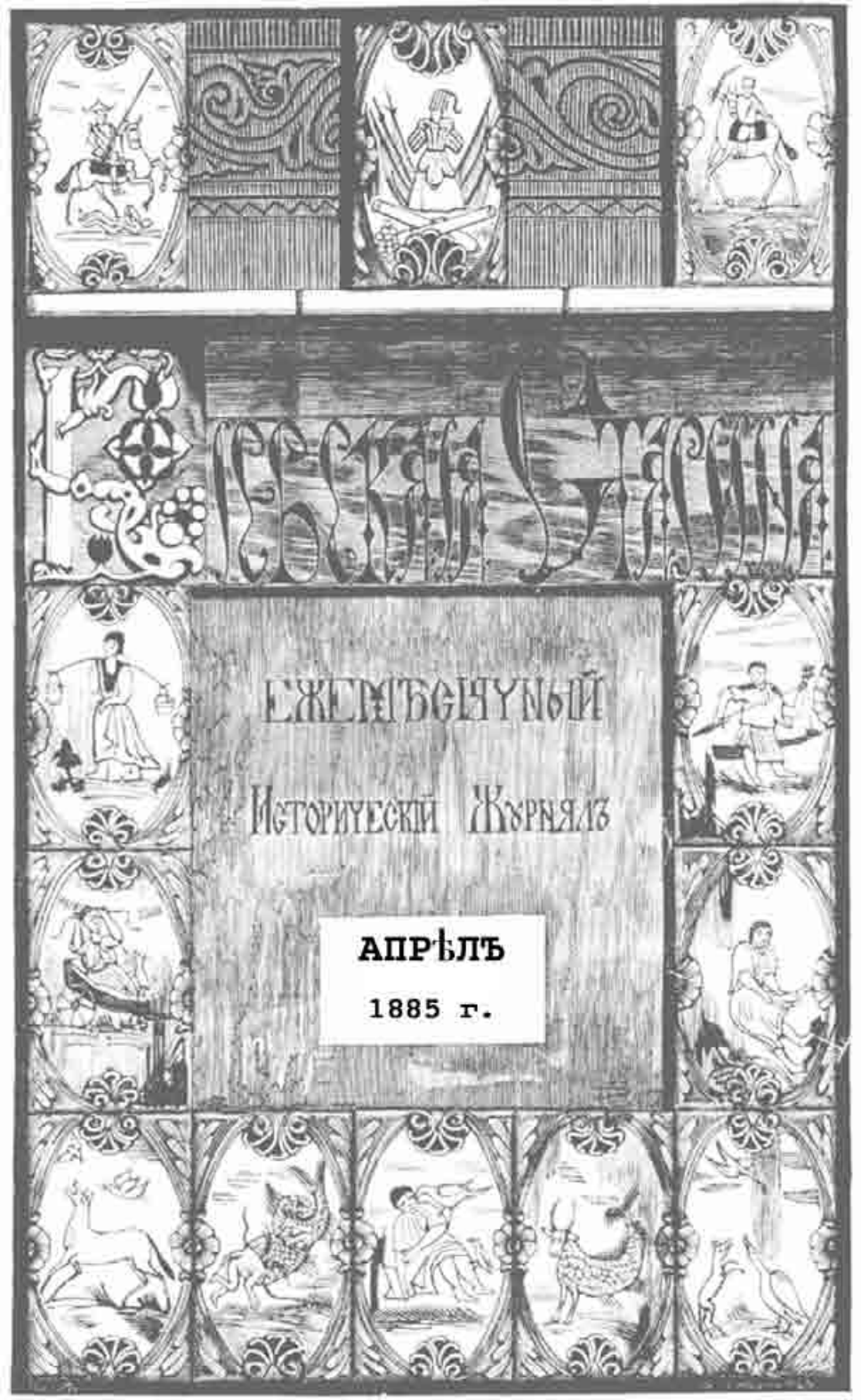
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Апрѣлъ
1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1885 г.

стр.

I. КИРИЛЛЪ И МЕѳОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ . . . . I—IV

II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). **Бориса П—скаго** 613

III. ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). **Н. Ѳ. Сумцова** 649

IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 678

V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. **Николая Бакая** . . . 716

VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ) 743

VII. ПРОЭКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕННЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ ОБЛАСТЯХЪ 746

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.—*И. Сумцова.*—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.—*И. Каманина.*—г) И. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.—*И. Каманина.* 755

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Куракowскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года.—Свящ. *В. Никифорова.*—б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. *Е. Попруженко.*—в) Къ характеристикѣ шляхетско-козачаго быта XVIII в.—*Ѳ. И.*—г) Изъ фамильныхъ преданій.—*С—ка.*—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. *Д. Багалѣй.*—е) Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.—*И. Ревы.*—ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія пѣсни изъ періода крымской кампаніи.—Сообщ. *Н. И Барсовъ* 767

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе)* 145-160

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XI.

1885 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго Михайл. ул., соб. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20-го марта 1885 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XI.

АПРѢЛЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20-го марта 1885 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1885 г.

Январь, 1885 г.

СТР.

I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. **Н. Ѳ. Сумцова.** 1

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ 20

III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЪ МИХАЙЛО МОВЧАНЪ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. **В. Антоновича.** 57

IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). **С. Голубева.** . . . 85

V. ДУНАЙЦЫ. **А. Скальковскаго.** 117

VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. *(Продолженіе).* **И. Левицкаго.** 133

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ. 1884 года.—*С. Голубева.*—б) Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—*Н. Д.*—в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—*Г.* . . 157

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—*П. Л.*—б) Новый варіантъ думы «Алексій Поповичъ».—*Н. Ѳ. Сумцова.*—в) Нѣмецкій тринкгельдъ на малорусской почвѣ.—*С. Бѣлинскаго.*—г) Два письма Б. Хмель-

стр.

ницкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману литовскому.—Сообщ. *Н. В. С—ко.*—д) Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ.—*А. Катрухина.*—е) Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—*Ф. П—на.*—ж) Изъ письма въ редакцію —з) Журнально газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ѳ. Н.* 177

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Февраль, 1885 г.

I. МАЛОРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ. **Н. Ѳ. Сумцова** 215

II. ВОСПОМИНАНІЕ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА. **Б. Суханова-Подползина** 229

III. ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. (О школѣ и грамотности въ кіевской губерніи). **Бориса П—скаго.** 235

IV. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Отвѣтъ С. Т. Голубеву). **П. Л.** 268

V. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 282

VI. ХУДОЖНИКЪ КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ. (Біографическій очеркъ). **И. Божерянова.** 308

VII. АВТОБІОГРАФІЯ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-Й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ. Съ предисловіемъ 318

VIII. КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. 333

IX. КЪ ИСТОРІИ ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ. (Путевой журналъ секундъ маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года). Съ предисловіемъ **А. Андр.** 339

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изданіе виленской археографической коммиссіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильна. 1884 г.—*И. Каманина.*—б) Чтенія въ импер. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при моск. университетѣ. 1884 г. книга 2—*Ѳ. Н.*—в) Древнѣйшія карты Россіи. Гамбургъ. 1885—91.—*N. S.*—г) Ив. Франко.—Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя Карпатской Руси въ XIII вѣцѣ. Львовъ. 1884 г.—*Г.* 357

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Русская святыня на западѣ Европы.—б) Сербы въ Кіевѣ.—в) Волынская бывальщина.—*И. А. Шафарука.*—г) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской

стр.

исторіи и этнографіи.—*Н. Ѳ. Сумцова.* – д) Пребываніе императора Александра I-го въ Кіевѣ въ 1816 г.—Сообщ. *Левъ Мацѣевичъ.*— д) Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи. (Изъ письма въ редакцію).—*Г. Лебединца.*—е) А. О. Кистяковскій. (Некрологъ) —*И. Лучицкаго.*—ж) Библіографическое извѣщеніе.—*Г.* 377

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мартъ, 1885 г.

I. РЕЛИГІОЗНО-МИѲИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 437

III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Продолженіе).* **К. М.** 465

IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **П. Л—ва.** . 500

V. ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. **Ѳ. Каминскаго.** . . . 519

VI. КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ. 501

VII. УНИВЕРСАЛЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА 1690 Г. (Въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 529

VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА 543

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.—*И. Ѳ. Сумцова.*—б) Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета.—*Дм. Багалѣя.*—в) О первопачальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сенигова. Спб. 1884 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Писцовыя книги пинскаго и клецкаго княжества. Изданіе виленской археографической коммиссіи. Вильна. 1884 г.—*И. Каманина* 551

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ статьѣ г. Берхина „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ".—*П. Голубовскаго.*—б) Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи.—*А. Лоначевскаго*—в) Гетманскій городъ.—*В. Е. Бучневича.*—г) Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст.—Сообщ. *С. Н. И.*—д) Кіевъ въ 1799 году.—*В. Горленка.*—е) Малоруская историческая шарада.—ж) Евгеній Желеховскій. (Некрологъ).—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ѳ. Н.* 569

XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 129—144

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Апрѣль, 1885 г.

стр.

I. КИРИЛЛЪ И МЕѳОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ . . . . I—VI

II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). **Бориса П—скаго** 613

III. ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). **Н. ѳ. Сумцова** 649

IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 678

V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. **Николая Баная** . . . 716

VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардянскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ) 743

VII. ПРОЭКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕННЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ ОБЛАСТЯХЪ 746

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.—*И. Сумцова.*—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.—*И. Каманина.*—г) П. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.—*И. Каманина.* 755

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Куракоевскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года.—Свящ. *В. Никифорова.*—б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. *Е. Попруженко.*—в) Къ характеристикѣ шляхетско-козачаго быта XVIII в.—*ѳ. Н.*—г) Изъ фамильныхъ преданій.—*С—ка.*—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. *Д. Багалѣй.*—е) Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.—*И. Ревы.*—ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія пѣсни изъ періода крымской компаніи.—Сообщ. *Н. И. Барсовъ* 767

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе)* 145-160

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ.

6-го апрѣля 885 г. въ столицѣ моравскаго княжества Велеградѣ, нынѣ заброшенномъ и малоизвѣстномъ городкѣ, мирно опочилъ отъ апостольскихъ трудовъ святитель Меѳодій, архіепископъ моравскій, который, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ, въ схимѣ Кирилломъ, ранѣе его скончавшимся, увѣковѣчилъ память свою проповѣдію христіанской вѣры среди языческихъ славянскихъ племенъ и колоссальнымъ трудомъ перевода св. писанія и церковно-богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Смерть этого дивнаго по своимъ подвигамъ святителя прошла въ то время мало кѣмъ замѣченною, какъ обыкновенное явленіе въ мірѣ человѣческомъ. Враги его, враги славянскаго слова, жизни и силы—утѣшились, ученики и друзья его со слезами опустили гробъ его въ могилу, и только въ ихъ сердцахъ, да въ переложенныхъ св. Меѳодіемъ, вмѣстѣ съ братомъ, словенскимъ языкомъ книгахъ святыхъ, хранилась скромная память объ немъ. Вскорѣ потомъ ученики его были изгнаны изъ Моравіи и дѣло св. братьевъ солунскихъ—православная греко-восточная вѣра, славянское богослуженіе, славянская проповѣдь—стерто, сглажено, прахомъ покрылось на мѣстахъ ихъ апостольскаго служенія.

Теперь, когда съ 6-мъ апрѣля сего 1885 г. наступаетъ тысячелѣтіе со дня кончины святаго Меѳодія, дѣло первоучителей славянскихъ разрослось широко и слава ихъ гремитъ повсюду. Волнуется католическій Западъ и какъ-бы оспариваетъ

у православія право чествованія священной ихъ памяти. На самомъ дѣлѣ со стороны католическаго Запада это только давнее, нынѣ уже тысячелѣтнее притязаніе его къ православному Востоку съ цѣлію подорвать его авторитетъ, унизить, раздѣлить, ослабить православное и неправославное славянство и рано или поздно привести его въ подчиненіе римскому престолу. Къ счастію всего славянскаго міра, во главѣ его стоитъ стомилліонная Россія и не страшны ему никакія ухищренія и подходы соединеннаго католическаго ультрамонтанства. Православная Россія, поддерживаемая симпатіями всего почти славянства, готовится со всѣмъ великолѣпіемъ и торжествомъ отпраздновать тысячелѣтнюю память первоучителей славянскихъ, св. Кирилла и Меѳодія, въ день кончины послѣдняго, 6 апрѣля с. г. Во всѣхъ церковно-общественныхъ, правящихъ и умственныхъ центрахъ ея идутъ дѣятельныя приготовленія къ этому великому торжеству. Вѣдомства духовное, военное, гражданское и учебное то раньше, то позже сдѣлали соотвѣтственныя распоряженія. Города и села, думы и приходы, благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, духовные и міряне, ученые и простые, художники и артисты—всѣ стараются чѣмъ нибудь выразить свое сочувствіе памяти святыхъ учителей, общими силами создать всей Россіи великое торжество. Изготовлены или изготовляются въ различныхъ концахъ и кружкахъ хромолитографированныя изображенія св. братьевъ и иконы на доскахъ, пространныя и краткія ихъ жизнеописанія для безплатной раздачи въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ, ученыя изслѣдованія и карты славянскаго міра IX вѣка, церковныя, академическія, кружковыя рѣчи и просто рѣчи, идутъ пожертвованія, проэктируются учрежденія и постройки съ цѣлію увѣковѣчить въ народѣ память славянскихъ первоучителей. Въ день кончины святителя Меѳодія, 6-го апрѣля, во всей православной Россіи совершатся торжественныя богослуженія, крестные ходы, молебствія; милліоны людей сольются въ одномъ народно-историческомъ представленіи и сознаніи знаменательности и величія празднуемаго событія, милліоны голосовъ вознесутся къ небу съ

прославленіемъ дивнаго во святыхъ своихъ Господа и памяти св. братьевъ—учителей нашихъ. Отнынѣ день св. Кирилла и Меѳодія станетъ снова праздникомъ всей православной Россіи и память о нихъ и великомъ, совершенномъ ими для всего славянства и для насъ дѣлѣ возрастетъ и укрѣпится незыблемо въ сознаніи народномъ. Да будетъ великъ и святъ этотъ день!

Какъ фактъ историческій, какъ фактъ даннаго времени и мѣста, жизнь и смерть св. Кирилла и Меѳодія и все совершенное ими для славянства выступаютъ изъ сферы спеціальныхъ нашихъ изслѣдованій; но разсматривая трудъ великихъ учителей и проповѣдниковъ, какъ событіе обозначившееся въ исторіи различныхъ славянскихъ племенъ и ихъ соотношеніяхъ многочисленными и весьма важными послѣдствіями, мы не можемъ не остановиться предъ нимъ съ чувствомъ благоговѣйнаго воспоминанія и тѣми думами, что навѣваются невольно какъ самымъ празднуемымъ событіемъ, такъ и близкими и далекими судьбами всего славянства и въ частности нашими.

Потому мы участники въ наступающемъ торжествѣ, что мы воспользовались, хотя и значительно позже другихъ, плодами письменности славянской, созданной трудами братьевъ солунскихъ; потому еще празднуемъ мы тысячелѣтнюю память ихъ, что они лично были въ нынѣшнихъ предѣлахъ земли нашей, видѣли разцвѣтавшее христіанство въ древнемъ Херсонесѣ, по берегамъ понта Эвксинскаго и пронесли слово ученія Христова до береговъ моря Хвалынскаго, въ страну невѣрныхъ хозаръ. И только,—если не считать того, что намъ досталась часть обрѣтенныхъ ими мощей св. Климента, которую мы не умѣли или не могли сохранить. Хотѣлось-бы однако думать, что мы нѣсколько болѣе близкіе участники предстоящаго торжества тысячелѣтія славянской письменности, хотѣлось-бы вѣрить, что св. братья Кириллъ и Меѳодій просвѣтили свѣтомъ ученія Христова не однихъ инородцевъ тогдашней Россіи, но и коренныхъ, хотя и не многихъ ея обитателей.

Начало нашей письменности теряется въ сумракѣ вѣковъ; но то извѣстный и неоспоримый фактъ, что невдалекѣ отъ Чернаго моря обитали какіе-то *руссы* и что св. братья Константинъ и Мееодій нашли въ Херсонесѣ «евангеліе и псалтырь руськими письмены писано». Каковы были эти письмена, какъ отнеслись къ нимъ св. братья, въ особенности Константинъ, будущій изобрѣтатель славянской азбуки,—остается неизвѣстнымъ. Позволительно однако-жъ думать, что не однимъ сорокадневнымъ постомъ Константинъ философъ подготовилъ себя къ начертанію письменъ славянскихъ...

Еще болѣе невыясненнаго, не досказаннаго, но, какъ намъ кажется, не лишеннаго связи съ настоящимъ празднованіемъ въ сказаніи о началѣ у насъ христіанства. Позднѣйшая историческая критика отвергла все лѣтописное сказаніе о посольствахъ къ Владиміру и посольствахъ отъ него, оставивъ лишь голый фактъ крещенія его и имъ кіевлянъ и назвавъ все остальное легендою. Откуда однако самая легенда, откуда въ ней это имя Константина философа и не названнаго по имени его спутника? Въ эпоху крещенія Владиміра эти лица и ихъ дѣйствія стоятъ одиноко лишь въ нашей лѣтописи и ничего общаго имъ и всему лѣтописному сказанію мы не находимъ ни въ византійскихъ, ни въ болгарскихъ, ни въ иныхъ хроникахъ и преданіяхъ, а сто съ небольшимъ лѣтъ назадъ, когда въ Кіевѣ княжили Аскольдъ и Диръ, принявшіе крещеніе отъ грековъ, эти самыя лица и дѣйствія какъ разъ на мѣстѣ и почти тождественны у насъ, какъ и у грековъ и болгаръ. Почему нибудь патріархъ Фотій да говоритъ въ своемъ посланіи о томъ, что онъ просвѣтилъ *русскихъ* свѣтомъ вѣры Христовой, а св. братьевъ солунскихъ называетъ своими учениками и сотрудниками въ дѣлѣ благовѣстія Христова. Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься и покопаться. Путь Константина и Мееодія изъ Херсонеса къ хозарскому хану не вполнѣ опредѣленъ, а обратный и совсѣмъ неизвѣстенъ. Между тѣмъ примѣры перенесенія народною памятью преданій и легендъ съ одного времени и лица на другое позднѣйшее столько-же нерѣдки во всеобщей и въ частности въ нашей южно-рус-

ской исторіи, какъ и примѣры подтвержденія позднѣйшими розысканіями и письменными памятниками того, что считалось долго только легендами, плодомъ фантазіи народной. Не мѣсто и не время останавливаться здѣсь на подведеніи такихъ примѣровъ; но кто можетъ поручиться, что при дальнѣйшихъ историческихъ изысканіяхъ отвергнутая теперь легенда о пришествіи къ Владиміру греческихъ проповѣдниковъ, и одного съ именемъ Константина философа, не найдетъ себѣ дѣйствительнаго историческаго примѣненія и, быть можетъ, въ направленіи нами намѣчаемомъ...

Кстати припомнить здѣсь мнѣніе польскаго ученаго Мацѣевскаго о томъ, что «страна между р. Стырью, г. Луцкомъ и р. Бугомъ нѣкогда входила въ составъ епархіи св. Меѳодія», а мнѣніе это онъ основываетъ на офиціальномъ актѣ 973 г. о присоединеніи моравскаго архіепископства къ пражскому.

Участіе наше въ празднованіи тысячелѣтней памяти первоучителей славянскихъ расширяется, когда мы обратимся къ тѣмъ великимъ и благотворнымъ послѣдствіямъ, какія имѣли для насъ и другихъ славянъ изобрѣтенныя ими славянскія письмена и полученный отъ нихъ славянскій переводъ св. писанія и богослужебныхъ книгъ. Мирное и скорое распространеніе у насъ православно-христіанской вѣры, возможность созданія національной іерархіи, послѣдующее богатство и широкое развитіе нашего языка, обогащеніе нашей древней литературы переводными и оригинальными произведеніями, удобство умственнаго общенія съ другими славянскими народами—все это было и всѣмъ этимъ мы обязаны безсмертному труду св. Кирилла и Меѳодія.

Съ грустью однако мы должны припомнить при этомъ, что дѣло сцѣпленія славянскихъ племенъ единствомъ греко-восточнаго ученія и общей всѣмъ имъ письменности, такъ славно начатое св. братьями солунскими, еще при жизни ихъ было поколеблено своекорыстіемъ нѣмецко-католическаго духовенства и коварною искони политикою Рима, то признававшаго, то отвергавшаго славянскую службу. Послѣдствія сего не замедлили обнаружиться: въ единый славянскій міръ внесено раздѣленіе, племена западныя, путемъ вѣковыхъ

насилій и неправдъ, отторгнуты отъ духовнаго единенія съ юго-восточными, обрядъ ихъ и самыя письмена замѣнены латинскими. Не будь этого, духовное развитіе славянства пошло-бы инымъ путемъ и значеніе и положеніе его въ Европѣ было-бы, безъ сомнѣнія, иное. Отнимите и теперь отъ западныхъ славянъ гнетущую его силу Рима, снимите латинскій покровъ съ ихъ обряда и письменъ, и единство славянъ возстановится, національное развитіе ихъ быстро пойдетъ, сила ихъ возрастетъ и окрѣпнетъ. Но не къ тому стремился въ теченіе всего тысячелѣтія Римъ, заправлявшій романскимъ міромъ, не того онъ хочетъ и теперь, и самый праздникъ тысячелѣтней памяти славянскихъ просвѣтителей задуманъ имъ лишь въ подрывъ славянству. Пойметъ-ли онъ или его клевреты, что самый праздникъ этотъ служитъ обличеніемъ ихъ неправды и ухищреній, а кости первоподвижниковъ славянства, мирно почіющія въ Велеградѣ и Римѣ, нѣмымъ для нихъ укоромъ?

Что до насъ, то мы, какъ и оставшіеся единовѣрными и единомысленными съ нами славяне южные, съ чистымъ сердцемъ, съ непомраченнымъ прошлымъ, съ неподавленною совѣстію встрѣтимъ и почтимъ тысячелѣтній праздникъ просвѣтителей славянскихъ. Прямыми наслѣдниками и вѣрными хранителями богатаго достоянія ихъ мы были и пребудемъ навсегда. Да будетъ радостенъ и свѣтелъ нашъ праздникъ, а объ отторгнутыхъ отъ насъ неправдами и насиліемъ братьяхъ нашихъ будемъ молить Бога, да придутъ и они въ единеніе вѣры, духа и слова!

ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ[1].

(Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій).

Въ 1866 году изъ Поднѣпровья судьба занесла меня въ воронежскую губернію на Донъ. Чужо все казалось мнѣ. Таже русская рѣчь, которую я съ дѣтства привыкъ слышать въ городахъ на Украйнѣ, въ школѣ и дома—здѣсь на чужбинѣ показалась мнѣ иною, мало знакомою. На самомъ дѣлѣ и теперь я могъ-бы указать на многія особенности тамошняго парѣчія. Въ мѣсто моего водворенія—г. Павловскъ я прибылъ, послѣ недолгаго переѣзда, 30 іюля и на другой день по прибытіи устроился на дешевой квартирѣ у мѣщанина, на самомъ берегу р. Дона. Большія рѣки всегда хороши, а Донъ, въ зеленой рамкѣ луговой поросли, съ его мѣловыми горами, съ темнѣющими по-верхъ ихъ кустами чагарниковъ, съ его свѣтложелтыми отмелями, быстротекущей чистою водой, восхитительно прелестенъ. Съ особеннымъ какимъ-то упоеніемъ я пожиралъ глазами просторный пейзажъ, освѣщенный яркимъ утреннимъ солнцемъ. Рѣка, луговой, въ ту пору еще густой, старый лѣсъ, поросшія кустарникомъ высокія мѣловыя горы, теряющіяся въ си

---

[1]) Въ воронежской губерніи великорусскіе поселенцы называютъ малороссовъ *хохлами* и ихъ женъ *хохлушами*, а малороссы въ свою очередь зовутъ великоруссовъ *москалями* и великорусскихъ женщинъ *московками*.

пѣющей дымкѣ по мѣрѣ удаленія къ краю горизонта, бѣлыя хатки задонскаго какого-то села... все это я обводилъ глазами, во всемъ этомъ душею искалъ успокоенія. Вдругъ слышу—трезвонъ, и городской берегъ рѣки сталъ сначала оцѣпѣнѣть, а послѣ и вовсе потемнѣлъ отъ массы вытиснувшейся изъ улицы толпы народа. Показались кресты и хоругви. Это былъ крестный ходъ къ рѣкѣ по случаю праздника Маккавеевъ (1 августа). Наскоро пріодѣвшись, я поспѣшилъ къ берегу и тутъ сразу попалъ въ кучку малороссіянъ,—по воронежскому хохловъ. Какими-же родными показались они мнѣ тогда!... Подстриженные въ кружокъ чубы, *очипки*, жупаны, лица родственныя, крестятся безъ отмахиванія головою нависающихъ на глаза волосъ... Ну, какъ есть свои, родные украинцы. Это, оказалось, были жители ближайшей къ городу задонской деревни изъ хутора Босовки, острогожскаго уѣзда. Считаю нужнымъ пояснить, что въ воронежской губерніи, въ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами, поселенія большія, гдѣ есть церковь (часто болѣе одной, ибо села здѣсь многолюдны), называются *слободами*, меньшія-же поселенія безъ церквей, а особенно безъ базаровъ, называются *хуторами*. Слобода вообще соотвѣтствуетъ великорусскому селу и украинскому мѣстечку, хуторъ—великорусскимъ поселку, выселкамъ, дворикамъ, починкамъ и т. п. Хуторами, кромѣ того, называютъ одинокія фермы, займища и пасѣки.

Моя квартирная хозяйка послѣ разсказала мнѣ, что недалеко отъ города на той (правой, западной) сторонѣ Дона есть святое мѣсто—Бѣлогорскія пещеры, основанныя какою-то святою женщиною. «Идите, побудете на всенощной, переночуете тамъ, отстоите обѣдню и къ обѣду домой—такъ-то почти всѣ дѣлаютъ»,—убѣждала она меня. «Это недалеко, версты четыре, много пять отсюда», добавила она, какъ-бы догадываясь о моей неохотѣ къ пѣшему путешествію. Я съ удовольствіемъ согласился съ совѣтомъ хозяйки, чтобы чѣмъ нибудь разсѣять давившую меня на первыхъ порахъ тоску, и сейчасъ-же отправился въ мою комнату захватить съ собой кое-что въ дорогу. Вотъ какъ отмѣченъ мною этотъ эпизодъ моихъ здѣсь похожденій въ заметкахъ, какія я тогда писалъ про себя.

.... Четыре часа по полудни. Жара спала. Надъ городомъ пронесся густой звукъ большаго соборнаго колокола. Завтра большой праздникъ Преображенія Господня, Спаса по нашему (6 августа).

Я поднялся съ лежанки въ полутёмной съ закрытыми ставнями комнатѣ, умылся, взялъ краюху хлѣба и отправился въ путь. Подъ городомъ переправился я на паромѣ черезъ Донъ и, не торопясь ко всенощной, поплелся лугомъ по-надъ рѣкою вверхъ по теченію, останавливаясь, любуясь видами. Такъ дошелъ я до горы. Измятая ногами богомольцевъ песчаная тропка, то спускающаяся къ самой водѣ, то прячущаяся въ прибрежныхъ порослякъ лозы, вербы и тополи, довела меня къ быстро-текущему протоку. Это обновляющееся русло Дона, который въ этомъ мѣстѣ поворачиваетъ отъ горъ на юго-востокъ, обходя луговой лѣсъ и поднимаясь къ г. Павловску. Вѣроятно, Донъ когда-то протекалъ сплошь подъ горами, что доказывается ихъ обрывистостью и обнаженіемъ мѣла. Теперь вода опять стала прорываться подъ гору и, нужно думать, когда нибудь Донъ пророетъ себѣ свое старое русло. Черезъ этотъ протокъ, не широкій, но быстрый и глубокій, устроенъ до нельзя плохой мостикъ. Это попросту звенья плетня, уложенныя на плохенькихъ утлыхъ козлахъ. Весь этотъ мостикъ до того скрипѣлъ и шатался, что я, боясь полетѣть въ воду, пролѣзъ по немъ на четвереньках. Тоже продѣлывали, какъ я увидѣлъ на другой день, и другіе.

За протокомъ дорожка пошла подъ крутыми мѣловыми горами. Мѣлъ торчалъ громадными потрескавшимися слоями по склону горы и различной величины глыбами и даже россыпями доходилъ до самой воды. Сапоги побѣлѣли. Высоко вверху надъ мѣломъ виднѣлся обрѣзъ покрывающей мѣлъ почвы, на которой сплошь поросъ мелкій орѣшникъ. Недалеко отъ протока гора прерывалась долиною. Тропка раздѣлилась на трое по склону горы, обрамляющей долину: одна пошла въ сторону отъ рѣки, одна повилась надъ самою водою, опять по-подъ кручею, а одна полѣзла на бѣлую, лишенную растительности «Лысую» гору. Я полѣзъ на гору.

Взобравшись на гору, я очутился невдалекѣ отъ баштана, бахчи, по здѣшнему, около куреня которой раздавался веселый женскій смѣхъ. Это были хохлушки, стерегшія баштань, за отсутствіемъ сторожа—двое *дивчатъ* и одна *молодыця*. Посидѣлъ я около нихъ, покурилъ. Но очевидно мое присутствіе ихъ стѣсняло. Шутки и смѣхъ ихъ выходили какими-то неудачными и натянутыми. Не будучи настроенъ поддерживать, подзадоривать веселость, смѣхъ

и шутки, я ограничился нѣсколькими распросами у молодицы о шитыхъ золотомъ очипкѣ и висѣвшемъ на ея поясѣ, «кармошѣ», и съ удовольствіемъ услыхалъ чистый малорусскій «жиночій» говоръ. Кромѣ того я наскоро срисовалъ узоры обшивки корсетовъ и шейные *хресты* и *дукачи*. Знакомство не ладилось. Я былъ слишкомъ объективенъ съ моими распросами при моей городской одеждѣ. Пораспросивши, куда идти, я пошелъ отъ нихъ, не оглядываясь и какъ-бы не слыша вновь раздавшагося смѣха и задѣвающихъ шутокъ.

Отошедши за бугоръ, такъ что стало не видно ни бакчи, ни куреня, я улегся надъ крутымъ обрывомъ, закурилъ трубку и, всматриваясь въ обширную, открывшуюся предо мною картину, предался невеселымъ размышленіямъ.

Вѣдь шелъ-то я за Донъ именно къ этимъ или, лучше сказать, къ этакимъ *дивчатамъ*—мнѣ нужно было найти, увидѣть кого нибудь изъ родныхъ людей. И что-же?! При первой встрѣчѣ я наткнулся на чужихъ, я самъ оказался чужимъ для нихъ, смѣшнымъ съ моею хоть-бы только наружною панскостію, съ моимъ деликатничаньемъ, съ моимъ любопытствомъ относительно такихъ обыкновенныхъ на нихъ взглядъ вещей, какъ *очипокъ*, *лядунки*, *хрестъ* или *дукачъ*. Чужой я имъ. А еще такъ недавно я былъ своимъ въ средѣ подобныхъ людей. Думы мои, какое-то жалкое, больное чувство, понеслись далеко, далеко на западъ, на Поднѣпровщину, въ недалекое утерянное, прошлое...

Уже совсѣмъ повечерѣло. Даль затянулась туманомъ. Поднявшаяся высоко луна то и дѣло заволакивалась тучками, изъ коихъ одна побольше крапнула дождемъ, прервавшимъ мою задумчивость и заставившимъ подумать о пріютѣ на ночь. Монастырекъ былъ близко. Это я зналъ по недавно умолкнувшему звону колоколовъ, по доносящимся голосамъ людей. Я пошелъ надъ обрывомъ, стараясь разсмотрѣть впереди себя колокольню монастыря. Тучки совсѣмъ заволокли луну. Прошедши немного, я наткнулся на какой то курень. Нужно было разспросить дорогу. Это была опять бакча. Осторожно переступая огудину, я подошелъ къ самому куреню; луна, вынырнувшая изъ-за тучекъ, освѣтила на минуту плетеный шалашъ, кучу арбузовъ и бѣлаго, какъ лунь, дѣда-сторожа. Старый дѣдъ весь былъ бѣлый, начиная съ волосъ, подстриженныхъ спереди низко надъ глазами, и бороды, и кончая длинною, на выпускъ, ру-

бахою и бѣлыми спущенными на босыя ступни ногъ штанами. Послѣ привѣтствія дѣдъ пригласилъ меня ѣсть сочный кавунъ. Разговорились мы съ нимъ. Оказался хохломъ и чуть не землякомъ. Еще маленькимъ онъ былъ завезенъ сюда изъ-подъ Кіева «изъ якоись Обуховои слободы» (не Обуховъ-ли кіевскій). Разсказалъ мнѣ дѣдъ кое-что про монастырекъ, при которомъ онъ состоитъ братчикомъ, и совѣтовалъ идти ночевать «на гостину». Послышались женскіе голоса. Но межѣ подошли къ куреню нѣсколько велико-русскихъ бабъ, московокъ по тамошнему. Дѣдъ и ихъ поподчивалъ арбузами; поѣли онѣ и, помолившись, поблагодарили дѣда, на что тотъ отвѣчалъ: «*Богу святому дякуйте*». Пошли бабы въ «гостину», поплелся и я вслѣдъ за ними.

Черезъ какой-то перелазъ, по узкой тропкѣ между кустами, обдававшими насъ росою, дошли мы до большой простой хаты,— одной изъ нѣсколькихъ здѣсь жилыхъ построекъ, изъ-за крышъ которыхъ виднѣлся шпицъ колокольни. Окна были освѣщены, и было людно на крыльцѣ и въ сѣняхъ. Мои спутницы, видно, бывалыя уже здѣсь, отправились прямо въ хату, а я остался на крыльцѣ съ какими-то бабами. Вообще мужчинъ здѣсь не было видно.

— Что-же ты стоишь тутъ? Иди, родимый, въ избу-то! обратилась ко мнѣ какая-то богомолка.

Я пошелъ. Большая, просторная изба была выбѣлена и убрана чисто по малорусски: передній уголъ уставленъ образами, обвѣшанъ рушниками, лампадками и «*голубцями*»... Тѣ-же лавки подъ стѣнами, тотъ-же большой накрытый *настольникомъ* столъ у *покутя*. Бабъ было полно. Были хохлушки, были и московки. Сидѣли на лавкахъ и на полу. Сидѣли и лежали. Лампадки у образовъ и нѣсколько восковыхъ свѣчей мигали въ духотѣ, слабо освѣщая всѣхъ богомольцевъ.

— А вотъ, можетъ быть, онъ намъ прочитаетъ какую нибудь *заповѣдь изъ божества*... отозвалась какая-то русачка.

— И то, родимый, почитай, потѣшь душу—ты, надо быть, грамотный...—пристали еще голоса. Вотъ она-то жажда духовной пищи, подумалъ я. Хохлушки молчали, а больше приставали московки. Я согласился читать. Нѣсколько книгъ духовнаго содержанія нашлось у завѣдующей этой избой женщины, которая вынесла ихъ изъ *валькиря*. Я выбралъ Четьи Минеи. Нашлось «Житіе св. Ольги»

княгини, заложенное какъ на то-жъ тоненькой книжечкой московскаго изданія: «Житіе равноапостольнаго князя Владиміра». Я порѣшилъ это читать.

Меня усадили за столъ въ передній уголъ. Нѣсколько восковыхъ свѣчекъ въ рукахъ ближе ко мнѣ сидящихъ дали больше свѣта. Нѣсколько не зажженныхъ свѣчей было подано прямо на книгу, какъ-бы приношеніе. Все, что было въ избѣ, сдвинулось къ столу. Сцена меня воодушевляла. Я читалъ и неудобопонятное объяснялъ по русски и по малорусски. Бабы только вздыхали и были въ восторгѣ отъ меня

— И нихто-жъ, нихто намъ николи такъ не читавъ!...

— Такъ прямо въ душу кладе! слышались возгласы, сопровождаемые вздохами.—Отъ такъ читае, наче розсказуе!...

Прочиталъ я житіе св. Ольги и передъ чтеніемъ житія св. Владиміра разсказалъ связующія событія. Жарко было невыносимо. Бабы сняли съ меня жакетку, утирали рукавами потъ на моемъ лицѣ, принесли воды напиться, утирали мокрымъ полотенцемъ лицо мое—и все это такъ ласково, любящe. Я былъ растроганъ, воодушевленъ, читалъ и говорилъ до изнеможенія. Эта обстановка, эти добрыя, простыя, вѣрующія лица, эта искренняя вѣра и жажда слова живаго, все это было необычайно трогательно и возбуждающе.

Далеко за полночь продлилось наше засѣданіе. Дальше помѣстившіяся отъ стола, наморенныя—уснули. У меня кружилась голова, во рту все больше и больше пересыхало. Наконецъ я дочиталъ книжку и всталъ изъ-за стола. Всѣ перекрестились и я съ ними. Бабы стали пріискивать мнѣ мѣсто на лавкѣ, но я отказался и, напутствуемый благодарностями, направился къ выходной двери: мнѣ нуженъ былъ свѣжій воздухъ, возбужденные нервы не располагали ко сну.

— Пойдемъ-те вмѣстѣ, тамъ гдѣ нибудь примостимся заснуть,—отозвался изъ угла избы густой мужской басъ, и предо мною предсталъ высокій, не старый еще мужчина, въ подрясникѣ, съ широкою бородою и подстриженными въ скобку волосами.

Какъ грѣхъ какой явился предо мною этотъ молодецъ. Я мнилъ себя совершенно однимъ съ богомолками, вовсе ни кѣмъ постороннимъ не наблюдаемымъ, и вдругъ оказывается, что этотъ человѣкъ все время сидѣлъ здѣсь и слушалъ.

Мы вышли изъ избы, переступая размѣстившихся въ сѣняхъ и на крыльцѣ богомольцевъ. Небо было чисто и безоблачно; луна ярко освѣщала все, тѣни рисовались отчетливо. Я положительно не зналъ, куда идти. Хотѣлось остаться самому, хотѣлось при томъ покурить, что было неловко дѣлать въ оградѣ, особенно между постройками, крытыми соломою. Вообще мнѣ было, что называется, *не по себѣ*. Мой новый знакомецъ предложилъ расположиться подъ навѣсомъ амбара, куда онъ еще съ вечера принесъ сѣна. Мы начали моститься. Онъ все хвалилъ мое чтеніе.

— Вотъ-бы вамъ почитать у черницъ... онѣ-бы васъ озолотили... Вѣдь вы читаете на славу и еще лучше объясняете. А знаете что?! произнесъ онъ шепотомъ, и обратился ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ, которое заставило меня заподозрить въ немъ случайнаго пришлеца и большой руки проходимца, что вскорѣ вполнѣ подтвердилось.

Я отказался отъ предложенія и пошелъ за ограду. Кстати, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я сидѣлъ передъ приходомъ на бакчу къ дѣду, я забылъ носовой платокъ. Нашелъ платокъ и долго сидѣлъ надъ обрывомъ, покуривая трубку и мечтая.

Да! Мечталъ и думалъ... Вспоминая теперь, много лѣтъ спустя, мимовольно призадумаешься, и что-то болѣзненное, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное, повѣетъ въ душу. Чужой всѣмъ, никѣмъ незнаемый, сидѣлъ я надъ глухимъ обрывомъ въ какомъ-то отупѣніи уставшихъ нервовъ. Нашелъ-же я тогда возможность воспрянуть духомъ, удовлетворилъ-же я требованію этихъ чужихъ мнѣ людей, которымъ не было дѣла до того, кто я и откуда! Нашлась-же у меня точка соприкосновенія съ этими чужими людьми! Да! Все это, вся эта сцена въ избѣ, эта глушь надъ обрывомъ, эта лунная, тихая, мертвая спасовская ночь—все это живо встаетъ въ моей памяти. Это моя молодость, это моя, теперь поломанная жизнью, молодая сила души, души еще не зачерствѣвшей, свѣжей:

Молодее лихо! якъ-бы ты вернулось,
Проминявъ-бы долю, що маю теперь.

Продолжаю выписку изъ замѣтокъ, пополняя и исправляя ихъ.

Когда я вернулся подъ навѣсъ амбара, моего знакомца не было. Шушуканье въ закутѣ указывало, гдѣ онъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Еще солнце не подымалось, какъ уже началось движеніе въ монастырѣ: раздался благовѣстъ, бабы умывались, оправлялись, перевязывали головные платки и шли въ пещерную церковь. Мой знакомецъ, лѣниво позѣвывая, поднялся съ сѣна и сейчасъ-же назвался проводить меня всюду, куда я пожелаю. Мнѣ положительно нельзя было отвязаться отъ него.

Монастырь этотъ или, какъ здѣсь говорятъ, монастырекъ, былъ еще только, такъ сказать, въ зачаточномъ состояніи. Полагаю, что начало устройства этого, выросшаго на моихъ глазахъ монастыря можетъ служить объясненіемъ устройства и другихъ, если не всѣхъ, монастырей на Руси. Разница будетъ развѣ только въ подробностяхъ или въ фонѣ эпохи, въ которую устраивались обители. Поэтому-то считаю не лишнимъ разсказать здѣсь все, что мнѣ извѣстно про этотъ монастырь—Бѣлогорскія пещеры въ простонародьи.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ слободѣ Бѣлогорьѣ жила вдова козачка Марія Константиновна Шерстюкова. Она вела разгульную жизнь, доведшую ее до омерзительной болѣзни—половой истерической раздражительности. Омерзительна она стала цѣломудреннымъ хохламъ, особенно когда болѣзненная страсть заставляла ее кидаться на всякаго мужчину. Отверженная, презираемая всѣми, она бродила по полямъ, гдѣ отъ нея положительно отбивались всѣ мужчины. Не знаютъ, какимъ образомъ она очутилась въ Кіевѣ, и тамъ какой то схимникъ убѣдилъ ее бросить эту грѣховную жизнь, смирить бушующую плоть трудомъ, постомъ и молитвою. Знакомый съ по-донскою мѣстностью схимникъ посовѣтовалъ Маріи предпринять тяжелый трудъ—копаніе пещеры въ мѣловыхъ горахъ. Возвратившись изъ Кіева въ 1796 г., Марія стала неузнаваемою. Вдали отъ всякаго жилья, въ дикомъ и глухомъ мѣстѣ мѣловыхъ надъ-донскихъ обрывовъ, она начала рыть пещеру, постоянно пребывая въ постѣ и молитвѣ. Этимъ она обратила на себя вниманіе однослобожанъ: на нее стали смотрѣть, какъ на спасающагося человѣка и, руководимые сначала любопытствомъ, а послѣ и набожностію, ея однослобожане приходили въ свободное время помогать ей, при чемъ приносили харчи и восковыя свѣчи. Такимъ образомъ рылись эти пещеры, и мѣсто это пріобрѣтало себѣ все большую и большую извѣстность въ мѣстномъ народонаселеніи. Твердый сплошной мѣлъ далъ возможность устроить правильные своды корридоровъ, изъ

которыхъ кое-гдѣ выдѣляются особыя помѣщенія, въ родѣ келій и олтарей. Пещеры совершенно такія-же, какъ и кіевскія, только бѣлый мѣлъ, менѣе скрадывая свѣтъ, дѣлаетъ ихъ будто-бы болѣе свѣтлыми. Меньше кіевскихъ эти пещеры только по протяженію.

Такія-же пещеры по Дону, въ предѣлахъ воронежской губерніи, въ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами, кромѣ Бѣлогорья, находятся и въ другихъ мѣстахъ: въ Лискахъ, въ Костомаровой, въ Шатрищѣ, около Богучара,—но всѣ онѣ малоизвѣстны и никѣмъ не заняты. Всѣ эти пещеры вырыты въ этомъ уже столѣтіи. Можетъ быть, эта работа Маріи осталась-бы безъ всякаго особаго значенія, какъ и подобныя работы другихъ безвѣстныхъ тружениковъ-пещерокопателей по-донскихъ, но одно обстоятельство помогло ей. Мѣстное, слободы Бѣлогорья, духовенство обратило вниманіе на то, что по праздникамъ много народу ходитъ помогать Маріи и кромѣ того носятъ туда восковыя свѣчи, чѣмъ уменьшаютъ доходъ церкви. Въ то время выдѣлка и продажа восковыхъ церковныхъ свѣчей не составляла еще своего рода церковной монополіи, не была стѣснена и такъ сказать спеціализирована: приходящіе приносили въ церковь свѣчи своего издѣлія, какъ это и теперь кое-гдѣ можно видѣть на Украйнѣ, но именно это вызывало неудовольствіе причтовъ въ сельскихъ приходахъ, гдѣ главный источникъ содержанія церкви заключался въ продажѣ свѣчей. Въ это-же время пошли въ ходъ разныя репрессаліи правительства, направленныя противъ раскола. Отвлеченіе нѣкоторой части доходовъ было такъ сказать внутреннимъ стимуломъ борьбы, которую мѣстное духовенство повело противъ пещерокопателей, внѣшнимъ-же предлогомъ для нея выставлялись подозрѣнія въ возникновеніи какого-то толка. Пошли доносы, вмѣшалась свѣтская власть. Сначала ограничились удаленіемъ пещерокопателей и Маріи и забитіемъ (въ 1807 г.) входа въ пещеры; но когда пещеры опять были народомъ открыты и стали опять раздѣлываться, тогда Марію арестовали и посадили въ тюрьму (1808 г.). По дознанію начальства тогдашней слободско-украинской губерніи ничего въ этомъ дѣлѣ противозаконнаго не оказалось. Марія была освобождена изъ заключенія и возвращена въ Бѣлогорье. Ея односельцы-хохлы, и безъ того не расположенные ко всѣмъ этимъ предержащимъ властямъ, поверставшимъ ихъ дѣдовъ-козаковъ въ войсковыхъ обывателей, а теперь пре-

вращавшимъ ихъ въ государственныхъ крестьянъ, съ уничтоженіемъ привиллегіи винокуренія, стали на сторонѣ Маріи, увидѣли въ ней мученицу, гонимую за спасеніе души. Къ счастью, острогожскій уѣздъ въ это время отдѣленъ былъ отъ слободско-украинской губерніи и присоединенъ къ воронежской. Новыя власти забыли про Марію и пещерокопаніе. Работа, моленіе, посѣщеніе пещеръ—пошли своимъ чередомъ, явилось подвижничество, самомученичество, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и почитаніе Маріи и больше рвенія къ помощи ей. Ближайшія мѣстныя власти не переставали донимать Марію и ея почитателей, но разъ начатое дѣло двигалось въ силу своей внутренней интенсивности. Случайныя обстоятельства помогали ему и отклоняли отъ него преслѣдованіе.

Мѣстнаго священника, ѣхавшаго съ цѣлію разгонять молящихся въ пещерахъ, понесли лошади; священникъ испугался и подумалъ, что это Богъ караетъ его за преслѣдованіе Маріи. При этой мысли его лошади остановились на краю обрыва, и онъ былъ спасенъ. Поднявъ это, какъ особое знаменіе Божіе, священникъ изъ преслѣдователя обращается въ покровителя пещерокопанія. Въ это время у Маріи появился постоянный сотрудникъ, какой-то Иванъ. Пещеры разработывались, слава о нихъ распространялась. Проѣзжала черезъ Павловскъ богатая донская казачка Иловайская, направляясь къ Сергію-Троицѣ и далѣе въ Петербургъ. Услыхавъ про Бѣлогорскія пещеры, она посѣтила ихъ и обѣщала свое содѣйствіе защитѣ этого дѣла отъ притѣсненій. Извѣстно, что послѣ отечественной 1812 году войны донцы были въ милостяхъ у правительства. Пріѣзжавшіе въ Питеръ донцы были тамъ обласкиваемы, были принимаемы въ высшихъ кружкахъ. Вотъ эта-то Иловайская и разсказала въ Петербургѣ про пещеры, про Марію. Сейчасъ-же послѣдовалъ запросъ (1818 г.) мѣстнымъ, воронежскимъ уже властямъ о томъ, какой такой скитъ завелся на Дону около Павловска и не есть-ли это раскольничій скитъ. Власти испугались и донесли о скитѣ, выгораживая себя, какъ о дѣлѣ святомъ и богоугодномъ, ничего общаго съ расколомъ не имѣющемъ. Иловайская знала объ этой перепискѣ и на обратномъ пути, посѣтивъ опять Марію, посовѣтовала ей заняться устройствомъ церкви и съ своей стороны сдѣлала пожертвованіе, подарила между прочимъ въ пещеры икону въ серебряной ризѣ. Это поощрило Марію и ея приверженцевъ.

Скоро, испросивъ разрѣшеніе, приступили здѣсь къ устройству церкви во имя св. Александра Невскаго (въ 1819 г.). Марія задумала устроить женскій монастырь. Между тѣмъ молва о Бѣлогорьѣ прошла по Дону, и въ чаянія учрежденія тамъ монастыря, къ Маріи прибыло до 30 дѣвушекъ-козачекъ съ Дону. Въ 1821 г. Марія видѣла монастырь какъ-бы уже на дѣлѣ. Окруженная ищущими спасенія, она старалась и обставить себя по монастырски, но духъ гордыни проникъ въ ея сердце: она стала одѣваться въ черное длинное платье, затруднила доступъ къ себѣ приходящихъ, появляясь только послѣ доклада очередной келейницы, стала давать цѣловать свою руку—однимъ словомъ изображала изъ себя настоятельницу. А тутъ какой-то ворожей-татаринъ (sic), проживавшій въ г. Бирючѣ (воронежской губерніи), *пророкъ* Маріи, *что за ея гордыню* Богъ не сподобитъ ее увидѣть осуществленіе ея желаній—женскій монастырь въ *пещерахъ*. Кто-то не изъ знахарей объяснилъ ей, что, если разрѣшатъ устроить обитель, то игуменьею назначена будетъ не она, рачительница, а пришлютъ кого-нибудь *зъ вельможного якого роду*. Разрѣшеніе какъ на бѣду не приходило; оно задерживалось просто неимѣніемъ достаточнаго фонда для обезпеченія существованія монастыря. Ничего этого не соображала Марія; напуганная знахаремъ и всякими толками, она озлобилась и, чтобы уничтожить всякій зачатокъ обители, разогнала дѣвицъ-козачекъ. «Щобъ и духу московського тутъ не було», говорила Марія, разгоняя келейницъ; «бо вже вони й такъ остогыдили. Хай имъ сей та той, щобъ вони моими трудами корыстувались»! добавлялъ разсказывавшій мнѣ хохоль-старикъ.

Такъ и умерла Марія (въ 1822 г.), не видѣвъ монастыря. Къ ея не долго еще жившему сотруднику—Ивану *приставали* кое-какіе старцы и, составивъ родъ братства, вѣдали дѣла этого скита. Такимъ и я засталъ въ 1866 году этотъ монастырекъ. *Братчики* завѣдывали хозяйствомъ и церковью, находившеюся въ вѣдѣніи бѣлогорскаго благочинія, и имѣвшей особаго, назначаемаго на жалованьи священника.

Хорошіе эти были старики-братчики, хорошо, умѣло они хранили это почитаемое народомъ мѣсто. Окрестные жители-селяне по мѣрѣ возможности оказывали поддержку имъ—хлѣба давали, лѣску на постройки и ремонтъ, какую-нибудь нивку сѣнокосную...

кромѣ денежныхъ церковныхъ приношеній. Бабы—крестьянки окрестныя въ огородахъ всегда назначали грядку-другую капусты или картофеля на братію. Ладили Божіе старцы съ народомъ. Шли всѣ туда, какъ къ своимъ, простолюдинъ чуялъ себя своимъ человѣкомъ въ этой обители: отдохнулъ, помолился, поѣлъ въ общей трапезѣ, привѣтствованный, приласканный, напутствуемый благодарностями за его неотвергнутую скудную ленту, богомолецъ уходилъ съ добрымъ чувствомъ, съ чувствомъ любви къ этому мѣсту, къ этимъ братчикамъ. Все это просто, любовно, сердечно. Любили ихъ и уважали за ихъ любовь, за ихъ труды, за строгость подвижнической жизни и главное за то, что это были свои люди.

Помню я одного изъ этихъ старцевъ—Андрій Миколаёвичъ Васильченко, въ монашествѣ Антоній († 1876 г.) Его всѣ помнятъ и вспоминаютъ. Онъ былъ главнымъ распорядителемъ въ обители. Тихій, степенный, кроткій такой, привѣтливый. Только густыя, не сѣдѣющія брови, да каріе, пытливые глаза выказывали силу воли, какъ-бы какую-то властность его. Успокоивающее, умиротворяющее чувство навѣвали на душу бесѣды съ нимъ. Онъ не былъ ханжа, но его искренняя вѣра, религія души, если такъ можно выразиться, побѣждали холодность, индиферентизмъ собесѣдника. Въ немъ понималось *спасеніе въ Богѣ*, уразумѣвалась возможность обрѣтенія благодати въ самомъ себѣ, сочетаніе наружной обрядности съ душевными вѣрою, надеждою и любовью. Жилъ онъ въ небольшомъ особливомъ домикѣ-келіи, построенномъ надъ самымъ обрывомъ. Около келіи чисто выметено. На дверяхъ въ рамкѣ за стекломъ церковнославянскимъ письмомъ написано было.

Аще не увидишъ въ дверяхъ ключа,
Отыди, другъ мой, молча, не стуча.
Аще же имѣешъ ко мнѣ дѣло,
Толцы въ двери смѣло.
Въ домъ вошедъ, молитву сотвори,
А лишняго ничего не говори.

Не помню больше. Въ келіи чисто, скромно. Иконы, лампадки, рушникъ, простая скамья широкая, на которой онъ и спалъ. Книги подъ иконами.

Въ 1867 или въ 1868 году скитокъ этотъ причислили къ митрофаньевскому воронежскому монастырю. Стали называть его филіаль-

нымъ монастыремъ, а по просту подворьемъ. Выслали туда часть братіи. Я слыхалъ, что высылались провинившіеся въ чемъ-либо за наказаніе. Воображаю, какъ больно это было старцамъ-братчикамъ. Андрій Миколаёвичъ принялъ монашество. Онъ вскорѣ умеръ іеромонахомъ. Остальные митрофаньевскіе монахи и послушники далеко не споспѣшествовали доброй славѣ монастыря.

Относительно ихъ неприглядной жизни многое разсказывалъ мнѣ одинъ старикъ-хохолъ изъ ближайшаго хутора, желая охарактеризовать духъ ново-поселенной монастырской братіи. Иного и нельзя было ожидать отъ тѣхъ, которые посылаемы были сюда въ наказаніе. Естественно, что, вмѣсто исправленія, они только портили доброе имя зарождавшейся обители и производили смущеніе въ народѣ.

Въ 1870-хъ (1873—1875) годахъ случился въ монастырѣ скандалъ: два послушника удушили какую-то женщину изъ тѣхъ, что страшствуютъ подъ названіемъ черничекъ, и стащили ее въ монастырскую баню. Водовозъ, которому приказали остатокъ воды въ банѣ слить въ чанъ, наткнулся на трупъ несчастной черницы и оповѣстилъ дѣло. Началось слѣдствіе. Настоятель, іеромонахъ Аврамій, спасая репутацію обители, вздумалъ послать судебному слѣдователю сто рублей. Судили въ острожскомъ окружномъ судѣ; присяжные признали виновными и послушниковъ и настоятеля; всѣхъ троихъ сослали.

Для устроенія монастыря присланъ новый настоятель, о. Петръ, бывшій духовникомъ воронежскаго архіепископа Серафима. Энергичный и строгій, онъ, какъ видно, хорошій хозяинъ. Обитель теперь, по разрѣшенію св. синода, признана самостоятельнымъ монастыремъ. Теперь тамъ, кромѣ пещерной, устроены еще двѣ церкви, подъ одной изъ коихъ открыты гробы Маріи и Ивана. Это самопростѣйшіе саркофаги изъ того-же мѣла. Нѣсколько иконъ и лампадокъ, аналой—вотъ все убранство этого склепа, кромѣ того у входа на стѣнѣ два большаго формата портрета пещерокопателей, Маріи и Ивана. Марія написана одѣтою въ бѣлую свитку, какія и по сю пору носятъ крестьянки-хохлушки, и въ *намитку*, повязанной по *очипку*, Иванъ въ обыкновенномъ халатѣ, въ длинныхъ волосахъ, расчесанныхъ по духовному по обѣ стороны головы. Приставленный къ этимъ гробамъ старикъ-монахъ читаетъ по книгѣ,

хотя, говорятъ, онъ неграмотный, и прикладывающихся къ иконѣ окропляетъ водою, при чемъ простонародію совѣтуетъ смачивать этою водою глаза: «многимъ помогаетъ...» говоритъ онъ. Монастырь за настоящее время пріобрѣлъ небольшое имѣніе, въ которомъ исполняютъ «послухъ» испытуемые разнаго рода послушники, готовящіеся къ иноческой жизни. Трудность добыванія воды устранена устройствомъ водокачальной машины, устроенной подъ горою на берегу Дона при чертѣ найвысшаго весенняго подъема воды [1]). Вообще, повторяю, о. Петръ оказывается хорошимъ устроителемъ обители; по внѣшнему виду она пріобрѣтаетъ все больше благолѣпія, по внутреннему—порядка и постепеннаго совершенствованія, хотя трудно поднять сразу ту репутацію, которую такъ уронили ссыльные монахи. Какъ о всякомъ монастырѣ, и о бѣлогорскомъ пришлось выслушать мнѣ немало всякихъ разсказовъ: въ иныхъ видишь отголоски прежней неурядицы, въ другихъ какое-то недоразумѣніе.

Не такъ давно въ пещерахъ объявился схимникъ-затворникъ. Пребывалъ онъ *замурованнымъ* въ особой келійкѣ. Сквозь окошечко приходящіе подавали ему приношеніе и выслушивали его наставленія. Послѣ оказалось, что тутъ повторилась исторія, такъ огорчившая въ свое время въ кіево-михайловской обители пр. Ирінея Фальковскаго [2]); роль схимника здѣсь разыгрывалъ пребывавшій на послушаніи отставной солдатъ К..., который, будучи выпущеннымъ изъ затворничества, не стѣсняясь, разсказывалъ подъ выпивкой о своемъ заточеніи.

Во время послѣдней турецкой 1877—1878 гг. войны въ монастырькѣ проживалъ какой-то паломникъ, направлявшійся ко св. мѣстамъ изъ астраханской губерніи, но остановившійся здѣсь въ виду того, что пропускъ за границу по случаю войны былъ невозможенъ. Вступивъ въ обитель, внесъ онъ на храненіе или навсегда 600 руб. Когда война окончилась, паломникъ вздумалъ отправиться въ дальнѣйшее странствованіе и потребовалъ возврата внесенныхъ денегъ. Денегъ почему-то не выдали. Возникло дѣло. Паломникъ

[1]) Хронологическія данныя я почерпнулъ изъ описаній этой обители проф. Данскаго, изд. въ 60-хъ годахъ, и нѣкоего Н. Кразовецкаго, изд. въ 1878 году. Остальное изъ разсказовъ.

[2]) См. «Кіевскую Старину» за 1883 годъ, августъ, стр. 696.

долго таскался по судамъ, но въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства ничего не смогъ сдѣлать, такъ какъ у него не было во первыхъ никакой сохранной росписки, а во вторыхъ по дѣйствующему закону (2101 ст. X т., ч. I) монахи не могутъ принимать на сохраненіе денегъ или иного имущества. Неудовлетворенный судомъ, паломникъ затѣялъ идти въ Питеръ, но гдѣ-то пропалъ безслѣдно.

Нѣкая старая дѣвица, мѣщанка Анастасія Рѣзанова, не живя постоянно дома, а путешествуя по святымъ мѣстамъ, отдала также на храненіе, но не въ кассу монастырскую, а одному изъ іеромонаховъ бѣлогорскаго монастыря, два билета внутренняго займа съ полными купонными листами. Послѣ одной изъ отлучекъ, возвратясь въ г. Павловскъ, она узнала, что іеромонахъ умеръ. Въ принятіи имъ билетовъ Рѣзановой никакой росписки и никакой замѣтки не было, да и самъ онъ о томъ, умирая, не успѣлъ сказать; найденные по смерти его билеты причтены къ числу имущества умершаго и по закону обращены въ собственность монастыря. Единственнымъ доказательствомъ права на билеты у Рѣзановой имѣлись квитанціи страхованія ихъ отъ погашенія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но ничто, кромѣ ея слезныхъ увѣреній, не доказывало, что билеты не подарены умершему, или чрезъ него монастырю. Братія не поддалась ни на какія просьбы Рѣзановой, ни на ходатайство одного изъ сопровождавшихъ сенатора-ревизора чиновника, ни даже на высказанное въ письмѣ къ настоятелю желаніе высокопреосвященнаго Серафима воронежскаго уладить это дѣло, и билеты остались собственностію монастыря.

Еще одинъ случай. Устраивалась водокачалка, о которой я выше упоминалъ; дѣло какъ-то не ладилось. Монахи узнали, что въ слободѣ Бутурлиновкѣ есть механикъ-самоучка, нѣкій Григорій Матвѣевичъ Крайно, пользующійся извѣстностію. Его пригласили устроить водокачалку и согласились на предложенную имъ цѣну 800 рублей, но съ тѣмъ, чтобы принять водокачалку на ходу, въ дѣйствіи. Крайно проработалъ тамъ съ помощниками 26 дней; водопроводъ оказался устроеннымъ вполнѣ удовлетворительно. Но тогда братія предъявила ему письмо изъ какого-то механическаго заведенія, которое обѣщало прислать монастырю механика съ платою по 10 руб. въ день. Письменнаго договора не оказалось, и

Крайно долженъ былъ удовольствоваться 260 рублями; за то братія обѣщала записать его имя на вѣчное поминовеніе.

Не въ осужденіе бѣлогорской братіи я привелъ всѣ эти случаи, но лишь для того, чтобы показать, какъ отклонялась жизнь обители отъ первообраза пещерокопателей и братчиковъ-пещерниковъ, и какъ отодвигалась отъ народнаго идеала сама обитель, регламентируясь по общему типу и проникаясь заботами о «благопріобрѣтеніи» и «благоукрашеніи».

Руководясь въ моихъ замѣткахъ и воспоминаніяхъ единственно желаніемъ очертить развитіе народной жизни въ подпадавшей моему наблюденію мѣстности, я остановился, можетъ быть, болѣе долго, чѣмъ-бы слѣдовало, на описаніи бѣлогорскаго монастыря. Но мнѣ кажется, что возникновеніе, возростаніе и наконецъ доведеніе этой обители до степени самостоятельнаго монастыря, со всѣми присущими монастырямъ квалификаціями, есть тоже одно изъ явленій развитія духовной жизни народа. Насколько удачно проведено регламентированіе этого проявленія, на сколько осталось оно схожимъ со своимъ первообразомъ, судите сами, читатели.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу о моемъ первомъ посѣщеніи монастырька.

У заутрени вчерашнія слушательницы привѣтливо кивали мнѣ головами. Передъ ранней обѣдней я ходилъ съ богомольцами въ пещеры, и провожавшій насъ старецъ вывелъ насъ оттуда особымъ ходомъ, находящимся въ склонѣ той-же горы, но ниже саженей на 5 отъ фронтона пещерной церкви. Я всегда, какъ вѣроятно, и всѣ, испытываю особое облегченіе, выходя изъ всякаго рода подземелій, какъ будто-бы освобождаешься отъ угнетавшаго чувства страха. Но это отрадное чувство въ данномъ случаѣ усугублялось прелестію утра, яснаго солнца, обливавшаго весь обширный видъ, открывавшійся съ небольшой площадки, прокопанной въ цѣльномъ мѣлу передъ выходомъ изъ пещеры. Вида этого, его всей величавой прелести я не стану, да и не съумѣю описывать. Скажу только, что этотъ не менѣе какъ сорокаверстный видъ совмѣщаетъ въ себѣ и широкую рѣку Донъ, и зеленый лугъ, и синѣющія въ дали горы, и села, и городъ Павловскъ, и безконечную, уходящую за край горизонта задонскую степь, и все это сразу охватывается глазами человѣка, только что освободившагося отъ гнетущаго чувства. Я

думаю, что и всѣ богомольцы испытывали тоже, что и я. Всѣ мы стали и смотрѣли. Даже мой соночлежникъ молчалъ, оставивъ свои комментаріи, съ которыми онъ не отставалъ отъ меня все утро.

— Что-жъ, пойдемте въ лѣсокъ; тамъ тоже хорошо и все видно... покурить можно,—прервалъ онъ мое любованіе картиной.

Я пошелъ за нимъ, всматриваясь въ его статную фигуру, въ эти могучія плечи, надъ которыми, точно стрѣха новопокрытой хаты, оттопыривались изъ-подъ измятаго картуза въ линію высоко отхваченные ножницами густые бѣлокурые волосы. Могучая фигура! Смотря на него и на лѣсокъ, поросшій по ложбистому скату горы, куда онъ велъ меня, мнѣ пришлось мимовольно вспомнить спрятанный за жилеткой, не покидавшій меня никогда татарскій ножикъ. Береженаго Богъ бережетъ.

Мы поднялись къ постройкамъ и оттуда, переступивъ ветхій плетень, вошли въ лѣсную ложбину; большія деревья глушили своею тѣнью мелкую поросль, но въ лѣсочкѣ было не густо, и видъ передъ нами оставался почти тотъ-же, съузившись только рамкою ложбины и закрывши отъ насъ рѣку.

Очевидно, мой спутникъ искалъ случая быть со мною съ глазу на глазъ. Едва успѣли мы закурить, какъ сейчасъ онъ принялся разсказывать о себѣ, начавъ съ того, что онъ родомъ съ Кавказа, ставропольской губерніи, причемъ показалъ паспортъ, гдѣ значилось, что ему 46 лѣтъ, росту средняго и волосы, брови, борода и усы темно-русые. Я уже послѣ, разставшись съ нимъ, вспомнилъ это несходство примѣтъ: ему нельзя было дать болѣе 30 лѣтъ и притомъ онъ былъ свѣтлый блондинъ. Смотря на паспортъ, я былъ все еще въ мечтательномъ состояніи. Кромѣ того у него имѣлось увольнительное свидѣтельство, данное ему на предметъ поступленія въ монахи. Былъ онъ, по его словамъ, въ донецкомъ монастырѣ, во святыхъ горахъ, былъ уже разъ и здѣсь, послѣ въ Воронежѣ и наконецъ въ Задонскѣ. Тамъ случилось съ нимъ что-то непріятное, недостаточно ясно объясненное имъ мнѣ. Жилъ онъ тамъ у какого-то мѣщанина, *облагодѣтельствовалъ* его, далъ ему нѣсколько рублей, но послѣ этотъ мѣщанинъ что-то на него выдумалъ, почему-то вмѣшалась полиція, кто-то ему обрѣзалъ волосы, и онъ уже, не заходя въ Воронежъ «*отъ стыда*», очутился здѣсь *въ критическомъ* положеніи, изъ котораго, какъ онъ наконецъ открылся мнѣ, я могъ-бы выру-

чить его, давъ ему нѣсколько рублей... Въ карманѣ у меня было ровно пять копѣекъ, что тоже равнялось *критическому* положенію, а потому въ этомъ разѣ не вышелъ плюсъ отъ помноженія минуса на минусъ. Въ умѣ у меня промелькнули было соображенія объ отрѣзываніи косъ дѣвицамъ и хвостовъ лошадямъ, но благовѣстъ къ обѣднѣ прервалъ развитіе дальнѣйшаго осужденія *друга*, и мы, какъ-бы немного отчуждившіеся, пошли по направленію къ церкви.

Въ цѣлой цѣпи вытянувшихся по береговой тропѣ богомольцевъ я возвратился въ городъ.

Возлюбилъ я эту обитель и частенько хаживалъ туда. Старцы узнавали меня и всегда привѣтливо встрѣчали. Въ обители и по пути къ ней и обратно я успѣвалъ знакомиться съ тамошними хохлами. На баштанахъ, при оранкѣ и посѣвѣ, а послѣ и въ домахъ, я былъ знакомъ съ ними. Мнѣ всегда становилось какъ-то неловко, когда приходилось быть въ компаніи занятыхъ дѣломъ и трудомъ крестьянъ праздношатающимся человѣкомъ. Моя наружная панскость мало извиняла мое бездѣлье и, что хуже, какую-то, что называется, *неприкаянность*. Люди работаютъ, трудятся, заняты дѣломъ, а я болтаюсь, бездѣльничаю. Эту неловкость я испытывалъ, будучи школьникомъ, въ каникулярное время. Это самое пришлось испытывать и во время моихъ задонскихъ отлучекъ изъ г. Павловска. Во извиненіе этой моей неприкаянности мнѣ пришлось объяснять моимъ новымъ знакомцамъ обстоятельства, приведшія меня сюда. Это еще болѣе располагало ихъ ко мнѣ, усиливало ихъ привѣтливость, вызывало на распросы.

— Що-жъ у тебе й симья е—жинка, дити? участливо распрашивали меня.

— Бачь, якъ-то воно прийдетця чоловикови!—и т. п.

Старцы монастырскіе мою досужесть объясняли, по всему вѣроятію, какъ и досужесть иныхъ посѣтителей городскихъ, притомъ же я бывалъ у нихъ обыкновенно днемъ и не разъ съ охотничьимъ ружьемъ, а иногда и съ добытою на охотѣ дичью. Къ осени приходящихъ богомольцевъ стало меньше—монастырекъ опустѣлъ. Ставропольскаго знакомца я разъ только встрѣтилъ идущимъ куда-то изъ монастырька, по направленію къ слободѣ Бѣлогорью, по какому-то дѣлу. Но почему-то я все еще мнилъ его постояннымъ жителемъ пещерной обители.

Разъ позднею осенью, уже подъ вечеръ, возвращаясь съ охоты, я подходилъ къ монастырскому плетню (каменной ограды тогда еще и помину не было). За плетнемъ высился только что сметанный стожокъ привезеннаго сѣна, виднѣлись выпряженные волы. Андрій Миколаёвичъ стоялъ тутъ-же, опершись на вилы, другіе старцы подгребали сѣно и оправляли стогъ.

— Богъ въ помочь! привѣтствовалъ я старцевъ.

— Спасыби! отвѣчали мнѣ.

— Отъ бачъ, раньше не приходили—усебъ таки помогли дидамъ трудитьця—отозвался Андрій Миколаёвичъ, а то отъ якъ поморились...

— Та хиба-жъ на цей разъ у васъ никого й не лучилось зъ богомольцивъ, щобъ пособить? У васъ-же тутъ усе проживае отой бородатый москаль, чи що воно таке. Вы-бъ его заставили, не порушився-бъ,—сказалъ я.

— О! це той ставропольській! Богъ зъ нимъ! Винъ намъ оце якого хлопоту наробивъ! Богъ зъ нимъ!

— Якого хлопоту?!

— Та такъ, просто халепа! У насъ тутъ усяки люде бувають... Хиба-жъ намъ билеты у нихъ спрошувать? Всяки бувають... Такъ и винъ. Оце наверпеться, поживе днивъ два-три, тай зайде кудысь. Приходящи у насъ уже на гостыни ночують. Оце соберуться, свичечки свои свитять, що небудь читають, або тамъ инколи псальмы якои заспивають, або що списують... Ну, пройдешъ, подивишся—усе тихо, по Божому, ну и Богъ зъ ними! Коли оце разъ, саме у глуну ничъ, чуемо, прибигае становый, старшина зъ понятыми... Такъ и накрыли ихъ рабивъ Божихъ. Оцей бородань, та ще якійсь, та три якихсь-то черныци у насъ на гостыни за столомъ хвальшиви билеты-паспорты списують. Й печати захватили у нихъ. Господь его знавъ, що вони таке дюють! Отъ вамъ й богомольци! Коли-бъ ще й намъ чого не було?! Богъ зъ ними!

И такъ здѣсь на Дону я сразу натолкнулся на піэтическую жажду слушать чтеніе «*изъ божества*», «*заповѣдь какую-нибудь*» и въ то-же время на поддѣлывателей паспортовъ. Жажда грамотности и практическое примѣненіе ея—піэтизмъ и крайняя проза жизни.

Воронежскую губернію, а особенно ея южные уѣзды, я знаю лѣтъ семнадцать. Многое измѣнилось со времени моего перваго

пріѣзда сюда. Крестьянское самоуправленіе укрѣпилось (къ лучшему-ли—это другой вопросъ), крестьяне постепенно начинаютъ сознавать себя въ земствѣ; на моихъ глазахъ устроились сельскія школы. *Школьники*, какихъ я зналъ по началу, теперь уже своихъ дѣтей посылаютъ въ школу. Человѣкъ, занятый постоянно наблюденіями народной жизни, могъ-бы многое сказать про эту жизнь, про эту хотя-бы сторону жизни народной—грамотность. Но я обстоятельствами былъ оттолкнутъ отъ народа, тѣсныхъ непосредственныхъ связей у меня съ селомъ не было; и потому приходится сводить только случайныя наблюденія, которыя давались мнѣ по старой привычкѣ, по не остывшему съ лѣтами интересу ко всему народному. Разумѣется, меня въ моихъ хотя-бы и случайныхъ наблюденіяхъ больше занимали хохлы, какъ народъ родной, болѣе мнѣ понятный.

Воронежскій хохолъ не похожъ на украинца: онъ живѣе, поворотливѣе, нѣтъ въ немъ украинской недовѣрчивости, угрюмости, не глядитъ онъ изъ-подлобья, какъ по-днѣпровецъ. Здѣшній, донской хохолъ—колонистъ, совершенно потерявшій традицію и отдавшійся всецѣло устроенію себя на новомъ мѣстѣ. Далекіе предки его, умирая на первоначально занятыхъ ими, ближайшихъ къ родинѣ степяхъ теперешней харьковщины, въ могилу унесли и ихъ исторію, ихъ прошлое; а они, здѣшніе теперешніе хохлы, не знаютъ даже, откуда пришли ихъ отцы, а ужъ не говорю о томъ, что не знаютъ, кто были ихъ отцы. Столкнувшись здѣсь, даже не на рубежѣ, а на нейтральной, брошенной ордою степи, съ великорусскими поселенцами подъ суровой, но тѣмъ не менѣе умиротворяюще регламентирующей властью, хохлы не воевали съ сосѣдями, съ сопосельниками мечемъ, но не избѣгли войны экономической, культурной. Въ этой борьбѣ съ колонистомъ сопосельникомъ хохлы остались побѣдителями, но въ свою очередь были побѣждены культурой метрополіи. Здѣсь въ южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи торговля вся и вся промышленность въ рукахъ хохловъ. Великоросъ преимущественно пахарь. Это отчетливо выражается тѣмъ, что здѣсь на югѣ торгово-промышленныхъ великорусскихъ селъ нѣтъ, а торгуютъ хохлацкія слободы,—разумѣется не всѣ, есть и хохлы пахаря, торговыхъ-же русскихъ селъ въ южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи нѣтъ положительно. Но этотъ

торгашъ-хохолъ значительно обрусѣлъ. Обрусѣлъ онъ всетаки не по здѣшнему, а по общерусскому образцу. Онъ, можно сказать, обрусѣлъ, но не обмосковился. Это опредѣленіе лучше всѣхъ поймутъ сами здѣшніе хохлы, если кто изъ нихъ прочитаетъ эти строки. Онъ ничего общаго не имѣетъ со своимъ великорусскимъ сопосельникомъ пахаремъ; онъ говоритъ языкомъ русскимъ, но не языкомъ своего сосѣда, нарѣчіе котораго онъ передразниваетъ; онъ не брачится съ великороссами, между ними есть какой-то особый антагонизмъ [1]). Онъ вообще на пути къ такому обрусѣнію, какому подпали мы люди книжные. Но тѣмъ не менѣе этотъ коверкающій русскій языкъ, этотъ бородатый, даже иногда подстриженный въ скобку и размашисто, «якъ отъ московськи купци», крестящійся хохолъ все таки нашъ природный малороссіянинъ. Нельзя-же на самомъ дѣлѣ въ этихъ названіяхъ: Перевертайловка, Пехотійловка, Голівка, Загузнивка, Церанка, Дуванка, Бжджолинка, Пилипенкова, Макогоновъ, Хорольскій и т. п. видѣть московскія поселенія. Не могу-же я въ этихъ Кащенко-выхъ, Яцько-выхъ, Боровиковыхъ, Сыроватскихъ, Масцѣвыхъ, Ругахъ, Зозулиныхъ, Дудецькихъ, Ляпогузахъ, Мерзлозадахъ, Рыбалкахъ, Лозовыхъ, Старосвѣтскихъ и т. п. и т. п., какъ-бы они ни *русьли*, видѣть русаковъ, а не хохловъ, особенно если я знаю ихъ происхожденіе, ихъ домашній бытъ, ихъ родъ-племя. Между собою, а особенно въ семьяхъ, они говорятъ по малорусски, ругаются, если въ мѣру, тоже по малорусски: «бисовъ сынъ, побила-бъ тебе ляха година» и т. п.; подъ чаркою у хохла вы тоже слышите родную рѣчь; но если нужно говорить съ чужакомъ, нужно превозноситься, если нужно въ сласть выругаться, тогда ужъ начинается говореніе *по россійскому*. Забогатѣвшій купецъ-торговецъ усвоиваетъ себѣ всѣ пріемы русскаго купца, у него уже *не челядь*, а *молодцы*, у него уже рѣчь русская звучитъ при обращеніи къ мелкой сошкѣ, онъ уже выражается о сѣромъ хохлѣ: «*хохла необразованна*». Онъ весь скроп-

---

[1]) Замѣчательно то, что антагонизмъ этотъ проявляется совершенно въ такихъ формахъ, въ какихъ, по разсказамъ, онъ встрѣчается у порубежныхъ русиновъ съ мазурами. Также воронежскій хохолъ осмѣиваетъ простоватость москаля сосѣда, какъ люблинскій русинъ приглупость мазура. Анекдоты объ этомъ совершенно аналогичны; разнятся вставкою передразниваемой рѣчи и именами націй.

вается на образецъ виданнаго имъ московскаго купца, по купечески московски и въ церкви крестится—размашисто, пятнами вскидываетъ. Это его идеалъ вѣдь! Онъ даже, какъ я самъ видѣлъ, подписывается по неграмотному замоскворѣцкому образцу: Василей, вмѣсто Василій, и все это нарочно, сознательно, подражая своему идеалу. У стариковъ это выходитъ комично. Эта русская рѣчь смѣшна: старые захолустные священники на Украйнѣ, писцы кіевской, полтавской и черниговской консисторій, *шевци* съ Кожемякъ говорятъ похожимъ языкомъ. Что-жъ дѣлать?! Это существующій фактъ; это тоже стадія культуры. Вѣдь не такъ еще давно на Подоліи, Волыни въ особенности, польская рѣчь была въ употребленіи въ семействахъ мѣстныхъ священниковъ православныхъ, вѣдь поетъ же австрійскій солдатъ-мазуръ въ пѣснѣ «nie masz jak w Milańskiem *landzie*», вѣдь осталось по сю пору въ русскомъ и малорусскомъ и даже въ польскомъ языкѣ много татарскихъ словъ. Жизнь беретъ свое! Хорошо-бы было умѣло изобразить разноэпохныя стадіи развитія села. Меня давно занимаетъ эта мысль, кстати образцы передъ глазами. Я знаю слободы здѣсь, которыя на моихъ глазахъ ростутъ, если такъ можно выразиться, цивилизуются. Мерзки сами по себѣ эти проявленія цивилизаціи, онѣ отталкиваютъ отъ себя своимъ внѣшнимъ видомъ, тѣмъ, что начинаются съ гніенія стараго строя, а всякое гніеніе противно; но такъ оно всегда бываетъ, это въ порядкѣ вещей. И зерно, проростая, истлѣваетъ, чтобы дать жизнь растенію.

— Що-жъ була ты, Галько, въ Воронцевій на ярмарку? Бачила тамъ хлопцивъ? Хороши?—спрашивалъ я въ 1867 году молодую хохлушку-*дивчину* въ Михайловкѣ, пахарской хохлацкой слободѣ, вернувшуюся съ ярмарки въ большой торговой слободѣ Воронцовкѣ.

— А то-жъ и не бачила! Тамъ парубки не нашепьськи-прости: усе въ *пиддёвкахъ* (крытыхъ полушубкахъ), въ *брюкахъ* (на выпускъ, поверхъ голенищъ штанъ).

А теперь, въ 1884 году, и въ Михайловкѣ уже *парубки* носятъ и *пиддёвки* и брюки, помадятъ волосы, *въ гармонію граютъ* и сама Галька, которой вскорѣ послѣ моего съ нею разговора «насунули за весильнымъ столомъ очипокъ», врядъ-ли носитъ это характерное головное малорусское украшеніе, а вѣроятно «накриваетьця шалью». Да!

По разсказамъ, лѣтъ 30—40 тому назадъ рязанская и орловская губерніи дали сюда много выходцевъ, занявшихся здѣсь въ воронежской губерніи торговлею. Елецъ (орловской губерніи), онъ же по пословицѣ «всѣмъ ворамъ отецъ», особенно много своихъ обывателей выпустилъ въ эти южныя края для промысловъ, и «елецкіе», какъ ихъ здѣсь называютъ, торговали въ этихъ мѣстахъ на славу. Шибайный, скотный, хлѣбосыпочный промыслы были въ ихъ рукахъ. Послѣ крымской войны на югѣ воронежской губерніи по торговымъ слободамъ явилось много греческихъ торговыхъ по ссыпкѣ зерна конторъ. Вальяно, Зидлы, Маврокордаки, и другіе *раки* южныхъ портовыхъ городовъ—Ростова, Таганрога забросали край этотъ если не золотомъ, то кредитными билетами,—они тогда были дешевы въ Ростовѣ и Нахичевани,—и тащили за море пшеницу и ленъ съ нововспаханныхъ степей. Конторы греческія приглушили было *елецкихъ*. Но въ концѣ концовъ обучившіеся у нихъ хохлы превзошли и тѣхъ и другихъ. Греки сошли со сцены на взморьѣ, а *елецкіе* большею частію служатъ теперь *молодцами* у тѣхъ хохловъ, которыми они прежде помыкали и которыхъ прежде обманывали.

Развитіе торговли и промысла на югѣ Россіи ожидаетъ еще своего историка. Этою исторіею многое-бы объяснилось въ нашей отечественной исторіи: объяснилось-бы стремленіе новгородцевъ на сѣверо-востокъ, объяснилось-бы современное намъ стремленіе на югъ и юго-востокъ, разъяснилось-бы, почему это воронежскіе хохлы еще такъ недавно, уступая у себя арену торговли ельчанамъ, сами промышляли *на линіи* въ ставропольской губерніи, здѣсь даже понаселяли цѣлыя слободы; объяснились-бы эти параллели переселенческихъ теперешнихъ путей съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Многое-бы мы поняли. Но я отказываюсь разсуждать объ этомъ, а возвращаюсь къ описанію замѣченныхъ мною у здѣшнихъ хохловъ стремленій къ грамотности, къ цивилизаціи.

Въ 1866—1867 годахъ я не видалъ еще повсемѣстно по селамъ училищъ. Были училища, устроенныя помѣщиками, были школы частныя, случайныя. Чернички-келейницы, отставные солдаты, изрѣдка дьячки имѣли по нѣсколько учениковъ.

— Оце, спасиби вамъ, вона стала трохи на ноги, а то мы вже думали отдавати ій до черниць грамоти учитьця, объяснила мнѣ

мать одной излеченной по моему указанію и рекомендаціи докторомъ дѣвушки.

— А теперь може й замижъ згодитьця, объясняла заботливая мать мнѣ, ставшему причиною неграмотности дѣвицы.

Новыя, и даже можно сказать вдругъ поновляющіяся условія жизни потребовали и грамотности. Сначала министерство народнаго просвѣщенія, а послѣ и явившееся земство созидали сельскія школы. Требованіе отъ окончившихъ семинарію пребыванія извѣстнаго срока въ должности учителя дали немалый контигентъ учителей. Новые суды, земство, всеобщая воинская повинность вызвали грамотность въ народѣ. Дѣло это вѣдь изъ самого себя растетъ: грамотные родители непремѣнно захотятъ видѣть грамотными своихъ дѣтей. При этомъ, разумѣется, потребность эта регулировалась спросомъ. Въ слободахъ торговыхъ, промышленныхъ потребность грамотности была большая, чѣмъ въ слободахъ пахарскихъ, гдѣ подростокъ съ еле сознанными имъ силами утилизировался, какъ погонычъ, пастухъ и т. д.

Мнѣ случилось проживать въ большой торговой слободѣ, Бутурлиновкѣ. Это впрочемъ самая большая слобода въ воронежской губерніи; въ ней еще по ревизіи 1857 года считалось свыше 10,000 душъ. Слобода эта по ея оригинальному соціальному строю, по условіямъ жизни, достойна особой монографіи, которою я займусь со временемъ. Промышленность и торговля создали въ ней съ одной стороны крупныхъ денежныхъ тузовъ, а съ другой горьчайшій пролетаріатъ—двѣ крайности экономическаго быта, экономической борьбы капитала и труда.

Въ Бутурлиновку я попалъ въ то время, когда дѣла греческихъ конторъ падали, когда мѣстные доки захватывали дѣло въ свои руки. На моихъ глазахъ росли тамошніе богачи, разумѣется, въ различныхъ степеняхъ богачества. Эти-то вожаки торговой и промысловой предпріимчивости почти всѣ были кое-какъ грамотны—читали, умѣли кое-какъ писать. Но дѣти ихъ уже пишутъ бойко, одѣваются чисто по европейски и не прочь щегольнуть иностранными словами, говорятъ чисто по русски. Все это съ извѣстными градаціями. Купцы тамошніе, недавніе *господа купцы*, повторяю, употребляютъ иностранныя слова, изъ коихъ нѣкоторыя получили, такъ сказать, право гражданства въ ихъ рѣчи. Наприм: «сижетъ»,

«мараль» (вмѣсто сюжетъ, мораль). «*Мы имѣли съ нимъ по этому поводу сижетъ*», т. е. сужденіе. «*Я не хочу ни за что взять на себя этой марали*», т. е. чего-то грязнаго, стыднаго, марающаго меня. А то напримѣръ не угодно-ли:

— Тамъ, братецъ ты мой, у нихъ такая *библіотека* произошла, что только ну, тай годи. И, чортъ ихъ знаетъ, *за чого* эта у нихъ *инструкція почалась?!* Амбаришка, собственно говоря, самъ по себѣ пустой! Развѣ ужъ *внутреннее убѣжденіе* въ немъ (т. е. въ амбарѣ-то) что нибудь стоило?! А вѣдь *сужетъ* (молва, разговоръ) пошелъ по всей ярмаркѣ—*мараль* такая! Вѣдь дошли до того, что чуть не за бороды другъ друга *мотивировали! Карамболь* просто!

И это вѣдь не выдуманное, а слышанное.

— Що це вы такъ запехаяли кимнату! Заразъ-же приберить! Це вовси *не согласно зъ мненіямъ*!—понукалъ хозяинъ постоялаго двора семью, сводя меня въ комнаты. Такъ и видно, что мужъ сей былъ гласнымъ въ земскомъ собраніи. Или: «теперь они заключили между собою *междуметію*».

А ужъ дѣти этихъ людей, ихъ меньшіе братья и сестры учатся уже въ прогимназіяхъ, гимназіяхъ, пансіонахъ и даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Уже я знаю бутурлиновцевъ, вышедшихъ и выходящихъ въ близкомъ будущемъ технологами, прокурорами, врачами, инженерами, репиньерками при институтѣ—ужъ мои уши услаждались музыкою бутурлиновской рояли. Положимъ, что это только въ Бутурлиновкѣ, но вѣдь эта Бутурлиновка не можетъ-же не представлять изъ себя хоть и крайняго, но все-же народнаго стремленія къ цивилизаціи. Школьность и грамотность несомнѣнно развиваются. Въ самыхъ черноземныхъ слободахъ и хуторахъ пахарскихъ, особенно зимою, натыкаешься на хлопчиковъ съ сумочками, изъ которыхъ торчатъ книжечки, тетрадки и грифельная доска. Земство, воинская повинность дѣлаютъ свое. Многаго еще можно желать, но немало уже и имѣемъ по сравненію съ недалекимъ прошлымъ.

Я помню случай въ началѣ 70-хъ годовъ, когда въ одномъ хуторѣ общество порѣшило на зиму учителя не нанимать, а школьный домъ сдать подъ кабакъ (Юниковъ хуторъ, семеновской волости павловскаго уѣзда). Теперь этакой случай невозможенъ. Это тоже вѣдь крайность. Въ пахарскихъ слободахъ и теперь еще можно

видѣть, что грамотность не составляетъ насущной жизненной, лучше сказать сельской потребности. Мало-мальски обучившіеся грамотѣ выбиваются изъ сельской пахарской жизни и попадаютъ въ дѣло далеко не пахарское: идутъ въ писаря, приказчики, служатъ мелкими сошками въ штатѣ желѣзно-дорожной службы. Это объясняется спросомъ на грамотныхъ въ государствѣ и тяжелою обстановкою крестьянской сельской жизни.

— Винъ у насъ школьникъ; вывчитьця, писаремъ буде.

— Вона каже, буду вчить хлопцивъ, въ школу отдамъ, вони въ мене будуть образовани, въ очкахъ будутъ ходить...

Такія pia desideria чадолюбивыхъ родителей слыхалъ я. Не улыбайтесь! Вѣдь эти пожеланія совершенно равнозначущи пожеланіямъ такимъ:

— Учись сынокъ, будешь попомъ, прокуроромъ, инженеромъ, докторомъ и т. п.

Разумѣется послѣднія пожеланія высказываются родителями, которые сами только попы, прокуроры, инженеры, доктора, люди не крѣпкіе земли, а граждане доходовъ и требовательныхъ вѣдомостей, люди, испытавшіе всю выгоду этихъ профессій, а не селяне, которые должны-бы учиться только ради ученія, ради того, чтобы умѣть лучше, осмысленнѣе жить въ своей сферѣ. Но такъ какъ пока еще у насъ грамотность не даетъ примѣнительнаго къ обыденной жизни знанія, и такъ какъ жизнь пахаря у насъ слишкомъ сурова, малоотрадна и многотрудна; то желаніе видѣть дѣтей своихъ живущими болѣе легкимъ трудомъ, ядущихъ болѣе вкусный кусокъ— простительно и понятно. Эти желанія родителей вполнѣ совпадаютъ съ желаніями и самихъ дѣтей. Я знаю много грамотныхъ молодыхъ крестьянъ, которые попали въ военную службу или остались тамъ служить по окончаніи обязательнаго срока службы, либо вышедши въ запасъ, пристроивались внѣ условій сельско-пахарской жизни, и въ то-же время не могу припомнить ни одного хорошо знающаго грамотѣ солдата или крестьянъ, который занялся-бы по возвращеніи со службы пахарствомъ.

Разумѣется, это еще пока только стадія общенародной грамотности; со временемъ, когда число грамотныхъ увеличится до того, что спросъ на нихъ во внѣ-пахарской жизни будетъ менѣе предложенія и когда самыя условія жизни пахаря потребуютъ болѣе,

чѣмъ непосредственнаго примѣненія физической силы къ землѣ,—грамотность займетъ надлежащее мѣсто и въ быту сельскомъ, хлѣборобномъ. Но пока еще, повторяю, грамотность крестьянъ сильно развивается въ слободахъ торговыхъ и промышленныхъ и слабо въ сѣромъ, пахарскомъ быту.

Въ ноябрѣ 1864 г. мнѣ пришлось быть въ слободѣ Бутурлиновкѣ во время призыва. Мѣстный учитель двухкласснаго училища разсказывалъ мнѣ, что въ этотъ призывъ попали почти всѣ его ученики начала семидесятыхъ годовъ. Если принять во вниманіе, что въ Бутурлиновкѣ, кромѣ двухкласснаго училища, еще имѣется пять сельскихъ земскихъ училищъ, да еще много обучающихся у черницъ, солдатъ и дьячковъ, то выйдетъ, что громадное число новобранцевъ этого года грамотны.

Говоря вообще о здѣшней грамотности, нельзя обойти молчаніемъ народныя школы. Лучшія изъ этихъ училищъ, это тѣ, которыя находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, а именно двухклассныя училища. Какъ образцовое во всѣхъ отношеніяхъ училище, я знаю двухклассное училище въ слободѣ Бутурлиновкѣ. Можетъ быть и это училище не выдавалось-бы ничѣмъ изъ числа другихъ, но въ началѣ 70-хъ годовъ въ это училище учителемъ попалъ очень хорошій человѣкъ, окончившій курсъ воронежской духовной семинаріи первымъ студентомъ Василій Андреевичъ Тихоновъ. Вообще нужно сказать, что въ воронежской семинаріи долго не выдыхался духъ начала 60-хъ годовъ, когда и въ Воронежѣ была литературная жизнь. Тогда издались сочиненія Никитина, издавалась «Воронежская Бесѣда», мѣстная интеллигенція отзывалась на общероссійскій призывъ къ движенію впередъ, къ духовной жизни. «Записки семинариста» Никитина оказали свое вліяніе на воронежскихъ семинаристовъ, указали имъ жизнь внѣ стѣнъ бурсы, вызвали въ нихъ критику по отношенію къ своему положенію, охоту читать, самообразовываться, совершенствоваться. И по сю пору въ Воронежѣ можно услыхать, что всѣ или, по крайней мѣрѣ, лучшія стихотворенія Кольцова написаны вовсе не имъ—Кольцовымъ, а семинаристомъ, нѣкіимъ Серебрянскимъ. Это убѣжденіе твердо особенно у семинаристовъ. Разъ я видѣлъ въ Воронежѣ памятникъ Кольцова съ лицемъ обращеннымъ назадъ, на пьедесталѣ видны были грязные слѣды сапогъ. Говорили, что эту штуку не разъ уже

продѣлывали семинаристы именно потому, что Кольцова считаютъ похитителемъ славы семинариста Серебрянскаго.

Тихоновъ былъ изъ числа семинаристовъ, хранившихъ хорошія традиціи 60-хъ годовъ. Не чувствуя призванія къ священству, онъ, не смотря на всѣ преимущества, не взялъ на себя этого сана, а всего себя отдалъ дѣлу ученія. Училъ онъ другихъ и училъ себя. Состоя учителемъ бутурлиновскаго 2-хъ класснаго училища, онъ въ тоже время подготовлялся къ поступленію въ Петровско-разумовскую академію, куда и попалъ въ семидесятыхъ годахъ. Въ академіи онъ шелъ по двумъ отдѣламъ—лѣсному и сельско-хозяйственному, не зная, на какомъ изъ нихъ откроется прежде стипендія, которая дала-бы возможность ему учиться. Получивъ наконецъ стипендію, онъ, по выраженію его товарищей, «такъ засмаковалъ въ обоихъ отдѣлахъ, что и до окончанія курса шелъ по обоимъ и при томъ со скучнѣйшимъ однообразіемъ въ отмѣткахъ: не имѣлъ ни по одному изъ предметовъ менѣе 5». Теперь уже г. Тихоновъ возвратился изъ двухгодичной съ ученою цѣлью поѣздки за границу, и мы всѣ его знакомые ждемъ отъ него чего нибудь больше обыкновеннаго завѣдыванія какимъ нибудь лѣсничествомъ. Вотъ этотъ-то Тихоновъ, при его умѣніи и добросовѣстности, и умѣлъ хорошо поставить бутурлиновское 2-хъ классное училище. Память о немъ на долго сохранилась въ Бутурлиновкѣ. Я такого другого учителя не видалъ, не видалъ и не знаю такъ отдавшагося обученію дѣтей человѣка, какимъ былъ Тихоновъ. Онъ смотрѣлъ на свою обязанность вполнѣ серьезно и отдавался ей съ увлеченіемъ. Къ каждому уроку онъ готовился самымъ усерднымъ образомъ, много читалъ по части педагогіи, умѣлъ снискать любовь своихъ учениковъ, заохотить ихъ. Школьныя пособія, небольшая, но избранная библіотека и даже посильный музей,—все это дѣло Тихонова, но что всего важнѣе, это то, что онъ съумѣлъ это собственное сознаніе важности и неукоснительности дѣла обученія дѣтей всецѣло влить въ своего помощника, а теперь преемника, зятя своего Ив. Гр. Зеленскаго, который достойно продолжаетъ по сю пору дѣло, начатое Тихоновымъ. Да, это образцовое училище!

Не то, разумѣется, представляютъ собою иныя училища. Много недостатковъ можно-бы въ нихъ указать, но пока еще слава Богу и за то, что и такія училища есть у насъ. Училищные совѣты по

уѣздамъ, дирекція училищъ губернская дѣлаютъ по возможности свое дѣло. Я думаю, что сельское учительство, представляя собою убѣжище отъ воинской повинности, временную жизненную станцію для окончившихъ духовную семинарію, но не получившихъ мѣста священника и временное занятіе для молодыхъ дѣвицъ, кончающихъ свою карьеру выходомъ замужъ, много теряетъ въ своей профессіональности. Всѣ эти временные учителя, не видя въ учительствѣ исключительной цѣли жизни, недостаточно усердные и часто малоспособные преподаватели. Въ земствѣ все дѣло школьное находится въ прямой зависимости отъ предсѣдателя управы, взглядъ коего на степень нужды и важность народнаго образованія, ставитъ это дѣло въ уѣздѣ на лучшую и худшую ногу, вліяя на успѣшность дѣла какъ подборомъ учителей, такъ и контролемъ надъ ними, а равно и заботливостію о возможно лучшемъ вознагражденіи ихъ труда. Послѣднее особенно важно, ибо размѣромъ жалованья опредѣляется и качественность учителей. Цифры этого жалованья отъ 100 до 240. Ну, какого въ самомъ дѣлѣ учителя, который не рвался-бы изъ своей профессіи, нанять можно за 100 рублей?! Разумѣется, при этакомъ мизерномъ содержаніи и ютятся на учительствѣ или временные станціонеры, или то, что уже ни на что большее въ жизни и разсчитывать не можетъ, или, въ крайнемъ разѣ, тотъ, кто умѣетъ къ дѣлу учительства пристегнуть какіе нибудь иные заработки—частные уроки, посѣвы, занятіе въ правленіи ссудосберегательныхъ товариществъ, регенство и т. п. Я знаю одного учителя, который живетъ верстахъ въ трехъ отъ школы, арендуя водяную мельницу. Непригодность многихъ учителей, безконтрольность школы и по просту неразвитіе школьнаго дѣла лежатъ вполнѣ на отвѣтственности предсѣдателей земскихъ управъ, какъ почти самовластныхъ распорядителей земскихъ дѣлъ и большею частію иниціаторовъ всякихъ вопросовъ въ земствѣ. Училищный совѣтъ только вѣдаетъ школы въ уѣздѣ въ установленныхъ рамкахъ. Не говоря уже о томъ, что въ совѣты эти часто попадаютъ люди еле грамотные, но, что тоже отчасти зависитъ отъ предсѣдателя, совѣтъ не можетъ прибавить содержанія учителямъ и училищамъ. А это самое важное: «дешева рыбка—погана юшка», гласитъ народная пословица. И вотъ попалась въ одномъ селѣ эта «дешева рыбка» въ видѣ учительницы, съ жалованьемъ по 8 р. въ мѣсяцъ, и,

по словамъ одного изъ членовъ училищнаго совѣта, которому было поручено произвесть о ней и ея дѣяніяхъ дознаніе, учила дѣтей только кричать «ура» (это ей особенно нравилось), пьянствовала и напоминала собою Марію Египетскую до ея покаянія. На самомъ дѣлѣ это была особа, не годившаяся даже въ горничныя и получавшая жалованье меньшее, чѣмъ жалованье горничной. Но все таки въ виду существованія въ каждомъ селѣ школы, такъ или иначе контролируемой, въ виду существующихъ уже на этотъ предметъ цифръ земскихъ бюджетовъ, нельзя не сказать и за это—слава Богу.

Да, село за послѣдніе 20 лѣтъ много прошло впередъ по пути цивилизаціи, которую нельзя не видѣть даже въ ея мерзѣйшихъ проявленіяхъ. Цивилизація на столько заполонивастъ село, что съ каждымъ годомъ подвластныхъ режиму *ржаного колоса* (Гл. Успенскаго) мужиковъ становится все меньше и меньше. Колосьевъ-ли этихъ стало меньше, или ужъ *мудрствованіе* крестьянское такъ развивается?... А это *мудрствованіе* тоже вѣдь результатъ цивилизаціи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ деревенской грамотности. До 60-хъ годовъ крестьянинъ былъ положительно, такъ сказать, подъ игомъ всего, что было тогда мало мальски грамотно. Грамотѣй господствовалъ надъ нимъ, гнулъ его въ баранiй рогъ, выжималъ его въ свою пользу, замкнувшись въ непроницаемую для крестьянина сферу грамотности во всѣхъ ея проявленіяхъ, начиная отъ прикащичьяго наряда до распоряженій и узаконеній правительственной власти. Какъ изъ черной тучи метались на мужика изъ этой сферы громы и молніи, заставлявшіе его корчиться, сжиматься, припадать къ землѣ. Онъ видѣлъ, осязалъ дѣйствія этой неизвѣстной имъ силы, но ея, самой-то силы не понималъ. И вдругъ ему дается въ руки эта самая сила, онъ узнаетъ ее, самъ грамотится, въ судахъ, въ волости, въ земствѣ уразумѣваетъ эту силу. Возчувствовавъ это, онъ, этотъ пахарь-мужикъ, начинаетъ *мудрствовать*, старается по своему эксплуатировать это новое пріобрѣтеніе: дѣлается кулакомъ, ищетъ жизненной удачи въ примѣненіи этой силы въ жизни, дѣлается сутягою, пускается во всѣ тяжкія. «Такъ вотъ въ чемъ вся сила!»—разсуждаетъ онъ, «это и я могу не хуже другихъ». И дѣйствительно можетъ! Посмотрите, какъ скоро этотъ мудрствующій мужикъ понялъ законъ о томъ, что долгъ доказывается только письменнымъ документомъ, какъ ловко научился во избѣжаніе

платежа долговъ переводить свое имущество на родичей, давать дутые векселя и т. п. Многое онъ можетъ. Умѣетъ напримѣръ подписывать, не будучи грамотнымъ, свое имя и фамилію на векселѣ или роспискѣ съ вынутаго изъ кармана образца и послѣ увѣрять, что онъ не могъ подписываться по своей неграмотности; увѣряетъ, что его сына, котораго на самомъ дѣлѣ онъ-же заставлялъ подписаться на договорѣ, подарками прельстилъ подписаться за него его контрагентъ, помимо его о томъ вѣдома... А подлоги, а шантажи деревенскіе?! Это все дѣла прозрѣвшаго, начинающаго *мудрствовать* мужичка. Судъ въ его упрощенномъ видѣ тоже манитъ его. Въ средѣ крестьянъ развивается сутяжничество и при томъ съ полнѣйшею вѣрою въ то, что и самое неправое дѣло при умѣніи и ловкости можно выиграть. Онъ самъ при малѣйшемъ смеканіи судебной процедуры лично ведетъ процессы или старается закупить ту, не такъ давно еще непосредственно давившую его, грамотную силу—разнаго рода ех-чиповниковъ, стоящихъ не у дѣлъ, бывшихъ крючковъ, послугивается ими. Въ крайнихъ случаяхъ онъ становится больнымъ процессоманіей, въ лучшемъ разѣ онъ вѣритъ въ силу всякой шельмографіи: у него постепенно теряется традиція Соломоновской правды, замѣняясь вѣрою въ крючкотворство.

— Оце тоби четвертный (25 р. билетъ) и ще дамъ, мени не треба вже высужувать дила, а зроби тильки такъ, що ото у ёго (противника) есть витрякъ, такъ щобъ винъ ёго просудивъ, щобъ извився»... излагаетъ одинъ изъ тяжущихся свое желаніе адвокату.

— Это онъ, ваше высокородіе, меня за себя желаетъ *отговорщиком* поставить—свое недоуміе мене передать,—т. е. мнѣ передаетъ защиту дѣла по своему неумѣнію.

— Я вотъ, что хочу попросить тебя: купи ты мнѣ *законъ*,—просилъ одинъ крестьянинъ знакомаго грамотника. Что онъ будетъ стоить?

— Какой *законъ*?

— Да вотъ такой, какъ у тебя есть, этотъ размалёванный самый (судебные уставы изд. Анисимова, съ разноцвѣтнымъ обрѣзомъ). У меня теперь внукъ грамотѣ обученъ,—я самъ стану судиться.

— Ничого не высудишъ, хоть и не судись; въ тебе кленки не стане перехитрить мене: не таки дила повертали, куды схотили.

Я уси уходы знаю, вразъ закручу тебе,—нагло увѣряетъ мудроватый хохолъ болѣе простоватаго противника.

Вотъ вамъ на выдержку нѣсколько случаевъ, по ихъ-бы можно набрать массу въ подтвержденіе вѣры мужика въ крючкотворство, въ силу грамотности, въ возможность извернуться, обойти законъ. Въ гражданскомъ процессѣ отвѣтчикъ прибѣгаетъ къ уловкамъ, къ изворотливости, въ уголовномъ онъ прибѣгаетъ съ полною вѣрою къ защитнику. Въ томъ и другомъ сдучаяхъ ему присуща вѣра въ то, что при умѣніи можно выйти изъ воды сухимъ.

— Эхъ вы! Аблакаты! Вывозите!—кричитъ лихой ямщикъ на свою тройку, замявшуюся въ глубокомъ сугробѣ.

Пока еще, разумѣется, это только явленія, но въ нихъ нельзя не видѣть явленій, подтверждающихъ вполнѣ теорію Гл. Успенскаго о *мудрствованіи* мужика, выбивающагося изъ сферы *ржаного колоса*. И все это нечто иное, какъ цивилизація, какъ тоже самое извѣчное вкушаніе плода съ древа познанія добра и зла. Вся вина наша, общества-государства, въ томъ, что этотъ аппетитъ ко злу мы ничѣмъ не воздерживаемъ, ничѣмъ не развиваемъ вкуса къ добру. Гдѣ село цивилизованнѣе, тамъ и зла этого больше. А такъ какъ на югѣ воронежской губерніи малороссіяне культурнѣе великороссіянъ, то съ политическою грустью приходится сознаться, что хохлы здѣсь en masse порочнѣе москалей. Москаль, преимущественно пахарь, дичѣе хохла, а потому самому онъ примитивнѣе сохранилъ въ себѣ простоту, наивность, благодушіе селянина; онъ болѣе остался тѣмъ мужикомъ, къ которому мы въ 60-хъ годахъ простирали свои объятія.

Но тѣмъ не менѣе, повторяю, это все таки цивилизація, это истлѣваніе старыхъ формъ жизни и созиданіе новыхъ.

«Що було, те бачили, а що буде, побачимо». Нельзя не предугадывать того, что будетъ. Культура сдѣлаетъ свое—измѣнитъ понятія, взгляды, обряды и вѣрованія, передѣлаетъ весь строй жизни сельской вообще и жизни малорусскаго села въ частности. У москаля еще остается нетронутымъ крестьянскій костюмъ—нагольный тулупъ, лапоть, малахай, панёвка, самодѣльное бѣлье и сукно, кичка; но и у него уже по праздникамъ является кумачевая рубашка, китайчатые синіе портки, *французская* шаль, покрывающая кичку или кокошникъ. У хохла этого уже мало: *плдёвка* (крытые сук-

номъ, казинетомъ, трикомъ полушубки) замѣнили кожухи, *чосане* (лавочнаго сукна) пальта самодѣлковаго сукна—*халаты* и *черкески*, ситецъ—домашнее полотно и плахту, *гарнитурови* (шелковое) платки—очипокъ, *штибле́ты*—черевики, *вытяжки*—прежній чоботъ. Не говорю уже про большія торговыя слободы, гдѣ уже въ ходу сюртуки, *шлейхи*, *панье*, *визѣтки*, *картузы* и даже зонтики и непремѣнно глубокія калоши, надѣваемыя на высокіе сапоги съ дутыми голенищами, не снимаемыя въ самую сухую погоду и даже въ комнатахъ. Только въ захолустныхъ, пахарскихъ слободахъ и хуторахъ у хохловъ остается простое сукно, нагольная или дубленая овчина, бѣлый домашній холстъ, очипокъ и изрѣдка, при черной работѣ, *дерга*, т. е. *запаска—охватъ*. У *необразованныхъ* осталась пѣсня, свадебный обрядъ, выставка красныхъ флаговъ, въ смыслѣ доказательства дѣвственности *молодой*, *щедривка*, *посиванння*, *колядка*, *кутя* на сочельникъ, *жарене порося* на Пасху. У *образованныхъ* торговыхъ слобожанъ молодежь не *посываетъ*, не *колядуетъ*, у нихъ не *верещатъ* дружки, не ходятъ *колядувать*, стыдятся по простому заявлять о дѣвственности *молодои*. Между этими крайностями, разумѣется, можно-бы размѣстить много такого, что посредствовало-бы между той или другою формою, приближаясь или отдаляясь къ крайностямъ, но нельзя не замѣтить прогрессивнаго уничтоженія *старовины*, старыхъ обрядовъ и формъ жизни. Слободской-сельскій строй жизни переходитъ въ мѣщанскій и затѣмъ, какъ это я имѣлъ уже случай указать, говоря о Бутурлиновкѣ, въ купеческій и даже совершенно европейскій—цивилизованный.

Сношенія съ торговымъ людомъ, знакомство съ городами, облегченное желѣзными дорогами и возникшими потребностями бывать въ судѣ и земствѣ, ознакомленіе села посредствомъ своихъ новыхъ солдатъ со внѣ-сельскою жизнью—значительно измѣняетъ физіономію села. Новостроющаяся церковь уже не размалевывается своимъ доморослымъ маляромъ, а украшается работою болѣе умѣлыхъ живописцевъ и рѣзчиковъ. Въ сѣромъ селѣ можно еще видѣть передній уголъ хаты уставленнымъ иконами сельскихъ живописцевъ, можно еще примѣтить на иконахъ предковскія украшенія шитыми *рушниками*, барвинкомъ, любисткомъ и другими цвѣтами, но въ торговыхъ слободахъ, въ домѣ молодоженовъ, въ углу стоитъ икона въ ризахъ, хотя и фольговыхъ, и за стекломъ въ ней видны вѣн-

инструментѣ. Во время призыва нашъ городъ оглашается звуками гармоніи, аккомпанирующей пѣснямъ *гожихъ*, т. е. призываемыхъ парней. Въ слободскихъ церквяхъ всегда имѣются сносные хоры пѣвчихъ, а въ большихъ торговыхъ слободахъ, особенно въ базарныхъ церквяхъ, содержатся на счетъ церкви и общества хорошіе регенты.

И такъ, сводя итоги сказаннаго, нельзя не видѣть, что здѣшнее малорусское населеніе цивилизуется, грамотѣетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняясь общерусской культурѣ, утрачиваетъ свою національность. Проявленія обрусѣнія наиболѣе замѣтны въ людѣ торговомъ, промышленномъ. Здѣсь дѣлается тоже, что съ кіевскими старожилами, что можно встрѣтить въ мѣщанахъ южныхъ новороссійскихъ городовъ. Условія жизни тамъ и здѣсь неотразимо влекутъ къ такой культуризаціи; сѣрое пахарское село еще пока чисто малорусское, но и въ немъ нельзя не видѣть проявленій той-же русификаціи, вліянія той-же культуры. Что-жъ, это существующій фактъ, это въ порядкѣ вещей! Одно непріятно поражаетъ въ этомъ явленіи: оно возникаетъ не изъ сознательнаго стремленія къ обрусѣнію, а изъ желанія только стать выше мужика, достигать положенія русскаго купца. Стараясь выйти изъ мужичества и передѣлываясь въ *купцивъ*, здѣшніе хохлы въ силу лишь этого отстраняются отъ родной рѣчи, обряда и обычая, а затѣмъ, чувствуя совершившуюся въ нихъ перемѣну, не знаютъ уже, какъ и назвать себя.

— Положимъ, что мы не великороссы, но ужъ и малороссами, простыми хохлами насъ нельзя назвать.

— А какъ-же васъ назвать?—спросилъ я.

— Ну, ужъ по крайней мѣрѣ *бѣлороссами*: всетаки мы почище хуторскихъ хохловъ, необразованныхъ.

Бѣлая и черная кость, или одѣваться просто, черно и чисто, *бѣло*—вотъ источникъ этого слова: *бѣлороссъ*, какъ видите, еще не додумался до объединяющаго слова *русскій*.

— Нѣтъ! Это што! Давайте заспиваемъ нашой хохлацькой: «На всегда зъ друзьями ростаюся я...» или «Не бѣли снѣжки...» или «Взвейся нтанка... Это все пѣсни *наши хохлацьки* потому, что ихъ не поютъ сѣрые москали, а поютъ хохлы *образованни*.

Да! эти хохлы потеряли сознаніе себя, своей національности и не доросли еще до распознаванія ея у другихъ.

Борисъ П—скій.

ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ.

(Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.).

«Всякій человѣкъ рано или поздно нападаетъ на свою палочку»,—говорилъ В. Г. Бѣлинскій. Изреченіе вѣрное. Важное, однако, значеніе имѣетъ то обстоятельство, когда и при какихъ условіяхъ происходитъ распредѣленіе дѣятелей науки, литературы и искусства по историко-культурнымъ полкамъ. Однѣ знаменитости забыты быстро и навсегда. Историкъ не останавливается надъ мишурными величіями. Интереснымъ въ данномъ случаѣ представляется лишь рѣшеніе вопроса, какова была общественная среда и условія быта, вызвавшія появленіе ложныхъ и безпочвенныхъ знаменитостей на поприще общественной или литературной дѣятельности, что̀ выдвинуло ихъ на высоту, что̀ дало имъ имя и извѣстность. Многіе дѣятели проходятъ свое жизненное поприще скромно, безъ шума, безъ прославленія. Слава ихъ выростаетъ впослѣдствіи при безпристрастной исторической оцѣнкѣ. Жаль только, что правильная оцѣнка таланта бываетъ иногда слишкомъ поздней, настолько поздней, что дѣлается очевиднымъ, какъ много потеряла извѣстная общественная среда, что по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, по собственной ли культурной отсталости или по причинѣ внѣшнихъ давленій и тормазовъ, своевременно не оцѣнила вышедшій изъ ея глубины талантъ и не воспользовалась плодами его духовной дѣятельности. Любопытнымъ явленіемъ въ исторіи культуры представляется то обстоятельство, что нѣкоторые общественные и литературные дѣятели при

своей жизни пользовавшіеся среди современниковъ почетной извѣстностью, потомъ въ водоворотѣ событій были забыты. Въ теченіе десятилѣтій, даже столѣтій длится забвеніе. Впослѣдствіи потомство отдастъ должное давнопрошедшему дѣятелю, извлекаетъ дорогое имя изъ забвенія и, стряхнувъ пыль съ драгоцѣнныхъ литературныхъ произведеній, разъясняетъ скрывавшіеся въ нихъ элементы любви къ истинѣ, правдѣ и добру.

Южно-рýсскій писатель начала XVII ст. Іоаннъ изъ Вышни входитъ въ разрядъ временно забытыхъ. Среди современниковъ онъ пользовался извѣстностію и уваженіемъ. Лучшіе люди Малороссіи дорожили имъ. Его выдвигали, какъ энергическаго, умнаго и образованнаго защитника православнаго южно-русскаго народа отъ нападеній латино-уніатовъ, пановъ и епископовъ. Ближайшее потомство его забыло. Два съ половиною вѣка длилось это забвеніе, рѣшительное и полное. Лишь въ послѣднія два десятилѣтія люди науки выдвинули имя Іоанна Вышенскаго и его сочиненія на видное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы.

Въ 1865 г. археографическая коммисія издала второй томъ Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Сюда вошли акты отъ 1599 до 1637 г. Въ концѣ тома помѣщено четыре сочиненія аѳонскаго монаха Іоанна Вышенскаго и одно сочиненіе іеродіакона печерскаго монастыря Леонтія о церковно-общественныхъ нестроеніяхъ въ южной Россіи. Эти сочиненія извлечены были изъ рукописи, хранящейся въ императорской публичной библіотекѣ, писанной бѣлорусскимъ полууставомъ въ концѣ XVII в., въ 4-ку, на 203 листахъ. Іоанну Вышенскому принадлежатъ:

1) *Посланіе ко князю Василію Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи*, стр. 205—224. Здѣсь говорится о римско-католической гордости, даются совѣты объ очищеніи церкви отъ «прелестей и забобоновъ еретическихъ» и предлагается подробное объясненіе значенія иноческаго сана, иноческой жизни и въ особенности иноческой одежды.

2) *Посланіе ко всѣмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и Польско-Литовскаго королевства*, стр. 224 — 227. Здѣсь находится краткое перечисленіе церковно-общественныхъ нестроеній, обличеніе владыкъ и пановъ въ отступничествѣ отъ вѣры, въ корыстолюбіи и роскоши и приглашеніе пробиваться въ царство

небесное путемъ терпѣнія и благочестія, не возлагая надеждъ на епископовъ.

3) *Посланіе къ митрополиту и епископамъ юго-западной Руси, принявшимъ унію*, стр. 227—254. Въ этомъ обширномъ посланіи находится строгое обличеніе епископовъ отступниковъ въ корыстолюбіи, роскоши, жестокости, гордости, превышеніи власти, доказывается право мірянъ осудить измѣнившихъ вѣрѣ духовныхъ лицъ, оправдываются мѣры патріарха Іереміи, направленныя къ ограниченію епископской власти нравственнымъ контролемъ со стороны церкви, и подтверждается случившееся въ одной православной церкви чудо, что при совершеніи въ ней латинской «мши» во время таинства евхаристіи вино обратилось въ воду. Въ подтвержденіе этого чуда вставленъ довольно длинный разсказъ о нападеніи латиновъ на аѳонскую гору слѣдующаго содержанія: одни монастыри защищались, изъ другихъ монахи разбѣгались по лѣсамъ; въ одномъ монастырѣ привѣтливо приняли католиковъ, приняли католицизмъ и стали служить латинскую обѣдню; во время этого служенія упали стѣны: латины, увидѣвъ это знаменіе гнѣва Господня, поспѣшили удалиться.

4) *Сочиненіе о заблужденіяхъ римской вѣры*, стр. 254—270. Здѣсь находится опредѣленіе прелести и мудрости змѣиной и опроверженіе латинскаго ученія *de Filioque*, древности римской церкви, главенствѣ папы и чистилищѣ.

Въ 1883 г. С. Т. Голубевъ въ приложеніяхъ къ первому тому своего изслѣдованія о Петрѣ Могилѣ помѣстилъ «*Зачапку мудрого латынника съ глупымъ русиномъ въ диспутацію*» аѳонскаго инока Христофора. «Зачапка» извлечена издателемъ изъ рукописи кіевской духовной академіи. Составлена она въ началѣ XVII столѣтія. Имя автора Христоформъ мы считаемъ псевдонимомъ, подъ которымъ скрывается Іоаннъ Вышенскій. Доказательства находятся въ самой «Зачапкѣ». Предметы сужденія въ посланіяхъ Вышенскаго и въ «Зачапкѣ» сходны, иногда тождественны. То, что въ посланіяхъ изложено особенно усердно и страстно, въ чемъ обнаруживается личное чувство автора, и въ «Зачапкѣ» изложено съ увлеченіемъ, бойко, оживленно. Въ языкѣ «Зачапки» и посланій крайнее сходство; конструкція фразъ, словесные обороты, сложеніе словъ,—все это чрезвычайно сходно; попадаются тождественныя

риторическія фигуры вопроса и отвѣта: «а то чомъ?—для того»... «а то якъ и для чого? для того»... тождественныя фигуры заключенія мысли: «о семъ доздѣ», тождественные эпитеты и характеристики предметовъ: «коварная діалектика, поганскій красномовный Аристотель, мистръ и мудрецъ прелестнаго вѣка сего (дьяволъ), глупая Русь, мудрый латынниче» (въ ироническомъ смыслѣ). Псевдонимъ въ данномъ случаѣ могъ возникнуть или по чувству самосохраненія или изъ желанія автора выразить однимъ словомъ свою близость къ источнику всякой истины и правды—Христу, вѣроятнѣе, изъ послѣдняго побужденія. Іоаннъ Вышенскій былъ человѣкъ не робкій. «Не для далекости отъ васъ будучи, писалъ онъ латиноуніатамъ, я правду смѣле мовлю и правдою васъ постигаю, але за правду и умрети изволяю». «Зачанка» — одно изъ самыхъ большихъ посланій Іоанна. Въ книгѣ г. Голубева она занимаетъ стр. 67—108. Достоинства этого памятника—содержательность и сила. По ясности и простотѣ изложенія «Зачанка» немного уступаетъ «Посланіямъ», нужно думать, по той причинѣ, что автору пришлось тутъ вдаться въ богословскія разсужденія болѣе обширныя и сложныя, чѣмъ тѣ разсужденія, которыя находятся въ «Посланіяхъ».

Кромѣ четырехъ «Посланій» и «Зачанки» Іоанну Вышенскому, по свидѣтельству архіепископа Филарета, принадлежатъ еще: 1) *Наставленіе въ благочестіи старицѣ Домникіи* и 2) *Позорище мысленное* (Обзоръ I. 244; ссылка на рукопись Царскаго № 486). Можно думать, что поименованными сочиненіями Іоанна не ограничивается его литературное достояніе. Можно думать, что въ теченіе четырехъ столѣтій нѣкоторыя сочиненія Іоанна Вышенскаго погибли. Такъ, авторъ «Зачанки» въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что онъ послалъ въ южную Русь три цвѣточка: 1) «Древо зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла; 2) Церковцу, въ которой о учтивости оной короткимъ письмомъ изображено есть и 3) Маленькую пѣсеньку церковную». Цвѣточки эти не сохранились до настоящаго времени. Предлагая православнымъ издать «Соборникъ», Іоаннъ писалъ: «дайте намъ гласъ и поможемъ вамъ своимъ трудомъ на тое дѣло»... Какъ предложеніе Іоанна Вышенскаго было принято, и трудился-ли онъ по этому дѣлу—неизвѣстно.

Краткія замѣчанія, въ нѣсколько строкъ, объ Іоаннѣ Вышенскомъ находятся въ I томѣ «Обзора», въ III томѣ «Историческихъ Монографій» Н. И. Костомарова, въ «Исторіи возсоединенія Руси» г. Кулиша, во II томѣ «Изученіе византійской исторіи» Ф. А. Терновскаго, въ концѣ X тома «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, въ «Приложеніяхъ» г. Голубева къ I тому сочиненія о Петрѣ Могилѣ, въ сочиненіи г. Завитневича о «Палинодіи». Большая статья С. Л—ва объ Іоаннѣ Вышенскомъ напечатана была въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1875 г., №№ 15, 17—21. Мы не могли достать этой статьи. Заимствовавъ два біографическія извѣстія у Терновскаго и г. Голубева, мы все свое изслѣдованіе построили на «Посланіяхъ» и «Зачанкѣ», преимущественно на «Посланіяхъ» Іоанна Вышенскаго.

Іоаннъ родомъ галичанинъ изъ мѣстечка Вышня, землякъ и современникъ Сагайдачнаго. Гдѣ онъ получилъ образованіе, гдѣ постригся въ монашество—вопросы открытые. Документальные памятники не даютъ на нихъ отвѣта. Изъ сочиненій Вышенскаго легко убѣдиться, что онъ свой сильный отъ природы умъ развилъ чтеніемъ сочиненій отцовъ и учителей церкви, въ особенности чтеніемъ книгъ св. писанія. Постриженіе въ монашество и удаленіе на аѳонскую гору произошло въ концѣ XVI ст. Дѣлая мимоходомъ замѣчаніе объ одномъ чудѣ, бывшемъ вскорѣ послѣ брестскаго собора, Іоаннъ замѣчаетъ: «самъ на той часъ у вашихъ краевъ нѣсмь былъ». Неизвѣстныя обстоятельства, вѣроятно, недовольство господствовавшими на родинѣ порядками, привели Іоанна на Аѳонъ. Отсюда онъ посылалъ южно-русскому народу и магнатамъ суровыя и краснорѣчивыя посланія. Аѳонъ былъ какъ нельзя болѣе подходящимъ мѣстомъ жительства для малоросса эмигранта XVII ст. Православный малороссіянинъ-аѳонитъ могъ сохранять самыя тѣсныя связи съ православнымъ украинскимъ народомъ, получать вѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ въ родномъ краѣ, безпрепятственно изучать греческую и славянскую церковную науку и наносить латино-уніатамъ тяжелые полемическіе удары, не подвергаясь опасности встрѣтить со стороны противниковъ гоненіе или покушеніе на жизнь. Вышенскій, повидимому, превосходно воспользовался благопріятными условіями пребыванія на Аѳонѣ. Онъ внимательно слѣдилъ за церковно-общественными движеніями въ южной Руси начала XVII ст. и

своевременно сдѣлалъ нѣсколько весьма важныхъ разъясненій запутавшихся религіозныхъ дѣлъ. Признавая въ Іоаннѣ Вышенскомъ религіозно-политическаго эмигранта, нельзя однако, не замѣтить, что ему не былъ закрытъ доступъ въ Украйну. Сколько-бы враговъ ни было у Іоанна, враговъ по религіознымъ вѣрованіямъ, по политическимъ и соціальнымъ принципамъ, никто не могъ лишить его возможности по временамъ являться въ Малороссію и живымъ словомъ, личнымъ вліяніемъ укрѣплять впечатлѣніе, произведенное посланіями. Польско-турецкія границы были очень неопредѣленны, шатки, и никто ихъ не оберегалъ въ смыслѣ воспрепятствованія перехода въ предѣлы польскаго государства лицъ вредныхъ или почитаемыхъ за вредныхъ. Въ южно-русскомъ обществѣ находились люди разнообразныхъ вѣрованій и убѣжденій, люди притомъ настолько сильные и могущественные, что на ихъ покровительство и защиту можно было вполнѣ положиться. Іоаннъ Вышенскій приходилъ съ Аѳона въ Украйну, на что имѣется весьма цѣнное указаніе въ житіи Іова Княгиницкаго, составленномъ современникомъ Іоанна Вышенскаго іеромонахомъ Игнатіемъ изъ Любарова. Говоря о томъ, что знаменитый подвижникъ Іовъ Княгиницкій построилъ въ Галиціи скитъ, іеромонахъ Игнатій замѣчаетъ, что «въ той часъ (въ началѣ XVII ст.) отецъ Іоаннъ Вышенскій, другъ его, отъ святыя горы прійде и поживъ съ ними нѣколико время». При этомъ іеромонахъ Игнатій отзывается объ Іоаннѣ Вышенскомъ такимъ образомъ: «бяше бо и той зѣло любя безсловіе и святъ бѣ мужъ и трудолюбенъ, яко же и отъ многихъ слышится» (Голуб., прилож. 229). Эта любовь къ иноческому аскетизму не давала Іоанну возможности остаться въ Малороссіи, влекла его на таинственный Востокъ, на Аѳонъ; Іоаннъ Вышенскій, повидимому, не долго пробылъ въ Малороссіи. Онъ снова удалился на Аѳонъ; соборъ кіевскій 1621 г. опредѣлилъ: «послать на аѳонскую гору, вызвать и привести преподобныхъ мужей русскихъ, въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишневскаго, и прочихъ, тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ» (Терновъ., II, 24). Это соборное постановленіе показываетъ, гдѣ лучшіе южно-русскіе люди 20 годовъ XVII ст. искали духовной поддержки и просвѣщенія, въ чемъ они усматривали источникъ мудрости, куда склонялись ихъ симпатіи. Нужно пожалѣть, что вскорѣ

вторглась въ южно-русскую науку чуждая ей римско-католическая схоластика, мало по малу заглушившая хорошіе всходы національной украинской письменности на греко-славянскихъ началахъ. Быть можетъ, званные не пришли; быть можетъ, они во вредъ родному краю добровольно похоронили себя въ крайнемъ аскетизмѣ и безмолвіи; быть можетъ, ихъ было недостаточно... А жизнь не ждала; потребность борьбы съ врагами вѣры и народности была слишкомъ велика, и черезъ десять лѣтъ пришлось уже схватиться за кіевскую коллегію, какъ за наиболѣе подходящее орудіе религіозной борьбы и самозащиты. Какъ-бы то ни было, историческіе памятники ничего болѣе не говорятъ объ Іоаннѣ Вышенскомъ, и остается неизвѣстнымъ, пошелъ-ли онъ по призыву кіевскаго собора на родину и здѣсь кончилъ свои дни, или отказался отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ и скончался на Аѳонѣ въ безмолвіи и неизвѣстности. Можно думать, что Іоаннъ Вышенскій всецѣло ушелъ въ безмолвіе и въ молитву, отказался на старости лѣтъ отъ всего, даже отъ горячо имъ любимой православной Руси. Войти въ сдѣлку съ міромъ онъ не могъ. Онъ былъ черезчуръ строгъ, слишкомъ требователенъ. При сильной любви къ родинѣ, при высокомъ патріотизмѣ, Іоаннъ Вышенскій былъ пессимистъ. Прилагая къ дѣйствительной жизни строгую нравственную мѣрку, онъ открывалъ въ современникахъ всеобщій упадокъ духовной жизни, крайнее развращеніе, и горевалъ, страдалъ за угнетенныхъ, рвалъ въ куски и давилъ своимъ чоботомъ угнетателей, ни мало не смущаясь тѣмъ, что подъ его «невытертымъ черевичищемъ» оказывались папа, король, епископы, свѣтскіе магнаты.

Мрачное, пессимистическое воззрѣніе Вышенскаго на южнорусское общество обнаруживается во многихъ мѣстахъ посланій. «Поеретичѣхомъ вси обиталници Малой Россіи, писалъ онъ въ посланіи къ кн. Острожскому, и отъ Бога устранихомся далече къ невѣрію и зло житіе припрагши». Въ другомъ мѣстѣ того-же посланія онъ обращается къ малороссіянину съ упрекомъ: «Русине, бывшій благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрецъ, съ ляхи живущій нынѣ одѣтинѣлъ еси и раздѣлился». Съ особенной силой Іоаннъ обличаетъ южно-руссовъ въ посланіи своемъ ко всѣмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и польско-литовскаго королевства: «Отъ главы и до ногъ оструѣли есте, отъ начальникъ, отъ священникъ и до простыхъ онечистѣли есте, осмрадѣли есте

гноемъ міролюбія; образъ Божій огноили есте; нѣсть мѣста цѣлаго отъ грѣховнаго недуга,—все струпъ, все рана, все пухлина, все гнилство, все огнь пекельный, все болѣзнь, все грѣхъ, все неправда, все лукавство, все хитрость, все коварство, все кознь, все лжа, все мечтаніе, все сѣнь, все пара, все дымъ, все суета, все тщета, все привидѣніе; сущее-же нѣсть ничтоже, нѣсть гдѣ пластра приложити на исцѣленіе нѣкоея части,—все смертоносный грѣхъ, все пекломъ, адомъ и геенною вѣчною смердитъ».

Обличая южно-руссовъ въ упадкѣ духовной жизни и въ размноженіи грѣховъ, Іоаннъ Вышенскій въ посланіи къ православнымъ жителямъ юго-западной Россіи замѣчаетъ: «Ознаймую вамъ, яко земля, по которой ногами вашими ходите и въ ней-же въ жизнь сію рожденіемъ произведени есте и нынѣ обитаете, на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ, стогнетъ и вопіетъ, просячи Сотворителя, яко да пошлетъ серпъ смертный, серпъ казни погибельной, яко-же древле на содомляны, и всемірнаго потопу, который-бы васъ погубити и искоренити могль, изволяючи лепше пуста въ чистотѣ стояти, нежели вашимъ безбожествомъ населена и беззаконными дѣлы осквернена и запустошена». Подобнаго рода сѣтованіе земли на человѣчество за его грѣхи встрѣчается въ апокрифахъ, откуда оно проникло въ духовные стихи. Нельзя, однако, съ достовѣрностію сказать, имѣлъ-ли Іоаннъ Вышенскій подъ руками извѣстный апокрифъ съ сѣтованіемъ земли, или воспользовался имъ случайно по памяти, вспомнивъ кстати то, что давнымъ давно было прочитано, или наконецъ, воспользовался апокрифическимъ сѣтованіемъ земли, какъ общимъ мѣстомъ, странствующимъ благочестивымъ разсказомъ, независимо отъ того апокрифическаго цѣлаго, изъ котораго онъ взятъ. Извѣстно, что подобнаго рода поэтическія мѣста апокрифовъ превращались въ отдѣльные разсказы и духовные стихи, которые путемъ письменной и устной передачи свободно странствовали въ народѣ, вполнѣ удовлетворяя его набожности и благочестію.

На вопросъ о томъ, какія явленія южно-русской жизни представлялись Іоанну наиболѣе порочными и дурными, отвѣтить легко; это прежде всего и болѣе всего явленія религіозно-нравственной жизни народа и затѣмъ стоящія отъ нихъ въ зависимости явленія соціальныя. Въ эпоху наибольшаго возбужденія религіозныхъ споровъ, сильнаго проявленія, можно сказать, рѣшительнаго господства

въ народной жизни религіозныхъ вѣроисповѣдныхъ началъ, а такой эпохой было XVII столѣтіе, вниманіе Іоанна Вышенскаго естественно болѣе всего было обращено на поддержку православія и на устраненіе посторонникъ, противныхъ православію вѣрованій народа. Онъ боролся съ остатками язычества, съ ересями и въ особенности съ латинствомъ и уніей.

Такіе глубоко укоренившіеся въ народѣ языческіе праздники, какъ Коляда и Купало, такія языческія формы жертвоприношенія и славословія, какъ щедривки, волочебныя пѣсни, поминальные пироги вызывали въ Іоаннѣ негодованіе и суровое слово обличенія. Въ посланіи къ князю Острожскому находится любопытный перечень южнорусскихъ праздниковъ и обрядовъ языческаго характера.

«Коляды зъ мѣстъ и селъ ученіемъ выженѣте; не хочетъ бо Христосъ, да при Его рождествѣ дьявольскія коляды мѣсце маютъ, але нехай собѣ ихъ въ пропасть свою запесетъ.

Щедрій вечеръ изъ мѣстъ, изъ селъ въ болота заженѣте, нехай зъ дьяволомъ сѣдитъ, а не съ христіанъ ся ругаетъ.

Волочельное по Воскресеніи, зъ мѣстъ и зъ селъ выволокши, утопите. Не хочетъ бо Христосъ при своемъ славномъ Воскресеніи того смѣху и руганя дьявольскаго имѣти.

На Георгія мученика праздникъ дьявольскій на поле исшедшихъ сатанѣ офѣру танцами и скоками чинити разорѣте; гнѣваетъ бо ся на землю вашу Георгій мученикъ, што не мать христіанина православнаго, которій ругане тое діавольское очистити и изгнати могли.

Пироги и яйца надгробные въ Острозѣ и гдѣ бы ся знаходило упразднѣте, да ся въ христіанствѣ тотъ квасъ поганскій не знаходитъ.

Купала на Крестителя утопите и огненное скаканіе отсѣчете; гнѣваетъ бо ся Крститель на землю вашу, што ся на день памяти его попущаете діаволу ругатися вами зъ васъ же ся самыхъ.

Петръ и Павелъ молятъ васъ, если хочете отъ нихъ ласку мѣти, да потребите и попалите колыски и шибеницы, на день ихъ чиненые на Волыню и Подолю, и гдѣ бы ся только тое знаходити мѣло; мерзко бо имъ на землю съ небеси смотрѣти на тое діавольское позорище, христіанскимъ людемъ збираючися».

Не мало Іоаннъ Вышенскій заботился о томъ, чтобы малороссіяне не «раздирали церковь мнѣніемъ,... прилагающе отъ своего

умысла что или отъимающе безстудіемъ». Онъ стремился очистить церковь отъ «прелестей и забобоновъ еретическихъ». Еретическихъ «забобоновъ» въ его время было много въ юго-западной Россіи. Сюда проникло раціоналистическое ученіе Фауста Социна, требовавшее для разума полнаго простора въ объясненіи священнаго писанія, отвергавшее божественность Іисуса Христа, нѣкоторыя таинства и многіе обряды. Цвѣтущимъ періодомъ социніанства было время отъ 1585 до 1638 г., т. е. какъ разъ то время, когда жилъ Іоаннъ Вышенскій. Социніанскія общины были во многихъ городахъ Литвы и южной Россіи. Гнѣздомъ польско-литовскаго социніанства былъ городъ Раковъ, гдѣ находилась социніанская церковь, школа и типографія. Социніанство распадалось на многіе толки. Въ одномъ посланіи Іоаннъ указываетъ на разнообразіе религіозныхъ вѣроисповѣданій въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. «Овъ бо зовется папежникъ; овъ зась нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста; овъ зась недавно выкрещеный; овъ зась—субботникъ». Вліяніе раціоналистическимъ сектъ въ Малороссіи было настолько сильно, что въ однихъ случаяхъ происходилъ открытый и рѣшительный переходъ въ секту, въ другихъ возникало равнодушное отношеніе къ православію, соблюденіе его внѣшней обрядовой стороны, да и то не всегда. Въ силу религіознаго индиферентизма, изъ опасенія подвергнуться насмѣшкамъ иновѣрцевъ, православные уклонялись отъ поклоненія иконамъ, въ особенности отъ поклоненія кресту. Іоаннъ находилъ необходимымъ напомнить своимъ соотечественникамъ: «Иконное поклоненіе съ учтивостью почитайте, и въ домѣхъ, идѣже пребываете, образъ Матери Божія съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ на стѣнахъ въ концѣ трапезы вашея пригвоздите. Крестомъ Христовымъ, до церкви пришедши, креститесь,—не соромѣте. Або вѣмъ, нынѣ христіане Малыя Россіи всѣ поеретичѣли, яко Креста Христова, славы своея, на Немъ же намъ спасеніе содѣяся, соромѣются. И не только въ церкви, але и на трапезу сѣдаючи, крестомъ знаменайте. Если-бы и латина, и еретики быти съ тобою ся прилучили, не соромейтеся рода ради прелюбодѣйнаго жизни сея, да не посрамлени будете на вселенскомъ позорищѣ, ибо нашея вѣры таинства весь міръ вмѣстити не можетъ; иншіе же вѣры всѣ суть прелести».

Если вліяніе иновѣрцевъ на православныхъ было такъ велико, что послѣдніе стѣснялись при посторонннихъ, въ присутствіи ерети-

ковъ, покланяться иконамъ и кресту, то тѣмъ болѣе они должны были стѣсняться въ присутствіи иновѣрцевъ входить въ общеніе съ неприглядными православными монахами. «Иноческаго чину не поругивайте...; благочестіе стратили и съ иноческаго чина ся смѣете, и духомъ проклятаго дьявола хулите», обращается Іоаннъ къ православнымъ. Такимъ образомъ оказывается, что православные монахи не пользовались въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. уваженіемъ, что надъ ними смѣялись одновѣрцы, отчасти, должно быть, подъ вліяніемъ иновѣрцевъ. Со стороны откормленныхъ, выхоленныхъ, иногда даже элегантныхъ и образованныхъ латино-уніатовъ, вѣроятно, сыпался градъ насмѣшекъ и колкостей на неприглядныхъ и темныхъ православныхъ монаховъ. Къ такому предположенію приводятъ посланія Іоанна Вышенскаго. Самыя страстныя и горячія выраженія употреблены имъ въ защиту православныхъ монаховъ отъ взводимыхъ на нихъ латино-уніатами обвиненій въ грубости, пьянствѣ и невѣжествѣ. Защита православнаго иночества составляетъ весьма характерную часть своеобразныхъ сочиненій Іоанна Вышенскаго, характерную по содержанію и формѣ, по обрисовкѣ личности автора и всего общества.—«Чому ся ты, рымлянине, смѣешн зъ духовнаго иноческаго чина? спрашиваетъ Іоаннъ Вышенскій, и предугадываетъ далѣе отвѣтъ католика: «Ты же ми, вѣдаю, отповѣси: для того ся смѣю, ижъ каптуръ или страшило на головѣ носить,—што мы зовемо клобукъ,—и зась смѣюся, ижъ волосе долгое носить и не подголився, и зась простое одѣне носить, што некшталтовне, яко въ мѣхъ, оболокся, и зась поясище нѣкчемное скужаное или ременное, черевичище—не машъ на што поглядѣти, или чоботища невытертіи, ажъ гадится поглядѣвши на нихъ; а до того—хлопъ простый, не знаетъ и проговорити съ чоловѣкомъ, коли его што запытаешь». Этимъ, однако, не ограничивались неприглядныя стороны православнаго монашества. Іоаннъ Вышенскій, какъ человѣкъ искренній, прямой, не скрываетъ, что были и другія обвиненія, болѣе существенныя: «Але зась речеши, яко зло житіе маютъ иноки, по корчмахъ ходятъ и упиваются, и по господахъ обѣды чинятъ, и пріятельство собѣ зъ мірскими еднаютъ, и до того гроши збираютъ и на лихву даютъ». Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, несомнѣнно, было много правды. Іоаннъ Вышенскій, какъ человѣкъ добросовѣстный, искренній, не могъ не признать извѣстной доли основа-

тельности упрековъ православнаго монашества въ пьянствѣ и корыстолюбіи. «Не все бо пшеница въ посѣваню ся знаходитъ, говоритъ онъ по этому поводу, але знайдешь другую ниву, которая больше куколю, нежели пшеницы народитъ. Также и межи иноки въ доспѣяню на звѣтяжество того чрева мало ихъ есть». Опроверженія латино-уніатскихъ нападокъ на православные монашестве, приводимыя малороссомъ-аѳонитомъ, съ логической стороны мало убѣдительны, но всѣ они въ высшей степени своеобразны и характерны, горячи и сильны. Защита Іоанна Вышенскаго распадается на двѣ части, на защиту внѣшнихъ сторонъ монашества,—иноческой одежды и на защиту моральной стороны современныхъ ему православныхъ монаховъ. Сначала Іоаннъ объясняетъ и оправдываетъ внѣшнюю неприглядность монашескаго клобука, пояса, сапогъ. Клобукъ, съ хвостомъ назади—страшило для бѣсовъ и знакъ презрѣнія къ міру и земной красотѣ. Длинные, не знающіе гребенки, волоса на головѣ—средство «женскую плоть въ огиду и мерзость на себя воздвигнуть», чтобы женщины при взглядѣ на косматаго и неумытаго монаха мыслью похотною не блудили, а «отъ мерзяки некраснаго образа помысломъ скоро отскочили и не согрѣшили». Ременный поясъ убиваетъ «подъ ременемъ тѣлесныя кожи внутръ крыючіяся страсти, похоти и всякія прагненя грѣхолюбивыя, придавляючи кожу кожею и моцно стягивая черево». Нехорошую обувь монахъ для того носитъ, чтобы «безпечно на змію наступить и василиску голову сокрушить... Черевичище невытертое иноково якъ стало на одномъ мѣстѣ отъ вечера предъ Богомъ на молитву, тогды, яко камень неподвижный, доколь ажъ день освѣтитъ, стоитъ и бѣсы отъ той коморки, гдѣ ся молитъ, далеко отгоняетъ». Что касается до опроверженія нравственныхъ недостатковъ монашества, корыстолюбія, пьянства и невѣжества, то первое Іоаннъ признаетъ и не оправдываетъ, второе признаетъ и оправдываетъ, а третье рѣшительно не признаетъ. Тѣхъ монаховъ, которые собираютъ деньги и отдаютъ ихъ въ ростъ, онъ называетъ хулой на иноческое имя, Іудами и христопродавцами. Наклонность къ выпивкѣ и излишество въ ѣдѣ Іоаннъ называетъ «грошовымъ» грѣхомъ и замѣчаетъ при этомъ: «трафится ему (т. е. православному иноку) отъ того чрева и отъ того горла звытяжитися, тому не мало не чюдуйся, и я тому вѣрую, што трафляется и то въ вашей землѣ иноку, ижъ часомъ

и переночуетъ въ корчмѣ». Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ въ оправданіе допускаемой монахами случайной выпивки говоритъ: «Тому неборакови въ мѣсяцъ разъ трафится напитися, и то безъ браку, що знайдетъ, горькое-ли, или квасное, пиво албо медъ, тое глощетъ, только-бы тую поганку утробу насытити могълъ, а по насыченю зась терпитъ, въ келію влѣзши, доколя ся ему другій такій праздникъ трафункомъ намѣритъ (т. е. случится)... А онъ зась, отшедши зъ корчмы въ свою келію, тотъ кусъ смачный и куфель оплакавъ и отжаловавъ и прощеніе отъ Бога пріялъ». Что касается обвиненія православнаго монашества въ невѣжествѣ, то Іоаннъ Вышенскій не отвергалъ, что южно-русскіе монахи малознающи; онъ настаивалъ лишь на томъ, что ихъ малое знаніе есть дѣйствительное и богоугодное знаніе, а латино-уніатская мудрость—прелесть міра сего. «Тое признаваю, што еси реклъ, яко не вмѣетъ инокъ зъ дворяны, смѣхотворцы, курцыаны шкурты и блазны (шутки) говорити, а то для того, ижъ онъ тые бесѣды и прожномовства уморилъ, убилъ и память тую мірскихъ справъ запамятанемъ погребъ, и въ простоту отъ мірскихъ хитростей ся переселилъ, только да съ Богомъ и къ Богу мыслію и памятью будетъ... А што-жъ инокъ не умѣетъ бесѣдовати съ тобою: албо его пытаешн о борбѣ духу съ тѣломъ, албо его пытаешн о дьявольскихъ прилогахъ, албо его пытаешн о скорбѣхъ внутреннихъ, албо его пытаешь о томъ, въ чомъ животъ вѣчный крыется?.. Чѣмъ же ся ты ругаешь съ инока, ижъ съ тобою не умѣетъ бесѣдовати? Албо мнимаешь, ижъ ты чого пожиточного въ замтузѣ научилъ? албо мнимаешь, ижъ ты што цнотливого у курвы слышалъ? албо мнимаешь, ижъ ты што богобойнаго отъ шинкарки навыкъ? албо мнимаешь, ижъ ты што разсуднаго отъ дудки и скрипки и фрюярника (польск. fryjer—волокита) разобравъ? албо мнимаешь, ижъ ты отъ трубача, сурмача, пищальника, памайника, органисты, регалисты, инструментисты и бубенисты што о дусѣ и духовныхъ рѣчахъ коли слышалъ? албо мнимаешь, ижъ ты отъ всѣхъ пастыревъ, мысливцовъ (охотниковъ) или возовозовъ, возницъ или скачомудрецъ, кухаровъ или пирогохитрцовъ-пекаровъ што о богомысліи навыкъ? Чѣмъ ся ругаешь, брате дворянине, зъ инока, ижъ не вмѣетъ съ тобою говорити? А што-жъ ты маешь за скарбъ разуму, да инокъ зъ тобою говоритъ? А што-жъ за пожитокъ говорки или бесѣды иноковн съ тобою? А

чого-жъ ся инокъ отъ тебе научитъ?... Зась оборачиваюся къ тобѣ, ругателеви иноческого чина и чудуюся тому твоему несносному осѣданію тымъ тяжкимъ и бременоноснымъ сѣдломъ глупства? Чому ся смѣешь зъ инока, ижъ онъ не умѣетъ съ тобою говорити и трактовати, якъ пустое коло млынное, крутячи и выворочаючи безпожиточный тотъ языкъ? А што-жъ ты здороваго знаешь да говоришь»? Глубокимъ презрѣніемъ и страшнымъ негодованіемъ дышутъ въ одномъ мѣстѣ опроверженія латино-уніатскихъ обличителей и поругателей малорусскаго народа, въ особенности его скромнаго и приниженнаго духовенства. «Подвигъ и борба есть жизнь тая (т. е. монашеская), которой ты не знаешь; бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматурѣ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пирогоѣдъ; еще еси периноспалъ, мягкоспалъ, подушкоспалъ; еще еси тѣлу угодникъ; еще еси тѣлолюбитель; еще еси кровопрагнитель; еще еси перцолюбецъ, шафранолюбецъ, имберолюбецъ, гвоздиколюбецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и другихъ брѣдень горько и сладколюбецъ; еще еси конфектолюбецъ; еще еси чревобѣсникъ; еще еси гортановстекъ; еще еси гортанограель, еще еси гортаномудрецъ; еще еси дѣтина, еще еси младенецъ; еще еси мископій. Якъ же ты хочешь бѣду военника, бьючогося и борючогося, у цицки матернои у дома сидячи, розознаты, розсудиты?... Я васъ упевняю и тую тайну вамъ открываю: если-бы тые кантуреници межи вами не были, уже бо есте давно погибли,... яко слина исчезнете и запустѣете».

«Терпитъ Богъ латину — тое таемницы не знаешь? спрашиваетъ далѣе Вышенскій и затѣмъ продолжаетъ: «але Руси (т. е. уніатовъ) не терпитъ, але змѣнниковъ русскихъ искоренятъ!» Разъ Господь терпитъ латину,—Вышенскій, можно думать, и не трогальбы ее, не вступалъ-бы съ нею въ борьбу, если-бы сама латина не выступала грубо завоевательнымъ образомъ. Латина внесла въ южную Русь раздоръ, кары, убійства, братоненавистничество. Латина разрывала южную Русь на части. Всѣ дурныя стороны человѣческой природы были взбудоражены и подняты латиной для того, чтобы бросить малороссіянъ подъ туфлю римскаго папы: корыстолюбіе, лицемѣріе, обманъ, ложь, клятвопреступничество, грубое насиліе, тѣлесное наказаніе, убійство. Возбуждали и усиливали корыстолюбіе

православныхъ іерарховъ, чтобы обѣщаніемъ папскихъ и королевскихъ наградъ привести ихъ къ уніи; поддѣлывали богослужебныя книги и юридическіе акты, чтобы дать церковной уніи каноническія и археологическія основанія; упорнымъ противникамъ подносили отраву, или бросали ихъ въ тюрьму, или подсылали подкупнаго убійцу. Всѣ мѣры, направленныя къ духовному порабощенію южной Россіи, получали въ Римѣ религіозную санкцію, въ Варшавѣ административное одобреніе, и мерзѣйшія проявленія угнетенія, насилія, рабства, холопства совершались на законномъ основаніи in majorem gloriam римскаго папы. Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры перечисляетъ главныя проявленія воздвигнутыхъ католиками на православныхъ малороссовъ гоненій: «сице нынѣ латина христіанамъ православнымъ творитъ, отновляюще прежде бывшее идолопоклонство и гоненіе, глаголюще: поклонися папѣ, пріими его календарь новоутворенный, на насъ истины ничтоже не глаголи... Аще-же не хощете, то имѣте ихъ и мучите досадами и бѣдами. Вы, войтове, бурмистрове, ландвойтове, власть мірская градская и повсюду, не дадѣте Руси ни едино пространство въ жизни ихъ, въ судехъ по Руси не поборайте, паче-же и крывдите, въ сусѣдствѣ любви не показывайте, ниже съ ними ся общѣте, паче-же ихъ ненавидите, въ куплях, торгахъ, ремеслахъ русинъ съ папежникомъ волности единой да не иматъ; въ цехахъ ремесницкихъ русину быти не достоитъ, доколѣ ся не попапежитъ; на власти войтовства и бурмистровства и прочихъ строительствъ отъ русскаго народа да ся не поставляютъ, доколѣ ся у папежа не увѣруютъ. Аще-же симъ Руси не досадите и папѣ идолопоклонитися не хощутъ, набоженство ихъ разорѣте, на праздники стараго календаря звонити не дадѣте, новый-же святити и праздновати съ силою понудѣте; аще-же и еще не послушаютъ, сакраментъ Христовъ обезчѣстете, на землю пролейте и ногами попрѣте и потопчѣте, церкви запечатайте и отъ всѣхъ странъ бѣдно творѣте и досаждайте, да поне сими бѣдами и досадами повинуются и поклонятся папѣ и костелеви римскому; аще-же и сими досадами имъ не одолѣете, въ темницахъ затворяйте и безъ вины вины на нихъ налагайте, бійте, безчестите и убійте во имя найсвятѣйшаго папы».

По долгу чести, по чувству справедливости, по любви къ родному краю Іоаннъ Вышенскій не могъ остаться равнодушнымъ или

молчаливымъ зрителемъ южно-русскихъ религіозно-общественныхъ нестроеній и латино-уніатскихъ козней. Онъ сталъ въ ряды малочисленныхъ защитниковъ православнаго южно-русскаго народа противъ нападеній могущественной и безцеремонной въ выборѣ средствъ «латины». Іоаннъ Вышенскій является однимъ изъ самыхъ раннихъ православныхъ религіозныхъ полемистовъ въ южной Россіи XVI—XVII столѣтій. Его религіозно-полемическая дѣятельность была отчасти опредѣлена предшествовавшими религіозно-церковными полемистами, преимущественно острожскимъ священникомъ Василіемъ, авторомъ небольшаго противо-латинскаго сочиненія, вышедшаго въ 1588 г. «Хотѣхомъ, говоритъ Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры, о таинственной вечерѣ, календарѣ и прочіихъ премѣненіяхъ ихъ латинскихъ (отъ истины въ ложь и прелесть) обличительно писати; но занеже видѣхомъ, яко о всемъ томъ довольно Василій отъ божественнаго писанія написа, сего ради оставихомъ о семъ писати. Сіе Василіево писаніе испытахомъ извѣстно и увидѣхомъ, яко не отъ своея фантазіи новоизобрѣтеннаго помысла, но отъ божественнаго писанія писа, яже написа». Содержаніе сочиненія Василія острожскаго распадается на шесть частей: 1) о единой, истинной, православной вѣрѣ; 2) о исхожденіи св. Духа; 3) о первенствѣ римскомъ; 4) объ опрѣснокахъ; 5) о перемѣнѣ въ празднованіи Пасхи, или о календарѣ и 6) о храмахъ и почитаніи иконъ (Филар., Обзоръ I, 237). Полемикой противъ римской церкви Іоаннъ Вышенскій занимается въ одномъ посланіи и въ «Зачапкѣ». Въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры Іоаннъ Вышенскій сначала останавливается на опредѣленіи того, что такое прелесть и змѣиная мудрость, потомъ болѣе или менѣе подробно касается слѣдующихъ вопросовъ: 1) объ исхожденіи св. Духа, 2) о церкви старшей и начальнѣйшей, 3) о начальствѣ римскихъ папъ; 4) о послѣди быти хотящихъ плодѣхъ латинскихъ (перемѣна праздниковъ, крестнаго знаменія и др.) и 5) о чистилищѣ. Въ «Зачапкѣ» находится опроверженіе двухъ мнѣній Скарги: 1) «Греки словенскому языку науки своей не повѣдали» и 2) «Счастливый есть костелъ латинскій, нжъ всюды, по всѣхъ сторонахъ своего послушенства науки и школы фундовалъ».

Опроверженія латино уніатскихъ мнѣній въ сочиненіяхъ Іоанна Вышенскаго не представляютъ глубокаго и разносторонняго разбора

разностей между восточною и западною церквями; они не блестящи съ внѣшней, формальной стороны, со стороны фактической аргументаціи [1]); при всемъ томъ они убѣдительны, потому что просто и ясно изложены и при этомъ выдвинуты немногія, характерныя доказательства, легко укладывающіяся въ памяти; но самое главное то, что они проникнуты необыкновенной нравственной силой и искренностью. Іоаннъ Вышенскій писалъ,—употребляемъ выраженіе Бёрне,—кровью своего сердца (mit dem Blute des Herzens und dem Safte der Nerven), и потому все имъ написанное такъ сильно, горячо и, растворенное безкорыстной любовью къ родинѣ, такъ неотразимо и убѣдительно.

Въ началѣ посланія къ князю Василію Острожскому Іоаннъ Вышенскій выдвигаетъ сильное обвиненіе латино-уніатовъ въ гордости. Гордость, какъ извѣстно, выдающійся порокъ латинства, естественно вытекающій изъ властолюбія Рима. «Римъ всегда хотѣлъ властвовать», говоритъ Г. Гейне. «Когда легіоны пали, онъ послалъ въ провинцію догматы. Какъ гигантскій паукъ, гнѣздился Римъ въ центрѣ міра и заволокъ его безконечною сѣтью». Превосходно очерчена римско-католическая гордость въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы», въ главѣ «Великій инквизиторъ». Спаситель пожелалъ появиться на время къ угнетенному всякаго рода бѣдствіями народу и спустился на землю въ Испаніи, въ Севильѣ, въ самое страшное время инквизиціи. Народъ непобѣдимой силой стремится къ Нему, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди нихъ съ тихою улыбкою безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ; лучи свѣта, просвѣщенія и силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, исцѣляетъ отъ недуговъ. Въ это самое время проходитъ по площади самъ кардиналъ великій инквизиторъ. Онъ сразу понялъ, что передъ нимъ Спаситель и приказалъ стражамъ взять Его и отвести въ тюрьму. Толпа перемѣнчива и робка. Она преклоняется

[1]) Ученіе о Filioque отвергается, какъ не подтверждаемое евангеліемъ мечтательное толкованіе; ученіе о первенствѣ римской церкви по времени возникновенія опровергается указаніемъ на возникновеніе христіанства и церкви Христовой въ Іерусалимѣ и т. д.

передъ великимъ инквизиторомъ, и Спасителя безпрепятственно отводятъ въ тюрьму. Здѣсь къ Нему является самъ великій инквизиторъ и говоритъ Спасителю, что пришествіе Его излишне и неумѣстно. Весь смыслъ суровой рѣчи инквизитора сводится къ тому: «все, дескать, передано Тобою папѣ, и все стало быть теперь у папы, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мѣшай до времени по крайней мѣрѣ». «Я примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые исправили подвигъ Твой», говоритъ великій инквизиторъ и грозитъ Спасителю костромъ. Латинское высокомѣріе, римско-католическая гордость всегда выступали ярко; въ особенности-же эти тяжелыя свойства латинства обнаруживались въ періоды гоненій за вѣру, между прочимъ, въ періодъ разыгравшейся и разбушевавшейся латинской пропаганды въ южной Россіи въ XVII столѣтіи. Здѣсь латинское высокомѣріе тѣмъ болѣе подняло свою голову, что опиралось на внѣшнее, такъ сказать, количественное, но тѣмъ не менѣе блестящее превосходство польской цивилизаціи надъ цивилизаціей южно-русской, имѣло на своей сторонѣ и въ свою пользу польско-іезуитскія коллегіи, широковѣщательныя казанья, историческую и богословскую литературу. Южно-руссамъ конца XVI и начала XVII столѣтія пришлось испытать на себѣ всю тяжесть латинскаго высокомѣрія, гордости и властолюбія, и потому такъ умѣстнымъ представляется суровое и правдивое обличеніе Іоанна Вышенскаго. «Въ той .... книжкѣ (т. е. католической «Оборонѣ брестскаго собора») знаполъ есми яму глубокую, говоритъ Іоаннъ Вышенскій, яму, которая адовыхъ послѣднихъ концовъ досягаетъ, тая яма, которую духозрители пропастію вѣчною называютъ, тотъ ровъ знаполъ есми, который изривши его, самъ его ся вмѣтаетъ, тую глубину знайшолъ есми, съ которіи погрязнувшій николиже вернутися не можетъ. Которій-же то мененый ровъ, яма, глубина, пропасть? То есть превозлѣтающая мниманьемъ выше всѣхъ, зниходящая-же ся искусомъ ниже всѣхъ гордость, тая гордость, въ которой препочиваетъ вѣка сего таинство, тая гордость, которая высокое чинитъ сердце, о которой рече Премудрый, яко есть передъ Господомъ нечиста, тая гордость, которая истекаетъ отъ высокаго сердца и изрыгается нагло гвалтовнымъ языкомъ наявно; тая гордость, которая отъ преисполненія сердечнаго вытискается въ широко-нечистые уста гвалтомъ и языкояднымъ гласомъ ураняетъ слышащихъ. И

что много мовити? Въ томъ гласѣ видѣлемъ явнаго фарисея»... Въ другомъ мѣстѣ посланія Іоаннъ Вышенскій даетъ краткую, но довольно выразительную характеристику того, въ чемъ преимущественно проявлялась въ его время латинская гордость: «тое возношеніе есть, который самаго себя быти лѣпшимъ, зацнѣйшимъ и мудрѣйшимъ отъ другихъ разумѣетъ и наявно тое розумѣніе о себѣ гласомъ изъявляетъ». Какъ ни теменъ языкъ приведенныхъ мѣстъ, въ нихъ нельзя не видѣть, что основой латино-польскаго высокомѣрія во время Іоанна Вышенскаго были старожитность или древность рода и построенная на польско-латинскихъ началахъ образованность; это такъ сказать два краеугольные камня польско-латинскаго высокомѣрія. Послѣ этого понятно, почему Іоаннъ Вышенскій пускаетъ сильные перуны своего краснорѣчія противъ пановъ и настойчиво приравниваетъ ихъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи къ хлопамъ; понятна и его ненависть къ Аристотелю, какъ схоластической основѣ латинскихъ коллегій.

Въ одномъ мѣстѣ Іоаннъ Вышенскій затрогиваетъ короля-иновѣрца. Предлагая православнымъ выбирать достойное лицо въ епископа и просить короля о его утвержденіи, нашъ полемистъ далѣе замѣчаетъ: «котораго (т. е. духовнаго пастыря) если не схочетъ вамъ подати и не послухаетъ васъ, узрите его (т. е. короля) скоро оглохнувша и онѣмѣвша; зане поставленъ судь правый судити, а не своей вѣры прелести фалкговати» (содѣйствовать). Такой тонъ рѣчи относительно высшей предержащей власти въ Польшѣ, короля, къ которому малороссіяне всегда, даже въ половинѣ XVII ст., при возстаніи Хмельницкаго, относились весьма почтительно и искали въ немъ защиты, заранѣе показываетъ, въ какомъ духѣ будетъ говорить Іоаннъ Вышенскій о тѣхъ «королевятахъ» — свѣтскихъ и духовныхъ магнатахъ, которые превратили Рѣчь-Посполитую въ панскій рай и мужицкій адъ, причемъ обрѣзали власть короля, такъ что отъ этой власти остались одни жалкіе обрывки. Отзывы Іоанна Вышенскаго о польской аристократіи, свѣтской и духовной, жестки, суровы, часто проникнуты язвительной насмѣшкой. «Постраждутъ власти мірскія,—они-же талантъ добръ, отъ Бога имъ данный, въ своихъ похотяхъ и сластяхъ гноя тѣлеснаго погребаютъ, о разможеніи-же хвалы Божіей ничтоже

не дбаютъ... Постраждутъ и власти разумомъ владѣющія духовно, занеже за спасеніе душъ небрегутъ».

«Князья (польскіе) закону Божію не покаряются, обѣщницы татемъ, любяще мзду, гоняще за посулами, сиротамъ не судяще и суду вдовицъ не внемлюще». Русскіе паны не далеко ушли отъ пановъ польскихъ: «на пановъ-же вашихъ русскаго рода не надѣйтеся, говоритъ Іоаннъ Вышенскій; въ нихъ-же нѣсть спасенія! всѣ бо живаго Бога и вѣры въ Него отступили, прелести-же еретической, любви духа тщеславнаго, жизнолюбію и лихоимству ся поклонили». Мало того: «нынѣ межи ляхи князья русскіе всѣ поеретичѣли и христіанства, истинной вѣры отступили, иноческій чинъ ругаютъ, лгутъ, клевещутъ»... Въ подтвержденіе своихъ словъ Іоаннъ Вышенскій указываетъ на князей Слуцкихъ, которые «въ панежа хитраго увѣрили, простоту русскую отбѣгли, и потому домъ ихъ сталъ пустъ»... Главные недостатки польско-русскаго панства— высокомѣріе, неправосудіе и въ особенности сластолюбіе и роскошь. «Панове надъ Бога богами вышшими надъ своими подручными подданными ся починили и надъ Творца, ровнымъ зданіемъ образа своего всѣхъ почтившаго, судомъ беззаконнымъ вознеслися». «Некрещеные турки честнѣйшіе суть предъ Богомъ въ судѣ и правдѣ якой-такой, нежели крещеные ляхи». Паны «въ златоглавыхъ подушкахъ и китайчаныхъ пелюхахъ родятся». «Чрево ихъ сластолюбивое, потравы богато утворенные, трапеза сребро-полмисная». Роскошь ихъ обнаруживается «во многихъ мисахъ, полмискахъ, приставкахъ черныхъ и сѣрыхъ, червоныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ скляницахъ и келишкахъ, и винахъ-мушкателяхъ, малвазыяхъ, аляконтахъ, ревулахъ, пивахъ розмаитыхъ, въ барилахъ съ медами, барылкахъ съ винами, шкатулахъ съ фляшами, наполненными виномъ, горѣлкою горко-дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ (коняхъ): валахахъ, дрыкгантахъ, ступакахъ, едноходникахъ,—колыскахъ, лектыкахъ, брожкахъ, карытахъ (экипажахъ), въ обиліи слугъ». Франтовство и щегольство панское выражалось въ низкомъ стриженіи волосъ: «обычай бо есть мірскимъ на облупленую голову подголенца выструганаго, мыломъ вышарованнаго и вымакглеваннаго пильно смотрѣти и мыслью похотною блудити». На голову надѣвали красивую шапку и ею кичились, «косичку или перце запявши», «перекривляючи макгерку то на той, то на сей бокъ,

шію напялившіи, яко индійскій куръ»; разными одеждами себя украшали, имѣя ненасытную любовь «къ прелести шматя того, златоглаву или ядамашку, шкарлату и иншихъ суконъ». Тутъ упоминается и «златоглавая делѣя» и «алтембасовый копенякъ», провадящіе въ адъ. Одной изъ забавъ польскихъ и русскихъ пановъ были «хорты, выжлы сытые и другіе кундысы (т. е. псы), а заботой—дабы «имъ боки полны, хребты ровны и гладки были». Любопытнымъ представляется еще слѣдующее обвиненіе пановъ въ сдачѣ шинковъ евреямъ: «ты всегда въ корчмѣ живеши и самъ шинкарямъ еси корчмы запродаеши, людскія сумнѣня оноиваеши скупостью корчемнаго торгу, съ Афраимами жидовскими людское чрево оцѣневаеши, и тое поганство видѣти не хощеши, и очи, суда себе не видѣти, зажмурилъ еси».

Римско-католическое и уніатское духовенство въ погонѣ за благами міра сего не отставало отъ людей свѣтскихъ. «Днесь бо въ лядской землѣ, говоритъ Іоаннъ Вышенскій, священники всѣ, якоже древле нѣкогда Елзавелины жерцы, черевомъ, а не духомъ офѣруютъ». Высшее латино-уніатское духовенство, какъ извѣстно, комплектовалось изъ людей знатныхъ, «уроженыхъ», причемъ переходъ съ одной іерархической ступени на другую, высшую совершался очень быстро. «Не днесь-ли каштеляне, говоритъ Вышенскій, дворяне, жолнѣры, воины, кровопролійцы, купцы, медвѣдники, а утро попами, а поутру бискупами, а по утру утрешнемъ арцибискупами починилися есте». Такое быстрое повышеніе обусловливалось или милостью короля, или, что гораздо чаще и обычнѣе было, являлось слѣдствіемъ подкуповъ. «Вамъ помогли (въ достиженіи іерархическаго сана), продолжаетъ Вышенскій, «румянцы (червоные, золотые) съ бѣлыми великими таляры, полталярками, орты, четвертаки и потройники. А то якъ? Ото такъ, что славнѣйшимъ секретарямъ и рефендарямъ, похлѣбцямъ и тайнымъ лгарямъ его королевской милости, абы ся причинили и свѣдчили, якъ годный человѣкъ на панствованя бискупскихъ доходовъ и пожитковъ и своевольнаго и вшетечнаго мешканя на тыхъ имѣніяхъ и селахъ, бискупству належачихъ, за которую причину тому, особѣ завивши въ папирець сто, или якъ ся трафитъ, чирвоныхъ золотыхъ въ руку тыць, другому зась тыхъ-же шафранцовъ очелюбныхъ, завивши также, въ руку тыць; отправивши-же румяно-

любцовъ, потомъ ступимо до панеславнѣйшихъ особъ, тымъ зась ворочки (т. е. мѣшочки) понаполнявши овымъ великихъ бѣлыхъ таляровъ, овымъ зась полталярковъ, овымъ ортовъ и четвертаковъ, тому въ руку тыць, овому тыць и сему тыць, а писаредрачи южъ не бракуютъ, и потройники съ грошами берутъ и дерутъ». Захвативъ такимъ способомъ духовную должность и связанныя съ нею маетности, пастыри занимались только тѣмъ, что пили молоко овецъ и снимали съ нихъ волну, «алчными и жаждными чинили бѣдныхъ подданныхъ». Обращаясь къ латино-уніатскимъ владыкамъ, Іоаннъ Вышенскій говоритъ: «зъ сихъ, на сироты церковные и прекормленіе ихъ отъ благочестивыхъ христіянъ наданыхъ, лупите и съ гумна стоги и аброги (рогатый скотъ) волочите; сами и съ своими слуговинами прекормлюетеся, опыхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и сидячи, смѣючися и граючи, пожираете, горѣлки припущаные курите, пиво троякое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете; сами и съ гостьми своими пресыщаете, а сироты церковныя алчутъ и жаждутъ, а подданные бѣдные въ своей неволѣ рочнего обходу удовлѣти не могутъ, съ дѣтьми ся стискаютъ (горюютъ), оброку собѣ уймуютъ, боячися, да имъ хлѣба до пришлаго урожаю дотягнетъ!»... «Нынѣ владыкове проклятіи фольварки собѣ починили зъ общихъ монастырей и мысливства (охотничьи своры) прекормлюютъ въ нихъ; съ тыхъ доходовъ, на богомольцы наданыхъ, дѣвкамъ своимъ вино (*вѣно*, приданое) готуютъ, сыны одѣваютъ, жоны украшаютъ, слуги умножаютъ, барвы (родъ ливрей) справуютъ, пріятелей обагачаютъ, кариты зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ». Страстью къ роскоши и корыстолюбіемъ высшаго духовенства Іоаннъ Вышенскій объясняетъ его переходъ въ унію. Переходомъ въ унію оно разсчитывало «прагнене непасычоное утолить» относительно наполненія сундуковъ и удовлетворенія разныхъ похотей. Понятно, что о соблюденіи церковныхъ уставовъ и о правильности церковной службы духовные іерархи мало заботились. Словесныхъ пастырей можно было узнать только «по брюху и самолюбію», говоритъ Іоаннъ Вышенскій. Не ограничиваясь обвиненіемъ латино-уніатскаго духовенства въ цѣломъ его составѣ, онъ дѣлаетъ нѣсколько упрековъ въ сластолюбіи и роскоши Рагозѣ, Терлецкому, Потѣю и другимъ высшимъ іерархамъ русскимъ, перешедшимъ въ унію, причемъ упоминаетъ объ убійствѣ Филиппа маляра Терлецкимъ.

Іоаннъ Вышенскій возмущался тѣмъ, что свѣтскіе и духовные магнаты, при всей своей глубокой испорченности, свысока, презрительно и жестоко относились къ горожанамъ и крестьянамъ, жили всецѣло на ихъ счетъ и ихъ-же третировали en canaille, возмущался тѣмъ болѣе, что горожане и крестьяне составляли самый здоровый и нравственно-чистый слой населенія. Онъ возмущался тѣмъ, что лучшіе южно-русскіе люди-братчики иначе не слыли у епископовъ, какъ сапожники, кожемяки, хлопы. «Якъ-же вы духовными, але и вѣрными зватися можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою и отъ единой матери благодати ровно съ собой породившагося, подлѣйшимъ отъ себѣ чините, уничижаете и ни за что быти вмѣняете, хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, шевцами на поруганіе прозываете... Пытаю тебя, ругателя имени, чимъ ты лѣпшій отъ хлопа; албо ты не хлопъ такій-же, скажи ми; албо ты не таляжъ матерія, глина и персть, ознайми ми; албо ты не тое тѣло и кровь; албо ты не тая-жъ желчъ хракотины, слина и тлѣніе; или ачей ты отъ каменя утесанъ и не маешь кишокъ и слизу холопскаго; ознайми ми... А егда показати не можешь, яко ты каменный, костяный или паветь и золотый, только такій-же гной, и тѣло, и кровь, яко и всякъ человѣкъ, чимъ-же ты ся лѣпшимъ показати можеши надъ хлопомъ? Явно, явно ничимъ другимъ, только хулою и величаніемъ гордости предъ человѣки, а предъ всевидящимъ окомъ окаяннѣйшій и всѣхъ тварей безчестнѣйшій еси». Іоаннъ Вышенскій съ любовью останавливается на южно-русскихъ крестьянахъ и горожанахъ. «Ваши милости, обращается онъ къ уніатскимъ владыкамъ, обнажаете изъ оборы кони, волы, овцы у бѣдныхъ подданныхъ, волочите дани пѣняжныя, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете и онихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ (рѣчныхъ суденъ) безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните... бѣдные подданные день и ночь на васъ трудятъ и мучатъ,—которыхъ кровъ, силъ и працы, и подвига выссавши, и нагихъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утрофинами и каразіями одѣваете, да красноглядствомъ тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдници подданные и простой сермяжки доброй, чимъ-бы наготу покрыти могли, не маютъ. Зъ ихъ пота мѣшки, полны грошми золотыми, талярмы, полталярки, орты, четвертаки и потройники, напихаете, сумы до-

кладаете, а тые бѣдници шеляга, за что соли купити, не маютъ!» Іоаннъ Вышенскій съ особенной силой и очевиднымъ сочувствіемъ говоритъ о простой жизни горожанъ и крестьянъ, о хлопахъ, которые «изъ одной мысочки борщикъ хлебчутъ, бицькимъ або муравскимъ кгермачкомъ (т. е. свитой) покрываются и сами себѣ панове и слуги суть». Понятно, что Іоаннъ вполнѣ одобрялъ то предпочтеніе, которое константинопольскій патріархъ оказывалъ братствамъ въ дѣлахъ церкви, причемъ указывалъ на Господа, не призвавшаго Анну и Каіафу въ проповѣдники спасенія.

Одной изъ главныхъ причинъ высокомѣрія, гордости и нравственной распущенности латино-уніатовъ Іоаннъ Вышенскій признавалъ, что они съѣли «много поганскихъ наукъ снѣди», «во тымѣ поганскихъ наукъ затворилися». Злоковарная латинская душа насыщена языческими (поганскими) тщеславными и гордыми догматами. «Нынѣ поганскіе учители, жалуется Іоаннъ Вышенскій, Аристотели, Платоны и другіе тымъ подобные машкарники и комедійники въ дворахъ Христа Бога владѣютъ». Очевидно, Іоаннъ Вышенскій имѣлъ слишкомъ смутное представленіе о великихъ греческихъ философахъ и судилъ о нихъ лишь по той «злоковарной» іезуитской поддѣлкѣ, въ которой они явились въ южной и западной Россіи. Онъ латино-уніатскую науку, построенную на схоластическихъ началахъ, считалъ продолженіемъ древней классической мудрости, и потому такъ энергично обрушился на «поганскихъ даскаловъ», Платона и Аристотеля. Въ его «Посланіяхъ» и въ «Зачапкѣ» разсыпано много колкостей на счетъ «философскаго ученія», «художества риторскаго ремесла», «хитродіалектическихъ силлогизмъ», «красномовнаго Аристотеля». Относясь вполнѣ отрицательно къ латино-уніатской наукѣ, Іоаннъ Вышенскій отвергалъ все съ нею связанное, латино-уніатскія школы, латинскій языкъ, сценическія представленія. Школы латино-уніатскія—пропасть и погибель вѣчная; изъ нихъ выходятъ славолюбцы, болтуны, самохвалы, гордые фарисеи. Іоаннъ Вышенскій гордился тѣмъ, что православные латыни не знаютъ и комедій и машкаръ въ іезуитскихъ коллегіумахъ не изучаютъ.

Развивавшуюся въ Малороссіи латино-польскую культуру Іоаннъ Вышенскій ни во что ставилъ, потому что она покупалась цѣной измѣны родной вѣрѣ и родной народности. Его, однако, никоимъ

образомъ пельзя назвать обскурантомъ, врагомъ знанія, Іоаннъ принципіально не отвергалъ знанія. Онъ требовалъ только, чтобы южно-русская наука питалась греко-славянскими источниками и служила всей народной массѣ; онъ не отдѣлялъ науку отъ православія и народности. Рѣшительно возставая противъ отдачи дѣтей православныхъ родителей въ латино-уніатскія школы, Іоаннъ въ то-же время предлагалъ отдавать ихъ въ школы, находившіяся при православныхъ церквахъ: «Боячися, говоритъ онъ въ «Зачапкѣ», жебы есте дѣти своя хитростію и ересью латинскою не отравили и не поморили, залецаю вамъ православнымъ правовѣрную школу, и нараду даю, чого ся учити имѣютъ, чтобы дѣти ваши спасли и по васъ благочестіе задержали и христіанство своей вѣры не стратили. Вопервыхъ Ключъ, или грецкую или словенскую грамматику да учатъ. По грамматицѣ-же, во мѣсто лживой діалектики, изъ бѣлаго въ черное, а изъ чернаго бѣлое перетворяти учащей, тогда-бо учатъ богомолебнаго и праведно-словнаго Часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силлогизмъ и велерѣчивой риторики тогда учатъ богоугодно молебный Псалтырь; во мѣсто философіи, по воздуху мысль разумную скитатися зиждущей, тогда учатъ плачивый и смиренномудрый Охтанкъ, та-же конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ— дѣльное богословіе; тогда учатъ святую евангельскую и апостольскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не слухи (рѣчь умудривши токмо) чесати словомъ проповѣднымъ, але силу св. Духа влагати въ слышащихъ сердца». Требованія, очевидно, не малыя, вполнѣ согласныя съ церковно-общественными потребностями южно-русскаго народа въ началѣ XVII ст. Тутъ предусмотрѣно все главное въ религіозно-нравственномъ образованіи народа: воспринятіе науки на излюбленныхъ въ народѣ греко-славянскихъ началахъ и передача ее другимъ въ духѣ любви въ живомъ проповѣдномъ словѣ.

Замѣчательнымъ проявленіемъ національнаго самосознанія Вышенскаго служитъ, между прочимъ, энергическое отстаиваніе имъ въ посланіи къ кн. Острожскому и въ Зачапкѣ славянскаго языка, подъ который подкапывались латино-уніаты, отъ котораго мало по малу отказывались и православные подъ вліяніемъ обольстительнаго богатства западной, латинской науки. «Книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте, говоритъ Іоаннъ Вышен-

скій... Нѣкоторые наши на словенскій языкъ хулятъ и не любятъ,— да знаешь запевно, яко того майстра дьявола дѣйствомъ творятъ. А то для того дьяволъ на словенскій языкъ борьбу тую маетъ, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій; понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ простымъ прилежнымъ чтеніемъ, безъ всякаго ухищренія къ Богу приводитъ.

Малорусскій языкъ въ произведеніяхъ Іоанна Вышенскаго играетъ почетную роль образовательнаго элемента въ жизни народа, является средствомъ духовной бесѣды и нравственнаго назиданія. «Евангелія и Апостола, говоритъ Іоаннъ, въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи-же, для выразумѣня людского, по просту толкуйте и выкладайте».

Идеалъ Іоанна Вышенскаго состоялъ въ томъ, чтобы малороссіяне, или, употребляемъ терминъ Іоанна, русины, достигли научнаго образованія и гражданскаго благосостоянія посредствомъ настойчиваго труда, не разрывая связей съ своимъ прошлымъ, на основаніи главныхъ краевыхъ особенностей, православной вѣры, церковно-славянскаго и малорусскаго языковъ, признанія за личностью крестьянина права на самостоятельность и свободу. «Не попы насъ спасутъ, писалъ онъ южнорусскому народу, не владыки, не митрополиты, но вѣры таинство нашей православной, храненіе заповѣдей Божіихъ». Предлагая православнымъ издать «Соборникъ» и предвидя со стороны послѣднихъ замѣчаніе о недостаткѣ средствъ, Іоаннъ совершенно ясно высказываетъ свой идеалъ общественнаго единенія для достиженія цѣлей образованія и гуманизма: «На тое вамъ отповѣмъ добрый способъ еврейскаго разума: общій слогъ въ карванъ [1]), кто вдовица нищетою двѣ лепты, шелюгъ, полгроша, а кто доволнѣйшій или панъ — золотый, десять, а наветь и сто за общую пользу и за свое спасеніе; ничто же дорожшее нѣтъ отъ душа, и въ то бы тое дѣло быти могло». Въ Іоаннѣ Вышенскомъ подъ скромной монашеской рясой, подъ «страшиломъ клобукомъ», въ «невытертыхъ черевичищахъ» скрывался вели-

[1]) Корвана — церковное казнохранилище въ древнемъ іерусалимскомъ храмѣ. — Н. С.

кій гражданинъ южнорусской страны. Это былъ человѣкъ, который многое отрицалъ, но и многое могъ создать; его духовно-творческія стремленія основывались на народныхъ идеалахъ, сливаясь съ стремленіями и пожеланіями южнорусскихъ горожанъ и крестьянъ. Іоаннъ Вышенскій до нѣкоторой степени напоминаетъ Пушкинскаго пророка. Томимый духовной жаждой, онъ удалился въ Аѳонскія пустыни; здѣсь явился къ нему шестикрылый Серафимъ—любовь къ угнетенной, обманутой, осмѣянной родинѣ,—вынулъ изъ его груди трепетное сердце и вложилъ въ нее уголь, пылающій огнемъ гнѣва и негодованія, открылъ ему зѣницы и обратилъ его вниманіе на всѣ современныя ему явленія южнорусской жизни, хорошія и дурныя, радостныя и печальныя, и бѣдный, малообразованный малороссіянинъ — аѳонитъ сразу прозрѣлъ въ глубину южно-русской жизни, увидѣлъ тайные ходы латино-уніатскихъ гадъ, замѣтилъ прозябаніе хлопа, и пошелъ на родину жечь сердца людей своимъ горячимъ, одухотвореннымъ словомъ. Можетъ быть, онъ, какъ Лермонтовскій пророкъ, былъ угрюмъ, худъ, блѣденъ, нагъ и бѣденъ; навѣрно, латино-уніатскіе владыки и попы презирали его; при всемъ томъ онъ посильно выполнилъ святой завѣтъ, который высшая сила влагаетъ въ сердце каждому человѣку,—завѣтъ «провозглашать любви и правды чистыя ученья».

Въ заключеніе намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о полемическомъ тонѣ и о языкѣ Іоанна Вышенскаго. Многочисленныя извлеченія изъ его Посланій и Зачапки, сдѣланныя нами, даютъ намъ уже достаточно полное представленіе о рѣзкости и суровости полемическаго тона. Любопытнѣе всего то, что самъ авторъ Посланій сознавалъ эти особенности своей полемики; онъ оправдывалъ ихъ такимъ образомъ: «А если-бы зась хто... на мене отъ зависти потваръ сложити хотѣлъ, мовячи, яко доразливе и ущипливе въ томъ писаню мовитъ, на тое вамъ такъ отповѣмъ: научился отъ Христа истины безъ похлѣбства ложъ лжею, волка волкомъ, злодѣя злодѣемъ, разбойника разбойникомъ, дьявола дьяволомъ звати». Рѣзкость и суровость полемическаго тона выкупалась у него силой и искренностью, что выразилось, между прочимъ, въ слогѣ и языкѣ. Фраза Іоанна Вышенскаго не длинна и не коротка, послѣдовательно разчленена на части, льется плавно, постепенно переходитъ съ одной степени усиленія на другую высшую степень и

удачно замыкается немногими сильными и выразительными словами. Скрытая въ ней сила авторскаго одушевленія тѣмъ выражается, что слова иногда начинаютъ риѳмоваться, напримѣръ: «Запевне вѣдайте, нехай васъ тое гордое дмухане и пышное фукане и широкословное блекотане, грозное розсказанье и толстое отрыганье того вашего выкрикання, яко мы прелюбодѣйчищами быти бы мѣли отъ своей вѣры, не упевнясть». Сила рѣчи обнаруживается въ сравненіяхъ, эпитетахъ и иносказательныхъ выраженіяхъ; таковы выраженія: «дождевидное пролитіе мечтательнаго мниманія (т. е. мнѣнія)»; «трупъ гласа папежскаго невѣрія, нагло здохлый»; «къ курвѣ римской на блудъ убѣгать» (переходъ въ унію); четверо-рогатые Іисусоругатели (іезуиты). Разрѣшеніе вопроса—развязываніе узелка; разсмотрѣть прошлое—отвалить надгробный камень; нападеніе православнаго на католицизмъ—налетъ шершня на паутину; переходъ въ унію—лакомство на пироги. Сила рѣчи достигается, между прочимъ, употребленіемъ сложныхъ словъ: «аеровымыслный, скачомудрецъ, грошовладатель, богочревци, мясочревохотный, безхристоприходный, писародрачи», сопоставленіемъ синонимовъ: «буяетъ, хвалится, возносится, щедруетъ» и т. п., изрѣдка употребленіемъ глаголовъ, произведенныхъ отъ именъ существительныхъ: «кожемякать, сидѣльникать». Переводъ словъ довольно рѣдко встрѣчается: «студня или источникъ», «паздѣря или паутина», «уфундувати или основати», «дигнитарство или преложонство». Такой переводъ очевидно истекалъ изъ желанія Вышенскаго сдѣлать свои Посланія доступными для всѣхъ грамотныхъ людей южной Россіи. Лексиконъ Іоанна Вышенскаго—церковно-славянскій, съ значительной примѣсью народныхъ малорусскихъ и польскихъ словъ. Большинство малорусскихъ словъ Іоанна Вышенскаго встрѣчается и нынѣ въ Малороссіи повсемѣстно, напримѣръ: мусить, пожитокъ, заховать, никчемный, омылка, скарбъ, подбгаты (подъ себя подвернуть въ борьбѣ), тесля, бридкій,—все слова хорошо извѣстныя. Въ Посланіяхъ и Зачанкѣ находится нѣсколько любопытныхъ въ историко-культурномъ отношеніи словъ, требующихъ объясненія, напримѣръ: «кучка» въ значеніи дома, «хлопы простые въ своихъ кучкахъ и домкахъ сидятъ» (стр. 242); нынѣ малорусская куча, кучка употребляются въ значеніи клѣти для куръ подъ печкой или подъ постельнымъ поломъ (см. Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ. II. 140); въ сербск. кутя—домъ; «алтемба-

совый коценякъ»—свита или кафтанъ изъ дорогой матеріи, украшенный золотомъ; оба слова турецкаго происхожденія; alten-bazz—золотая матерія, Goldleinwand; кобенякъ, коренекъ—плащъ (Miklosich, Denkschrift, d. kais. Akad. d. Wissensch. in Wien 1884. XXXIV, XXXV); «златоглавая делія»—епанча изъ золотистой матеріи; «шкута и комяга утробная»—въ польскомъ языкѣ *szkuta*—барка, *komaga*—водоходное большое судно, «кермаши пирожные»—подарки, отъ польск. *kiermasz*, храмовый праздникъ, ярмарка, пиръ; «гмахъ конюшовный»—большой хорошо убранный домъ. Къ числу темныхъ, малопонятныхъ для малороссіянина польскихъ словъ въ Посланіяхъ и Зачапкѣ относятся: выналѣзокъ (изобрѣтеніе, открытіе), прагненіе (жажда), паздѣри (паутина), сакъ (мѣшокъ, сума), саколюбецъ (корыстолюбивый), статечность (постоянство, вѣрность), змаза (пятно), злюзнить (клеветать, хулить), стлумить (укротить, унять), окгарь (ogier, жереб[illegible]ъ), выжла (лягавый щенокъ), хортъ (chart, борзая собака), блазна [illegible] (стойло, хлѣвъ), кундысъ (дворовая собака), бадавія [illegible]), валахъ (меринъ,—встрѣчается и въ малорусскомъ [illegible] прочимъ въ фамильныхъ названіяхъ), дрыкгантъ (мерзавецъ), лектыкъ (носилки), шафаръ (ключникъ, экономъ), уфане (упованіе), встеклый (бѣшеный), хелпить (гордиться), отуха (бодрость, мужество), кукгловать (кривляться, шалить). Внимательный разборъ лексической стороны Посланій и Зачапки Іоанна Вышенскаго можетъ послужить предметомъ особаго, строго филологическаго изслѣдованія. Такого рода изслѣдованіе представитъ тѣмъ большій интересъ, если въ него войдутъ всѣ южнорусскіе литературные памятники конца XVI и начала XVII столѣтій, включительно съ «словено-россійскимъ лексикономъ». Намъ Берынды, который при подобнаго рода филологическомъ трудѣ, разумѣется, долженъ играть видную роль и занять въ изслѣдованіи первое и главное мѣсто.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) [1]).

XIII.

Будучи противниками поляковъ и турокъ, козаки въ тоже время являются поводомъ къ враждебнымъ столкновеніямъ между этими двумя народами.

Если-бы не козаки на Украйнѣ, Польша была-бы безопасна со стороны турокъ, говорили поляки.

Если-бы не козаки, разсуждали турки въ свою очередь, Турціи не нужно было-бы заботиться о защитѣ своихъ придн'ѣстровскихъ колоній и береговъ Черпаго моря, она могла-бы всѣ свои усилія обратить на завоеваніе христіанскаго міра. Тогда могъ-бы создаться калифатъ, достойный пророка, всѣ короли платили-бы султану дань.. и въ то время, какъ вся Европа дрожала передъ турками, одни только козаки осмѣливались мечтать объ уничтоженіи гидры, засѣвшей въ Цареградѣ. Неустрашимость ихъ передъ турками выражается и въ пѣсняхъ, напримѣръ:

Та вже шабли поржавилы,
Мушкеты безъ куркивъ,
А ще серце козацькее
Не боиться туркивъ.

Побуждаемые угрозами султана, поляки пытались силою удержать козаковъ отъ походовъ на Черное море, и выстроили крѣпость у днѣпровскихъ пороговъ, но всѣ эти мѣры только раздражали

[1]) См. мартовск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 437—464.

козаковъ. Неудивительно, что въ Польшѣ шли оживленные споры о мѣрахъ, какія должно принять противъ нихъ, такъ какъ организація, подобная козачеству, не могла быть терпима въ краѣ, гдѣ господствовали паны.

Шляхта роптала на произволъ козаковъ, а о своемъ собственномъ не хотѣла и слышать; войны турецкія приписывала козацкимъ набѣгамъ, а не вспоминала о своихъ походахъ на Молдавію и на Москву. Шляхтѣ все было дозволено, особенно въ мирное время. Такъ во время мира съ Турціей паны Потоцкій, Корецкій и Вишневецкій доставили своему родственнику Могилѣ молдавскій престолъ и тѣмъ самымъ вызвали турецкую войну. Съ Москвою также былъ миръ въ то время, какъ Мнишекъ велъ своего зятя, самозванца Димитрія на московскій престолъ. Итакъ, не одно простое южно-русское козачество создавало затрудненія польскимъ королямъ: кромѣ козаковъ на Запорожьи и на Украйнѣ, были въ Польшѣ и сильноможные козаки, какъ Потоцкіе, Корецкіе, Мнишки, Вишневецкіе и др., предпринимавшіе въ мирное время походы противъ сосѣднихъ государствъ на собственныя средства.

Для усмиренія козаковъ правительство назначило коммисію, которая собралась надъ рѣчкой Раставицей, ниже Паволочи, гдѣ стояло королевское войско. Коммисія поставила такія требованія: «козаки пообѣщаютъ и присягнутъ на томъ, что не только сами не станутъ тревожить султанскихъ владѣній, но и другимъ этого не дозволятъ и уничтожатъ свои морскія лодки. Отъ козаковъ не должны терпѣть вражды жители королевскихъ, церковныхъ и панскихъ имѣній, и изъ козацкихъ реестровъ будутъ исключены ремесленники, купцы, шинкари, войты, бурмистры, рѣзники, портные и т. п.; они должны подчиниться старостамъ, «державцамъ» и панамъ, на землѣ которыхъ живутъ. Кто не захочетъ остаться крѣпостнымъ у пана, долженъ удалиться изъ его имѣнія ко дню св. Иліи 1620 г.». Само собою разумѣется, что принятыя украинскими козаками условія не имѣли силы на Запорожьи; реестровые козаки избрали своимъ гетманомъ Бородавку, вслѣдствіе давленія со стороны поляковъ, которымъ желательно было сдѣлать противовѣсъ власти Сагайдачнаго.

Новая война съ Турціей дала возможность козакамъ возобновить ихъ морскіе походы; они опустошили побережье европейской Турціи и взяли богатый городъ Варну.

Въ 1621 г. посланъ былъ противъ турокъ коронный гетманъ Ходкевичъ, но силы его были слишкомъ ничтожны сравнительно съ турецкими; едва удалось собрать до 30,000 войска, да и тѣ бунтовались и расходились частью отъ страха, частью вслѣдствіе неуплаты жалованья и совсѣмъ разбѣжались-бы изъ лагеря, если-бы правительство не обратилось къ козакамъ для спасенія государства. Явившись съ 30,000 запорожцевъ, Сагайдачный удвоилъ силы Ходкевича, избавилъ поляковъ отъ страха и, благодаря ему, подъ Хотиномъ сломаны были турецкія силы. Но Сагайдачный былъ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ. Между тѣмъ заключенъ миръ съ турками, при чемъ поляки обязались усмирить козаковъ въ награду за оказанную ими помощь; между прочимъ козакамъ строго воспрещалось отправляться на море и безпокоить татаръ и турокъ.

Но помимо мѣръ, принимаемыхъ противъ козачества, еще большія притѣсненія терпѣлъ весь южно-русскій народъ въ религіозномъ отношеніи. Со времени введенія уніи, принятой кіевскимъ митрополитомъ, православные до 1620 г. не получали себѣ отдѣльнаго митрополита, не стало также и епископовъ и некому было рукополагать священниковъ; но въ 1620 г. случилось важное событіе, удержавшее быстрые успѣхи полонизаціи. Проѣзжалъ въ Москву черезъ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ. По просьбѣ гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго и представителей русской шляхты, патріархъ рукоположилъ имъ православнаго митрополита Іова Борецкаго и епископовъ въ Полоцкъ, Луцкъ, Владиміръ-Волынскій, Перемышль, Холмъ и Пинскъ. Такимъ образомъ въ каждой изъ этихъ епархій являются по два епископа, православный и уніатскій.

Возстановленіе православной іерархіи было тяжкимъ ударомъ польской пропагандѣ, для которой главнымъ условіемъ успѣха было именно отсутствіе православнаго духовенства. Разумѣется, такое нарушеніе королевскихъ привиллегій было очень смѣлымъ поступкомъ, но это была реакція, вызванная введеніемъ уніи. Король Сигизмундъ и всѣ ревностные католики были сильно раздражены этимъ фактомъ. Видя свои планы парализованными, король по

жалобамъ уніатскихъ епископовъ объявилъ новопосвященныхъ православныхъ іерарховъ самозванцами и отступниками; правительство требовало ихъ ареста и смертной казни, но король все таки принужденъ былъ терпѣть возстановленіе іерархическаго строя русской церкви, уступая ходатайству русскихъ пановъ и въ особенности требованіямъ гетмана Сагайдачнаго, пока нуждался въ козацкой помощи. Такъ Сагайдачному удалось склонить козаковъ къ участію въ хотинскомъ походѣ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы правительство утвердило митрополита Борецкаго и православныхъ епископовъ въ ихъ епархіяхъ.

Козаки ненавидѣли поляковъ также, какъ и крестьяне, но они понимали, что самоуправленіе ихъ зависитъ отъ ихъ собственной силы, а не отъ милости пановъ. Легко понять ненависть къ полякамъ крестьянъ—потомковъ тѣхъ козаковъ, которые сложили головы подъ Лубнами, но Сагайдачный умѣлъ примирять самыхъ непокорныхъ; политика его вполнѣ соотвѣтствовала современному положенію вещей.

Украйна лежала между двухъ враждебныхъ силъ; между тѣмъ какъ Польша стремилась къ моральному уничтоженію Руси, татары разоряли ее матеріально. Вести борьбу съ обоими врагами одновременно не было возможности, и Сагайдачному приходилось раздумывать, съ кѣмъ воевать раньше. Война съ невѣрными, у которыхъ томились въ неволѣ христіанскіе плѣнники, поминутно ожидая освобожденія отъ своихъ братьевъ, была главнымъ призваніемъ козаковъ; въ эту сторону имъ нужно было направить всѣ свои силы, по отношенію-же къ полякамъ слѣдовало сохранять оборонительное положеніе. Заслуга козачества для Руси состояла въ противодѣйствіи двумъ враждебнымъ силамъ, и Сагайдачный понялъ эту задачу. Онъ избѣгалъ вооруженныхъ столкновеній съ поляками, зная хорошо ихъ обычай—фактически отмѣнять то, что еще вчера было подтверждено юридически. Поэтому его мало занималъ вопросъ о количествѣ вписанныхъ въ реестръ козаковъ, такъ какъ и не вписанные отъ этого не страдали, и дѣйствительно всякій, бравшійся за оружіе, становился козакомъ. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ нѣсколько фактовъ: на сеймѣ варшавскомъ 1616 г. поляки даютъ торжественное обѣщаніе туркамъ усмирить козаковъ; въ слѣдующемъ году повторяютъ тоже обѣщаніе надъ Днѣстромъ, а

въ 1618 г. обращаются къ козакамъ съ просьбою избавить отъ опасности московскаго плѣна королевича Владислава съ остатками польскаго войска; тоже повторилось въ 1621 г. и т. д.

При Сагайдачномъ поляки считаются уже съ козачествомъ, какъ съ силой и, пока нуждаются въ ней, до тѣхъ поръ Украйна пользуется отъ нихъ нѣкоторымъ спокойствіемъ, но едва миновала опасность, какъ о заслугахъ козаковъ тотчасъ забываютъ; паны по прежнему настаиваютъ на постановленіяхъ раставицкой коммисіи и предлагаютъ козакамъ, недовольнымъ мѣстными порядками, уходить, куда захотятъ. Поэтому народъ съ давнихъ поръ направлялся въ степи и, чтобы не погибнуть, шелъ туда, гдѣ не было произвола человѣка надъ человѣкомъ, и куда сверхъ того привлекала добыча на счетъ невѣрныхъ. Но мало по малу эти выходцы очутились между поляками съ одной стороны и татарами съ другой. Куда-же теперь идти? развѣ изъ польской неволи попасть въ татарскую или турецкую. Оставалось на выборъ—или подчиниться польскому праву, или защищать до послѣдней капли крови древне-русское общинное право. Уже въ другихъ русскихъ областяхъ шляхта овладѣла и землею, и крестьянами и подавила своими законами общинное право, поэтому не хотѣлось ей оставить и Украйну съ ея прежнимъ внутреннимъ строемъ. Но паны не предвидѣли, сколько крови должно пролиться вслѣдствіе ихъ домогательствъ.

Казалось-бы по справедливости, что за помощь въ войнахъ: шведской, московской и турецкой козаки заслужили отъ короля если не благодарность, то по крайней мѣрѣ право гражданства для своей вѣры и народности. Но не смотря на все это, Сигизмундъ III рѣшается искоренить въ предѣлахъ своего государства и православную вѣру, и ея защитниковъ козаковъ. Напрасно самъ королевичъ Владиславъ заступался за угнетаемыхъ козаковъ, Сигизмундъ не обратилъ вниманія на его ходатайство.—Наконецъ въ 1625 г. козаки отправляютъ депутацію на сеймъ для предъявленія своихъ требованій: 1) обезпечить свободу православной вѣры; 2) возвратить церкви и церковныя имѣнія, отданныя уніатамъ; 3) признать законнымъ поставленное іерусалимскимъ патріархомъ духовенство; 4) дозволить козакамъ жить въ коронныхъ и панскихъ имѣніяхъ кіевскаго воеводства; 5) разрѣшить имъ собственный судъ, право завѣщать свое имущество и т. д. Сверхъ того, къ этимъ пунктамъ присоеди-

пенъ былъ меморіалъ, перечислявшій всѣ обиды, какія терпѣли православные въ предѣлахъ Литвы и Короны.

Впрочемъ козаки не ограничивались одной юридической защитой своей вѣры; приходилось имъ отстаивать свои права и другимъ путемъ. Такъ напримѣръ, козаки убили кіевскаго войта Ходыку за то, что тотъ запечатывалъ православныя церкви. Въ то-же время, по совѣту митрополита Іова Борецкаго, отправлено было къ московскому царю посольство съ просьбой—принять козаковъ подъ свое покровительство; во главѣ посольства стоялъ луцкій православный епископъ Исаакій Борисковичъ.

Этого не могло спокойно перенести польское правительство, и гетманъ Конецпольскій получилъ приказъ усмирить козаковъ вооруженной силой. Потерпѣвъ пораженіе при Куруковскомъ озерѣ, козаки, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, обѣщали покориться. Заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго число козацкаго войска сводилось до 6,000; изъ нихъ тысяча человѣкъ должны были поочередно находиться за порогами, чтобы препятствовать переправамъ непріятеля. Строго запрещалось ходить на море, или какимъ-бы то ни было образомъ нарушать миръ съ Турціею и Крымомъ; всѣ чайки должны быть сожжены. Не вошедшіе въ реестръ козаки должны подчиниться старостамъ или панамъ.—Въ такомъ смыслѣ заключенъ въ 1625 г. договоръ на урочищѣ «Медвѣжьи лозы» при Куруковскомъ озерѣ, и козаки присягнули на этихъ статьяхъ.

Нуждаясь прежде въ военныхъ силахъ, польское правительство при Сагайдачномъ допускало и большее количество козаковъ сравнительно съ установленнымъ реестромъ; теперь-же куруковская комиссія большинство изъ нихъ обращаетъ въ крѣпостныхъ. Съ этого времени является названіе *выписчиковъ*, т. е. козаковъ, выписанныхъ изъ реестра. Выписчики избрали себѣ особаго гетмана Тараса Трясила въ 1627 г.

Послѣ пораженія, понесеннаго козаками при Куруковскомъ озерѣ, усиливается притѣсненіе православной вѣры, церкви русскія остаются въ пренебреженіи, въ городахъ увеличивается число религіозныхъ процессовъ, православные подвергаются арестамъ и т. д. Таково было положеніе дѣлъ, когда польскія войска расположились на постой на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ никогда еще не квартировали до того времени. Отсюда среди народонаселенія распро-

странился слухъ, будто польскіе солдаты присланы для искорененія православной вѣры и истребленія южно-русскаго народа; а пьяные солдаты, изъ ненависти къ схизматикамъ, съ своей стороны похвалялись уничтожить всѣхъ украинцевъ до самой московской границы.

Тогда гетманъ Тарасъ, выйдя изъ Запорожья, издалъ универсалъ, которымъ народъ украинскій призывался къ возстанію противъ поляковъ, и объявлялось, что всѣ желающіе могутъ поступать въ козаки; въ то-же время онъ отправилъ посольство къ коронному гетману съ требованіемъ, чтобы польскія войска не квартировали на Украйнѣ восточнѣе Бѣлой-Церкви и чтобы отмѣнены были куруковскія статьи.

Между тѣмъ распространившіяся въ народѣ опасенія вполнѣ подтвердилъ своими поступками коронный стражникъ Самуилъ Лянцъ. На первый день Пасхи 1630 г. панъ этотъ вырѣзалъ поголовно все населеніе мѣстечка Лысянки безъ различія пола и возраста; жители искали спасенія въ церкви, но солдаты ворвались туда и всѣхъ истребили. Другой его отрядъ вырѣзалъ всѣхъ жителей мѣстечка Дымера. Понятно, что народъ убѣгалъ къ Тарасу, вокругъ котораго вскорѣ собралось нѣсколько десятковъ тысячъ душъ, но войско это было не обучено и не вооружено.

Мы уже видѣли причины, усиливавшія составъ козацкаго войска; теперь-же къ прежнимъ контингентамъ прибавился еще одинъ. Принужденіе мѣщанъ къ принятію уніи, лишеніе ихъ магистратскихъ должностей, наказанія за сопротивленіе при опечатываніи церквей и отбираніи церковныхъ имуществъ и т. д.,—все это увеличивало количество бѣглецовъ.

Въ Переяславѣ сошлись всѣ козацкія силы, туда-же направился и Конецпольскій. Исходъ этой войны описываютъ различно, но свидѣтельства историковъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ сходятся въ одномъ, что Конецпольскій потерялъ подъ Переяславомъ больше войска, чѣмъ стоила ему трехлѣтняя шведская война. Наконецъ гетманъ Тарасъ попалъ въ руки поляковъ и былъ казненъ; это подтверждается и свидѣтельствомъ посла Пясочинскаго, извѣщавшаго Порту о томъ, что гетманъ козацкій и его старшина наказаны смертью.

Сигизмундъ III тѣшился мыслью, что ему удалось наконецъ обратить южно-руссовъ въ унію и католичество, и не замѣчалъ

въ своемъ ослѣпленіи, что навсегда разрознилъ своихъ подданныхъ, поселивши въ нихъ ненависть другъ къ другу по религіознымъ вопросамъ, ослабилъ Польшу путемъ пониженія культуры и приготовилъ могилу для государства, котораго онъ былъ королемъ. Внутреннее разстройство Польши при Сигизмундѣ III въ первый разъ породило мысль о раздѣлѣ этого государства. Молдавскій господарь Михаилъ, поддерживаемый австрійцами и турками, подумывалъ уже о раздѣлѣ Польши, основываясь на ненависти малорусскаго народа къ брестской уніи. А между тѣмъ король не обращалъ вниманія на разстройство государственнаго организма, онъ всецѣло занятъ былъ диссидентами. Если признать, что упадокъ Польши начинается со времени Сигизмунда III, то спрашивается, чѣмъ-же вызвалъ его этотъ король? Исторія отвѣчаетъ: внелъ унію.

XIV.

Смерть Сигизмунда III, случившаяся въ 1632 г., оживила подавленныя надежды русскаго народа. На провинціальный сеймъ въ Луцкъ съѣхались около двухсотъ волынскихъ дворянъ и главнымъ предметомъ ихъ совѣщаній была православная вѣра. Остальные православные паны собрались въ Варшавѣ вокругъ Петра Могилы, явившагося въ качествѣ уполномоченнаго отъ митрополита Исаіи Копинскаго, и пытались юридическимъ путемъ принудить правительство къ возвращенію всѣхъ прежнихъ правъ и гарантій для православной церкви.

Главными дѣятелями православной партіи были въ то время: Адамъ Кисель, Лаврентій Древинскій и Воронячъ. Они требовали уничтоженія всѣхъ предписаній, изданныхъ съ 1596 г. и направленныхъ въ пользу уніатамъ и во вредъ православнымъ, которыми не только стѣснялась свобода совѣсти, но и запрещалось православнымъ строить церкви, занимать магистратскія должности и т. п. Требовали полной свободы совѣсти какъ въ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ и королевскихъ имѣніяхъ не только для лицъ, удержавшихся въ православіи, но и для тѣхъ, которые пожелали-бы оставить унію и возвратиться къ прежней вѣрѣ. Далѣе требовали права основывать школы и типографіи, права свободно издавать и читать книги, не содержащія въ себѣ ничего противъ короля и Рѣчи Поспо-

литой, чтобы никто изъ-за этихъ причинъ не привлекался ни къ духовному, ни къ свѣтскому суду, а чтобы, напротивъ, подвергался отвѣтственности каждый, кто причинитъ насиліе церкви, или будетъ препятствовать собраніямъ православныхъ. Требовали также, чтобы признано было законнымъ посвященіе кіевскаго митрополита патріархомъ, чтобы всѣ епархіи, коллегіи, типографіи и госпитали вмѣстѣ съ фундушами, назначенными для ихъ содержанія и захваченными уніатами, были возвращены православнымъ, чтобы всѣ опечатанныя церкви были открыты для православнаго богослуженія, а паны католики разрѣшили-бы своимъ православнымъ подданнымъ строить церкви въ ихъ имѣніяхъ. Наконецъ требовали, чтобы русскимъ духовнымъ властямъ возвращены были всѣ захваченные уніатами церковные акты и метрики, чтобы на будущее время всѣ спорныя дѣла между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ разбирались не въ Римѣ, а смѣшаннымъ судомъ въ мѣстныхъ трибуналахъ, чтобы въ своихъ занятіяхъ православные купцы и ремесленники пользовались равными правами съ католиками, наконецъ, чтобы шляхта православная не устранялась отъ должностей за свое вѣроисповѣданіе. Всѣ эти условія, по требованію православной партіи, должны быть внесены въ королевскую присягу.

Того-же самаго требовали для себя и лица другихъ вѣроисповѣданій.

Послѣ долгихъ безплодныхъ споровъ православные съ диссидентами обратились къ посредничеству Владислава и, благодаря его вліянію, проэктировано было соглашеніе между уніатами и православными на слѣдующихъ условіяхъ: православнымъ возвращены будутъ кіевская митрополія со всѣми церквями и монастырями, за исключеніемъ Софійскаго собора и Выдубецкаго монастыря, львовская епархія со всѣми церквями и монастырями, не принявшими уніи, епархіи луцкая и перемышльская, когда сдѣлаются вакантными, архимандріи печерская и жидичинская, въ Литвѣ епархіи пинская и мстиславская, и вездѣ объявлена будетъ свобода богослуженія; останутся неприкосновенными братства, школы, семинаріи и госпитали съ правомъ открывать новые, а не-униты будутъ допущены къ занятію общественныхъ должностей въ городахъ; наконецъ прекращены будутъ всѣ религіозные процессы, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священникъ принялъ

унію, а прихожане не пожелаютъ къ ней пристать, церковь должна быть отдана прихожанамъ.

Впрочемъ, ни католики, ни православные не удовлетворились такими уступками; послѣднимъ хотѣлось, чтобы этотъ компромиссъ послужилъ только основаніемъ для дальнѣйшихъ уступокъ въ будущемъ.

На избирательномъ сеймѣ явились также послы отъ козаковъ, которые съ своей стороны жаловались какъ на притѣсненіе своей вѣры, такъ и на сокращеніе своихъ правъ. «Всѣмъ извѣстно, какія тяжкія обиды переносили мы въ царствованіе покойнаго короля. Въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ мы на каждомъ сеймѣ просили со слезами о неприкосновенности нашей древней церкви, но насъ постоянно обманываютъ, откладывая рѣшеніе этого вопроса отъ сейма до сейма, до настоящаго времени. Паны украинскіе не желаютъ терпѣть козаковъ въ своихъ имѣніяхъ, и въ тоже время не даютъ намъ возможности удалиться, запрещая своимъ подданнымъ покупать наши дома и имущества, и т. д.».

Требуя полнаго уничтоженія уніи и терпимости для православныхъ, козаки обѣщаютъ, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ, не жалѣть жизни для защиты отечества. Итакъ не православіе, а религіозная нетерпимость навлекла на Польшу грозныя опасности.

На избирательномъ сеймѣ опять возобновился религіозный споръ и когда православные депутаты отказались заняться другими вопросами, пока ихъ дѣло не будетъ покончено, рѣшено было, чтобы обѣ стороны избрали не заинтересованное лице для третейскаго суда. Такимъ третьимъ лицемъ могъ быть одинъ королевичъ Владиславъ, кандидатъ на престолъ. Къ нему и обратились депутаты обѣихъ сторонъ; по просьбѣ ихъ Владиславъ согласился принять роль полюбовнаго судьи и пригласилъ къ участію въ этомъ дѣлѣ двухъ сенаторовъ и четырехъ пословъ. Судьи признали справедливыми уступки, означенныя въ меморіалѣ конвокаціоннаго сейма, и рѣшеніе ихъ утверждено избирательнымъ сеймомъ.

Послѣ избранія его королемъ, Владиславъ выдалъ православнымъ грамоту, въ которой ясно опредѣлялась данная православной церкви свобода. Каждому дозволялось переходить въ унію, или изъ уніи въ православіе; православнымъ предоставлено право избранія

епископовъ и митрополита, послѣдній долженъ получать посвященіе отъ константинопольскаго патріарха; луцкая епархія должна быть отдана немедленно, а перемышльская и львовская послѣ ихъ освобожденія; въ Литвѣ должны быть учреждены епархіи мстиславская, оршанская и могилевская; всѣ религіозные процессы прекращены, и наконецъ кромѣ всѣхъ уступокъ, означенныхъ въ меморіалѣ, кіевскому митрополиту возвращенъ и Софійскій соборъ. Уніатскому митрополиту предоставлена была власть только надъ уніатами и для его жительства назначенъ Выдубицкій монастырь. Послѣ всѣхъ этихъ компромиссовъ обѣ стороны обязаны были жить въ мирѣ и согласіи.

Новый король благосклонно относился къ козакамъ, помня ихъ услуги въ московскихъ походахъ и нуждаясь въ ихъ помощи для новой войны съ русскими, уже осадившими Смоленскъ.

Однако доброе расположеніе короля не могло защитить козаковъ отъ ненависти шляхты, которая усматривала въ нихъ элементъ, опасный для государства.

Какъ мы уже видѣли, взгляды и стремленія шляхты и козаковъ были діаметрально противоположны между собою. Шляхта считала землю своею исключительно собственностью и не могла понять своего существованія иначе, какъ съ подданными, съ панщиной и другими видами неволи. Напротивъ козаки, а за ними и весь народъ, признавали землю собственностью того, кто первый запялъ ее для обработки. Находясь подъ властью козаковъ, народъ платилъ только подать въ войсковую казну, былъ вполнѣ свободнымъ и не испытывалъ никакихъ препятствій въ своихъ земледѣльческихъ занятіяхъ.

Хотя Владиславъ и уравнялъ въ правахъ православныхъ съ уніатами, но тѣмъ не менѣе свобода греко-восточной вѣры должна была остаться только на бумагѣ, такъ какъ на сторонѣ уніатовъ было почти все дворянство въ краѣ, между тѣмъ какъ за православіе стояла только небольшая часть шляхты и козаки, т. е. именно та часть народа, которая силилась только вырваться изъ неволи. Сверхъ того, такъ какъ сеймъ постановилъ одни церкви отдать православнымъ, другія уніатамъ, то потребовалась особая коммисія для выполненія этого дѣла; вмѣстѣ съ вопросомъ о церквахъ шелъ вопросъ о церковныхъ имуществахъ, приводившій къ спорамъ, въ

которыхъ одерживала верхъ та сторона, за которую стояло большинство шляхты.

Въ послѣдній день коронаціоннаго сейма была прочитана грамота въ пользу православныхъ; католики приняли ее съ большимъ раздраженіемъ.

И такъ примирительные пункты сейма и грамота короля Владислава IV, выданная русскому народу, не примирили религіозныхъ раздоровъ и не прекратили преслѣдованія православной вѣры, такъ какъ въ государственномъ организмѣ Польши укоренилась иноземная, чуждая государственнымъ интересамъ, власть, которая стремилась наложить оковы на разумъ и совѣсть народа. Представителями этой власти было католическое духовенство и въ особенности іезуиты.

Едва изданы были вышеуказанные примирительные пункты, какъ тотчасъ поднялись протесты отъ всего католическаго и уніатскаго духовенства. Примасъ королевства, а вслѣдъ за нимъ и вся клерикальная партія заявили, что никакія постановленія короля и сейма, направленныя въ пользу православныхъ, не могутъ имѣть законной силы до тѣхъ поръ, пока не получатъ утвержденія отъ папскаго престола. Вслѣдъ затѣмъ отъ лица католическаго и уніатскаго духовенства послана была депутація къ папѣ Урбану VIII съ жалобою на распоряженія польскаго правительства, «нарушавшія права римскаго костела въ пользу еретиковъ и отступниковъ».

Владиславъ IV, ясно сознававшій, что интересы церкви не сходятся съ государственными интересами, которые въ свою очередь подвергаются опасности, напрасно старался убѣдить намѣстника св. Петра въ томъ, что возвращеніе русскому народу его религіозныхъ правъ основано на строгой справедливости, что въ противномъ случаѣ неизбѣжно должна вспыхнуть междоусобная война, и что наконецъ самое дѣло объединенія церквей подвергается опасности, если папа не утвердитъ пунктовъ, поставленныхъ сеймомъ для прекращенія религіозныхъ раздоровъ.

Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи de propaganda fidei, которая отвергла какъ сеймовыя постановленія въ пользу православной вѣры, такъ и королевскую грамоту къ русскому народу, объявивши ихъ противными всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ. Такъ были парализованы спасительныя для

Польши попытки Владислава IV, и унія, какъ и предсказывалъ этотъ король, римской политикой обрекалась на погибель, что вполнѣ подтверждалось дальнѣйшими событіями. Въ то-же время папскому нунцію въ Польшѣ предписывалось издать отъ имени апостольской столицы манифестъ, уничтожающій всѣ права, какія-бы ни были предоставлены православной церкви.

Вотъ почему въ то-же время уніатскій митрополитъ Рутскій получилъ на сеймѣ 1655 г. королевскую грамоту, обезпечивавшую уніатскимъ епископамъ все, что до того времени находилось во владѣніи уніатовъ, и предписывавшую, чтобы схизматики не имѣли ни одной церкви въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогродкѣ.

Со времени введенія уніи и до смерти Владислава IV польское правительство издаетъ 10 конституцій въ пользу греко-восточнаго вѣроисповѣданія, но всѣ онѣ остались безъ послѣдствій 1) потому, что католическое духовенство, ставившее церковь выше государства, не считало себя обязаннымъ подчиняться этимъ предписаніямъ, а 2) и потому, что всѣ конституціи касались одной только шляхты.

Православный панъ могъ, если хотѣлъ, въ своемъ имѣніи или старостве строить церкви и монастыри, покровительствовать духовенству и т. д; но для нетолерантнаго католика всѣ конституціи оставались безсильны, помѣщики по прежнему захватывали церковныя имущества и самыя церкви обращали въ уніатскія; въ городахъ одни католики избирались на магистратскія должности, а во Львовѣ православнымъ запрещено было не только участвовать въ городской радѣ, но даже заниматься торговлею и вписываться въ ремесленные цехи. Львовскій магистратъ не дозволялъ русинамъ ни спокойно жить, ни даже спокойно умирать [1]).

Въ 1634 г. воспитанники іезуитской коллегіи въ Луцкѣ напали на православный монастырь св. Креста, избили монаховъ, преподавателей, учениковъ и нищихъ въ госпиталѣ, разграбили кассу братства, затѣмъ разбивали дома, били хозяевъ и нѣсколько человѣкъ убили на смерть; но, не подвергаясь никакой отвѣтственности, хвастали своими подвигами, называя ихъ дѣломъ богоугоднымъ.

На пространствѣ всей русской территоріи возникло безчисленное множество религіозныхъ процессовъ. Іезуиты подстрекаютъ като-

[1]) Bandtke, t. II, str. 367.

ликовъ и уніатовъ доносить на православныхъ и обвинять ихъ въ оскорбленіи римско-католической вѣры; обжалованныхъ заковывали въ цѣпи и подвергали болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію. Диз униты вынуждены представлять на сеймъ горькія жалобы на то, что законы, изданные при вступленіи Владислава на престолъ, не приводятся въ исполненіе и церковь православная страдаетъ по прежнему. Подобныя жалобы продолжаются до самаго 1648 г., но всегда остаются безъ послѣдствій.

Между тѣмъ какъ религіозный фанатизмъ мало по малу приводилъ государство къ паденію, ненормальность общественныхъ отношеній съ своей стороны неизбѣжно должна была привести къ тому-же результату.

Въ 1635 г. гетманъ Конецпольскій, въ видахъ укрощенія козаковъ, основалъ на низовьяхъ Днѣпра крѣпость Кодакъ. Въ іюлѣ того-же года козаки подъ предводительствомъ Сулимы возвращались изъ морскаго похода; замѣтивъ новую крѣпость, козаки бросились на нее, взяли приступомъ и вырѣзали весь гарнизонъ. Подымалось новое возстаніе.

Подъ знамена Сулимы пришли и реестровые козаки. Посолъ ихъ сказалъ запорожскому войску: «Ляхи хочуть выгубити насъ усихъ до щенту; прыймить насъ до себе, то будемо разомъ боронытысь». Самовольные козаки, не довѣряя реестровымъ, отвѣчали: «заприсягнить намъ, що не маете на думци ничого злого». Реестровые принесли присягу; вооруженный отрядъ ихъ, высланный Конецпольскимъ для прекращенія бунта и превосходившій числомъ войска Сулимы, вошелъ въ окопы. Вскорѣ они арестовали Сулиму съ пятью старшинами и выдали ихъ Конецпольскому, который отослалъ плѣнниковъ въ Варшаву, гдѣ они были казнены по требованію татаръ и турокъ. Послѣ того гетманомъ избранъ Томиленко. Конецпольскій получилъ приказъ размѣстить свое войско на постой въ Украйнѣ; солдаты выказывали въ отношеніяхъ къ народу большую жестокость и произволъ. Козаки съ своей стороны обращались съ жалобами къ королю и требовали уплаты слѣдуемаго имъ жалованья.

Въ это время крымскій ханъ воевалъ съ буджацкими татарами, часто тревожившими Польшу своими набѣгами. При этомъ случаѣ онъ вошелъ въ пріятельскія отношенія съ польскимъ пра-

вительствомъ, которое позволило козакамъ оказать ему помощь. Между тѣмъ какъ отрядъ смѣльчаковъ изъ запорожцевъ и выписчиковъ, подъ предводительствомъ Павлюка, отправился на помощь къ хану, оставшіеся дома послали на сеймъ депутатовъ съ жалобами и съ требованіемъ уплаты. Но и на этотъ разъ на свои жалобы козаки, какъ и всегда, получили неблагопріятный отвѣтъ съ извѣстіемъ, что прислана будетъ коммисія для разслѣдованія дѣла. Коммисія состояла изъ Станислава Потоцкаго и Адама Киселя.

Козаки требовали возврата Корсуня «на гармату», но съ своей стороны не соглашались отдать пушки, захваченныя въ Кіевѣ. Когда-же коммисія не могла успокоить козаковъ, Потоцкій обратился къ нимъ съ энергичною рѣчью: «Напрасно бунтуетесь, панове молодцы; если-бы даже Рѣчь Посполитая нашлась вынужденною обнажить противъ васъ мечъ, она его обнажитъ и изгладитъ самое имя ваше». Такъ аргументировалъ польскій панъ, и свойственное его племени самомнѣніе не позволяло ему допустить и мысли о томъ, чтобы козаки могли подчиниться кому-нибудь другому.

Между тѣмъ Павлюкъ возвратился изъ похода и, узнавъ, что дѣлается на Украйнѣ, сдѣлалъ набѣгъ на Черкасы, забралъ пушки и увезъ на Запорожье и вмѣстѣ съ тѣмъ разослалъ универсалы, въ которыхъ значилось, «что никто, желающій быть козакомъ, не долженъ быть принуждаемъ къ подданству панамъ». Сочувствіе къ Павлюку возрастало и среди реестровыхъ, часть ихъ низложила Томиленка съ уряда и выбрала на его мѣсто Савву Кононовича; Конецпольскій утвердилъ выборы, но утвержденіе уже не застало Кононовича въ живыхъ, такъ какъ Павлюкъ, услыхавъ о переворотѣ, захватилъ Савву и нѣкоторыхъ старшинъ; по козацкому обычаю имъ прочитанъ приговоръ за измѣну ихъ козацкому дѣлу, послѣ чего они были казнены. Та-же самая рада, что судила Кононовича, объявила гетманомъ Павлюка, которому подчинился и Томиленко.

Убѣдившись, что поляки вмѣсто того, чтобы при помощи козаковъ держать турокъ въ повиновеніи, предпочитали покупать данью ихъ дружбу, чтобы имѣть возможность всѣ свои силы обратить противъ козаковъ, Павлюкъ разсылаетъ универсалъ, призывая народъ къ оружію, оставляетъ на Украйнѣ чигиринскаго полковника Скидана, а самъ отправляется на Запорожье собирать силы. Между

тѣмъ Конецпольскій приказалъ польному гетману Николаю Потоцкому стягивать войска, которыя впрочемъ бунтовались, не получая жалованья. Время было весьма удобное для успѣшнаго нападенія на поляковъ и козаки съ нетерпѣніемъ ожидали Павлюка; но онъ напрасно потратилъ время, трактуя съ ханомъ о помощи. Ханъ отказалъ въ содѣйствіи, а между тѣмъ правительство дозналось о планахъ Павлюка.

Рѣшительная битва поляковъ съ козаками произошла подъ Кумейками. Вытѣсненные изъ лагеря, козаки окопались вблизи мѣстечка Боровицы; Потоцкій далъ отдыхъ своему войску, а козакамъ послалъ универсалъ, въ которомъ именемъ короля обѣщалъ прощеніе, если они покорятся и будутъ просить милости. Между тѣмъ въ козацкомъ лагерѣ происходили несогласія. Полковники Скиданъ и Чечуга, видя свое дѣло проиграннымъ, ушли изъ лагеря въ надеждѣ сохранить себя на будущее время. Между тѣмъ появились универсалы Потоцкаго и письмо Киселя; реестровые забунтовались, сваливая всю вину на Павлюка, который подстрекнулъ ихъ, а самъ ушелъ въ Сѣчь и потерялъ удобное время. Нашлись ораторы, говорившіе, что слѣдуетъ выдать Павлюка и тѣмъ загладить свою вину передъ правительствомъ; этихъ послѣднихъ удерживалъ Гуня, распорядительности котораго козаки обязаны были своимъ спасеніемъ подъ Кумейками.

Когда Потоцкій приблизился къ Боровицѣ, реестровые козаки выдали Павлюка, Томиленка и Ивана Злого. Послѣ того имъ приказано было собраться на раду, сюда явились коммисары, вычитали козакамъ ихъ вины, объявили утрату прежнихъ правъ, низложили старшину и назначили новую. Козаки принуждены были дать письменное обязательство, скрѣпленное присягою, въ томъ, что будутъ повиноваться правительству, прекратятъ морскіе походы, сожгутъ лодки и т. д. Грамота эта, подписанная въ числѣ прочихъ и Хмельницкимъ, ставшимъ черезъ десять лѣтъ послѣ того во главѣ козачества и всего русскаго народа, можетъ служить наглядным доказательствомъ того, до какой степени безсильны всевозможные договоры, если они заключаются вопреки естественной логикѣ фактовъ и вопреки законамъ историческаго развитія.

По усмиреніи возстанія, Потоцкій отправился для наказанія крестьянъ въ свое имѣніе Нѣжинъ, гдѣ также подымались волне-

нія; нѣсколько дней продолжалась экзекуція, послѣ чего, проѣзжая черезъ Кіевъ, Потоцкій приказалъ посадить на колъ полковника Кизима съ сыномъ. Павлюкъ, Томиленко и Иванъ Злый съ двумя товарищами въ цѣпяхъ доставлены въ Варшаву и здѣсь казнены, не смотря на усиленное ходатайство Киселя о дарованіи имъ жизни. «Они сдались добровольно, говорилъ онъ; я поручился, что республика оставитъ имъ жизнь; если теперь они будутъ казнены, народъ утратитъ довѣріе какъ къ поручителю, такъ и къ самому правительству». Однако заступничество его не помогло.

Послѣ казни Павлюка сеймъ варшавскій 1638 г. опредѣлилъ уничтожить всѣ права и привиллегіи, какими пользовались еще козаки, ихъ самихъ обратить въ крѣпостныхъ и принудить къ уніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановили овладѣть Запорожьемъ и организовать въ немъ постоянную стражу, которая не допускала-бы скопленія бѣглаго люда для морскихъ походовъ и возмущенія Украйны; что же касается реестровыхъ козаковъ, то имъ хотѣли поручить охрану днѣпровскихъ бродовъ, поставивъ ихъ сперва въ зависимость отъ короннаго гетмана, который долженъ былъ держать ихъ въ повиновеніи посредствомъ назначаемаго имъ самимъ коммисара и т. д.

Коммисары прибыли на Украйну, привели козаковъ къ обычной присягѣ: повиноваться правительству, не ходить на море, не созывать черной рады, никого не принимать въ свои ряды; два полка, чигиринскій и бѣлоцерковскій, подъ начальствомъ полковника Мѣлецкаго, назначеннаго коммисаромъ, отправлены на Запорожье съ предписаніемъ выгнать бѣглецовъ и остаться въ качествѣ пограничной стражи.

Между тѣмъ польскія войска занимаютъ и лѣвый берегъ Днѣпра и безчеловѣчно обращаются съ народомъ: повсюду торчали висѣлицы и колы. Народъ толпами бѣжалъ отъ притѣсненій въ московское государство, гдѣ украинцы получали достаточно земли для поселенія; иные по прежнему уходили въ Сѣчь.

Въ мартѣ 1639 г. полковникъ Мѣлецкій, приблизившись къ границамъ Запорожья, послалъ козацкихъ старшинъ объявить запорожцамъ королевскую милость и потребовать выдачи Скидана, Чечуги и другихъ предводителей, ушедшихъ изъ-подъ Боровицы. Въ отвѣтъ на эти требованія запорожцы арестовали пословъ. Мѣлецкій попробовалъ было употребить въ дѣло оружіе, но вскорѣ убѣдился, что

реестровые козаки весьма неохотно шли противъ своихъ братьевъ, а часть ихъ прямо перешла на сторону запорожцевъ. Въ виду необходимости защиты запорожцы выбрали новаго гетмана, Остряница.

Весною того-же года Остряницъ и Скиданъ вышли въ Украйну: козаки одержали сперва побѣду подъ Голтвой, затѣмъ встрѣтились съ поляками у Жовнина. Послѣ упорной битвы, продолжавшейся цѣлый день, поляки прорвали козацкій таборъ, отняли четыре оруді и множество возовъ съ провіантомъ. Остряницъ съ частью конницы успѣлъ переправиться вплавь черезъ р. Сулу и уйти. Этимъ пораженіемъ оканчивается военная дѣятельность Остряница. Козаки тотчасъ выбрали предводителемъ Гуню и продолжали отстрѣливаться въ лагерѣ, отражая всѣ приступы Вишневецкаго въ надеждѣ вскорѣ получить изъ-за Днѣпра подкрѣпленіе отъ Скидана; но узнавши, что на помощь полякамъ идутъ свѣжія силы, сняли лагерь и, отстрѣливаясь шагъ за шагомъ, направились къ югу и окопались при впаденіи рѣчки Старицы въ Днѣпръ, въ ожиданіи подкрѣпленія. Въ теченіи шести недѣль продолжалась осада, сопровождавшаяся постоянными стычками; положеніе козаковъ становилось все болѣе критическимъ; начались переговоры о мирѣ,—Гуня наконецъ соглашался сдаться на милость короля. Это одно доказываетъ уже, что козаки подымали оружіе не противъ короля, а противъ распоряженій польской шляхты и сеймовъ.

Начавъ переговоры о мирѣ, Гуня разсчитывалъ на подкрѣпленіе, которымъ предводительствовалъ Филоненко, но поляки тоже своевременно узнали о приближеніи этой помощи и выслали свои отряды, чтобы разбить подходившихъ козаковъ или по крайней мѣрѣ не допустить ихъ соединиться съ осажденными. Правда, Филоненку удалось прорваться въ козацкій лагерь, но въ схваткахъ съ поляками онъ потерялъ столько провіанта и аммуниціи, что оставшихся въ цѣлости припасовъ едва могло достать на два дня. Не оставалось другаго исхода, какъ снова заключать договоръ съ поляками, но Гуня уже не принялъ въ немъ участія—онъ ушелъ изъ лагеря вмѣстѣ съ Филоненкомъ.

Козаки отправили пословъ къ королю съ просьбою о мирѣ. 4 декабря польный гетманъ созвалъ ихъ на урочище «Масловъ Ставъ» для выслушанія отвѣта короля и Рѣчи Посполитой. Отвѣтъ былъ короткій: козаки лишаются всѣхъ прежнихъ правъ, въ томъ

числѣ и права избранія своихъ старшинъ, а вмѣсто выборнаго гетмана и прочей старшины, отнынѣ будутъ получать назначенныхъ правительствомъ чиновниковъ изъ шляхты.

Между тѣмъ Остряниnъ и Гуня удалились въ предѣлы московскаго царства; съ ними ушло также значительное количество козаковъ, селившихся хуторами на плодородной равнинѣ нынѣшней харьковской и курской губерній.

Послѣ усмиренія козацкаго возстанія шляхта обратила всю свою месть противъ народа, но и реестровому козачеству пришлось немногимъ лучше; полковники и коммисары присваивали въ свою пользу ихъ жалованье, обращались съ козаками, какъ со своими подданными и обогащались на ихъ счетъ.

Между тѣмъ на Украйнѣ начинаетъ устанавливаться новый экономическій распорядокъ, знатные магнаты, какъ Вишневецкіе, Конецпольскіе, Калиновскіе, Потоцкіе и др. получаютъ въ собственность огромные участки земли. По свидѣтельству Боплана, онъ основалъ для одного только коронnаго гетмана сто селъ на территоріи бывшихъ свободныхъ козацкихъ поселеній; козакамъ запрещено было даже занятіе рыбной ловлей и охотой въ новыхъ панскихъ имѣніяхъ, а по мѣрѣ ихъ распространенія водворялись въ краѣ іезуиты и распространялась унія. Однако занятіе обширныхъ пространствъ панами, вмѣсто желаннаго спокойствія, послужило залогомъ новыхъ неурядицъ въ будущемъ. Для того, чтобы имѣнія могли приносить доходы, они нуждались въ рабочихъ силахъ, которыя можно было привлечь только обѣщаніемъ льготъ на продолжительные сроки, по истеченіи которыхъ они становились поводомъ къ новымъ волненіямъ.

Мы видѣли, что кромѣ мѣщанъ и козаковъ и среди высшаго класса на Руси находились люди, подымавшіе свой голосъ на защиту своей вѣры и народности, но заступничество ихъ дѣлалось все рѣже, пока наконецъ совсѣмъ не прекратилось. Правда, среди русской шляхты были еще люди, преданные православію, но двойственность стремленій дѣлала ихъ неспособными къ энергичному протесту; между тѣмъ какъ симпатіи религіозныя могли связывать ихъ съ русскимъ народомъ, соціальныя выгоды привлекали ихъ на польскую сторону. Въ результатахъ получались жалобы отъ лица русской шляхты, но мы не встрѣчаемъ въ исторіи никакихъ

рѣшительныхъ дѣйствій, никакихъ жертвъ съ ихъ стороны на пользу православія. При возрастающихъ козацкихъ волненіяхъ многіе изъ русской шляхты, для сохраненія своей жизни и имущества, находились вынужденными или пристать къ козачеству, или сдѣлаться поляками, т. е., отрекшись отъ своей народности, принять католичество, чѣмъ только и обезпечивались для нихъ права польской шляхты и открывался путь къ полученію старостъ и другихъ должностей.

Отсюда происходило также, что по мѣрѣ того, какъ народное возстаніе принимаетъ болѣе широкіе размѣры и грозитъ большимъ опустошеніемъ края, измѣняется и смыслъ сеймовыхъ постановленій; въ постановленіяхъ этихъ мѣстные дворяне уже не трактуютъ ни о русской народности, ни о православной вѣрѣ, напротивъ, заявляютъ себя ревностными католиками. Правда, волынское дворянство проситъ еще о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православнаго духовенства, но руководится въ этомъ случаѣ уже не преданностью вѣрѣ предковъ, а только желаніемъ предотвратить новое народное возстаніе.

Такая перемѣна въ духѣ сеймовыхъ постановленій доказываетъ, какъ быстро шла полонизація русской шляхты, благодаря постановленіямъ, правамъ и привиллегіямъ, какими пользовались одни католики, въ особенности-же благодаря іезуитскому воспитанію; съ перемѣною религіи русскіе паны утрачивали и свою народность, усвоя польскій духъ и языкъ, нравы и обычаи; принявъ католичество и пользуясь всѣми правами, они уже считали себя поляками.

Правда, со времени введенія уніи въ русскомъ обществѣ появилось было стремленіе поднять русскую уніатскую церковь, а съ нею вмѣстѣ и русскую народность; желая парализовать православіе, хотѣли было создать новое русское просвѣщеніе, по крайней мѣрѣ религіозное, но это направленіе явилось уже слишкомъ поздно для ополяченнаго зажиточнаго класса. Въ польской Руси трудно уже было представить себѣ лицъ, по происхожденію и состоянію принадлежащихъ къ высшему классу, иначе какъ съ польскимъ языкомъ и польскими правами. Подчиняясь польскому вліянію, этотъ высшій классъ уже не нуждался въ прежнихъ традиціяхъ и относился свысока ко всему русскому.

Простой народъ хотя и огорчался униженіемъ вѣры своихъ предковъ, но, какъ сословіе безсильное и безправное, ничѣмъ не могъ помочь горю и съ теченіемъ времени могъ-бы забыть прежнюю религію. Въ свою очередь и мѣщанство также не имѣло нужныхъ силъ для того, чтобы самому оказывать вѣское сопротивленіе, и потому, въ силу естественнаго хода вещей, современемъ все было-бы окатоличеннымъ и ополяченнымъ. Но, къ неудовольствію католиковъ и поляковъ, подымается противъ нихъ вооруженное козачество—цвѣтъ и матеріальная сила русскаго народа.

Время доказало, что унія, придуманная первоначально для привлеченія высшаго сословія, не понравилась ему,—паны предпочитали просто сдѣлаться католиками; въ концѣ концевъ оставался для обращенія въ унію только простой народъ, который прежде не имѣлся въ виду; вотъ почему новая вѣра и не могла пользоваться такимъ почетомъ, какъ вѣра пановъ. Итакъ, съ теченіемъ времени, католическая пропаганда начинала уже достигать намѣченной цѣли—русская шляхта подчинилась ей и ополячилась. Переманивъ на свою сторону такіе вліятельные русскіе роды, какъ Жолкевскіе, Сапѣги, Чарторыйскіе, Реи и, что еще хуже, такихъ ученыхъ, какъ Саковичи, Смотрицкіе и др., Польша, повидимому, отняла у Руси все, что составляло самый прочный жизненный элементъ соціальнаго организма. Въ дѣйствительности-же оказалось, что она украсила свой латинскій бытъ только свѣжими вѣтвями русскаго дерева, между тѣмъ какъ корни и стволъ его остались невредимы и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ въ состояніи были дать новые побѣги и цвѣты. Вотъ почему католическая пропаганда не могла уничтожить русскаго народа, какъ не могла къ нему привиться. Только разладъ становился сильнѣе, такъ какъ дворянство, отрекшись отъ своей вѣры и народности, порвало внутреннюю моральную связь съ русскимъ народомъ, сдѣлалось чуждымъ по отношенію къ нему, а власть, какую оно сохранило надъ мѣстными крестьянами, получаетъ характеръ иноземнаго господства. Отказавшись отъ своей національности, русскіе паны перестаютъ быть представителями русскихъ интересовъ и теряютъ свои національныя и политическія традиціи.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ существовала тѣсная связь между тѣмъ, какъ народъ смотрѣлъ на свое прошлое и тѣмъ, какъ

онъ относился къ своему настоящему. Только забвеніе своего прошлаго или, что тоже, охлажденіе къ роднымъ преданіямъ было причиной перехода южно-русскаго общества отъ русскаго элемента къ польскому, отъ собственнаго центра къ чуждому. Однако, несмотря на всѣ препятствія, естественный ходъ народной жизни южно-русскаго края не прекратился. Связь Руси съ ея прошлымъ опиралась не на шляхтѣ, не на Смотрицкихъ или Саковичахъ, она поддерживалась русскимъ народомъ и его представителями—Могилами, Борецкими, Вышенскими. Они-то и спасли русскую національную самобытность.

Причины, вызывавшія полонизацію русской шляхты, не имѣли вліянія на всю народную массу. Въ то время, какъ верхніе слои русскаго общества превращаются въ польскій элементъ при посредствѣ католической культуры, низшіе слои, при всей своей бѣдности и необразованности, не обрываютъ связи съ тѣмъ, что создало русскую жизнь еще во времена дотатарскія, они по прежнему остаются *русскимъ* народомъ, свято охраняющимъ основы своей національной самобытности—языкъ, вѣру предковъ и, по мѣрѣ возможности, общинное устройство.

Послѣ отпаденія дворянства мѣщане вмѣстѣ съ убогимъ духовенствомъ остаются защитниками края и вѣры во имя Руси. Благодаря своей стойкости, мѣщанство послужило твердымъ оплотомъ въ дѣлѣ обороны русской народности и если гдѣ нибудь, то прежде всего въ Кіевѣ, олицетворяло собою русскій народъ среди польскаго. Не на шляхту кіевской земли, а на кіевскихъ мѣщанъ смотрятъ теперь православные жители Вильны, Полоцка, Могилева, Луцка, Львова и др. съ готовностью подражать имъ въ трудныхъ случаяхъ. Центръ тяжести національной жизни фактически перемѣстился въ Кіевъ—центръ Украйны. Этимъ объясняется тотъ фактъ, почему впослѣдствіи унія, съ цѣлью привлеченія мѣщанъ, начинаетъ искать проселитовъ среди городскихъ ремесленниковъ и, будучи прежде доступной только для лицъ высшаго сословія, начинаетъ съ теченіемъ времени возвышать людей низкаго происхожденія, какъ напримѣръ Іоасафата Кунцевича.

Кромѣ церкви православной, представителями которой являются духовенство и мѣщанство, на защиту русскаго дѣла, какъ мы видѣли, подымаются прежде всего козаки. Хотя обѣ эти стороны и

не всегда соображались другъ съ другомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онѣ тѣмъ не менѣе шли въ одномъ направленіи и къ одной цѣли. Русскій народъ видѣлъ себя оставленнымъ панами, въ особенности послѣ того, какъ со смертью князя Константина Василія Острожскаго (1608 г.) погибла послѣдняя опора православной вѣры; легальные протесты оставались безъ послѣдствій, отъ короля тоже нельзя было ожидать никакихъ уступокъ,—выведенный изъ терпѣнія народъ долженъ былъ искать другой поддержки. И вотъ онъ начинаетъ группироваться вокругъ козацкихъ гетмановъ, пока наконецъ не подымается цѣлою массою подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ разрѣшить тотъ вопросъ, который не могъ быть разрѣшенъ русскою шляхтою путемъ сеймовыхъ совѣщаній. Такъ протестуетъ Русь сперва при посредствѣ своего дворянства, затѣмъ при посредствѣ мѣщанскихъ корпорацій и наконецъ переноситъ духъ оппозиціи противъ польщизны въ козацкія громады. Такимъ образомъ козакамъ суждено было сдѣлаться борцами за русскую народность противъ Польши, защитниками православія, поборниками свободы и независимости южной Руси.

Послѣ неудачнаго возстанія подъ предводительствомъ Остряница и Гуни казалось, что силы козачества и всей Руси сломлены, и Украйна должна утихнуть; но прошло всего лишь десять лѣтъ, и вспыхнуло возстаніе цѣлаго народа.

Какъ мы уже видѣли, послѣ подавленія возстанія 1638 г. козакамъ объявлено отъ польскаго правительства, что они навсегда теряютъ право избирать гетмана и старшину, подъ страхомъ смерти запрещалось имъ плавать по Черному морю или уходить на Запорожье. Сожжены козацкія чайки, артиллерія отобрана, въ старшины надъ реестровыми козаками назначены лица изъ польской шляхты, а вмѣсто гетмана присланъ польскій коммисаръ. Теперь вольные слобожане обращены въ панщинныхъ крестьянъ, а на свободныя общины старосты возлагали обязанность охраненія границъ; сверхъ того старосты захватываютъ въ свои руки всѣ найболѣе обильные источники городскихъ доходовъ, мѣщане становятся въ подчиненіе владѣльцу города; подобно тому, какъ въ королевскихъ городахъ они находились въ зависимости отъ короля, въ панскихъ признавались подданными пановъ. Съ той поры гнетъ

польскій всею своею тяжестью ложится на Украйну. Тихо и безъ протеста склонилъ свои головы русскій народъ; развѣ только тотъ, кто былъ посмѣлѣе, предпочиталъ скитаться по степямъ, или, оставивъ все родное и дорогое, уйти на Запорожье; но и сюда достигала уже рука правительства.

Такое положеніе дѣлъ въ теченіи десяти лѣтъ держалось по всей русской землѣ; но самому тяжелому гнету подпало то сословіе, которое стало во главѣ народа и которое могло, какъ того и справедливо опасались, разрушить шляхетскіе порядки и ввести народно-общинные. Вельможные паны и шляхта съ пренебреженіемъ смотрѣли на козака-хлопа, а козачество, еще недавно свободное и почти равное шляхетскому сословію, а теперь закрѣпощенное, думало объ улучшеніи своей участи и обсуждало въ подробностяхъ средства для возврата къ прежнему состоянію.

Лѣтопись Самовидца[1]) такъ отзывается о причинахъ, вызвавшихъ войны Хмельницкаго: «начатокъ и причина войны Хмельницкаго есть едино отъ ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отягощеніе; тогда бо онымъ не хотячи, чого не звикли были, панщини робити, на службу замковую обернено, которыхъ зъ листами въ городѣ до хандоженя коней старостове держали, въ дворахъ грубу, то есть печи топити, псовъ хандожити, дворѣ змѣтати и до иншихъ незносныхъ дѣлъ приставляли. Знову зась которые зоставали козаками реестровимы, а надъ оными полковникове шляхта панове отъ гетмана коронного насиланніи были, которіе-бъ объ ихъ волности бинамнѣй не дбаючи, але, яко могучи, оныхъ мѣрали, легце поважаючи; плату которая постановлена была на козаки отъ короля его милости и Рѣчи-Посполитой по золотыхъ тридцать на рокъ, тое на себе отбѣрали, зъ сотниками дѣлячися; бо сотниковъ не козаки оббирали и настановляли, але полковники кого хотѣли зъ своеи руки, жебы онимъ зичливими были. Такъ-же полковникове козаковъ до всякои домовои незвичайнои роботы пристановляли; въ поля зась пойшовши, любо якій козакъ достане у татаръ коня доброго, того отоймутъ; знову зась, хочай бы якого язика татарского поймали козаки, то зъ языкомъ татарскимъ, на кого ласкавъ

[1]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 3—4.

полковникъ, якого жолнѣра своего высилаетъ до гетмана коронного, а козацкую отвагу потлумляютъ» и т. д.

Итакъ горючаго матеріала слишкомъ много собрано было на Украйнѣ. Государство, изъ-за религіознаго вопроса лишившее всѣхъ правъ производительную массу народную, т. е. большую часть народонаселенія, неизбѣжно должно было очутиться въ борьбѣ съ нею и подвергнуться ея ударамъ. Неудивительно поэтому, что на призывъ Хмельницкаго подымается весь южно-русскій народъ.

Желая удержать козаковъ отъ избранія гетмана, польское правительство само назначаетъ одного изъ старшинъ козацкихъ, Барабаша, наказнымъ гетманомъ въ зависимости отъ короннаго, а генеральнымъ писаремъ—Богдана Хмельницкаго. По совѣту этого послѣдняго Барабашъ дѣлаетъ представленіе королю о всѣхъ притѣсненіяхъ; король съ своей стороны дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ представленія въ сенатъ, но безуспѣшно. Тогда король отвѣтилъ козакамъ: «вы сами рыцари, имѣете ружья и сабли, и можете сами защищать свои права; я-же вамъ не могу помочь».

Въ это самое время случилось, что чигиринскій подстароста Чаплинскій отнялъ у Хмельницкаго хуторъ съ пасѣкой и мельницей на урочищѣ Суботовѣ, взялъ его жену и избилъ сына, отъ чего тотъ вскорѣ умеръ. Хмельницкій также искалъ правосудія въ Варшавѣ, но тамъ его осмѣяли. Возвратившись на Украйну, Хмельницкій задумалъ было отомстить панамъ войною, но былъ схваченъ Потоцкимъ и приговоренъ къ смертной казни; онъ успѣлъ бѣжать въ Сѣчь, но, не чувствуя себя въ безопасности и тамъ, принужденъ былъ уходить дальше на низъ Днѣпра и наконецъ въ Крымъ.

Что не одна личная обида послужила причиною къ войнѣ, доказываютъ слова Хмельницкаго на радѣ въ Запорожьѣ: «оскорбляютъ святую вѣру, почтенныхъ епископовъ и монаховъ лишаютъ насущнаго хлѣба: ругаются надъ священниками; іезуиты преслѣдуютъ вѣру нашихъ предковъ, а уніаты пристаютъ съ ножомъ къ горлу. На сеймахъ издѣваются надъ нашими просьбами и отвѣчаютъ на нихъ презрѣніемъ. Мало того, что безъ повода угрожаютъ нашей жизни, войска подъ предлогомъ усмиренія безпорядковъ ходятъ по селамъ и нерѣдко разрушаютъ до основанія цѣлые города, какъ-бы намѣреваясь истребить все наше племя...

А въ довершеніе всѣхъ этихъ мученій отдали насъ въ неволю проклятому жидовскому племени»[1]).

Всѣ возстанія, бывшія до Хмельницкаго, уже по тому одному не имѣли желаннаго успѣха, что козаки заботились исключительно о своихъ правахъ, оставляя въ сторонѣ народные интересы. Сознавая эту слабую сторону и желая достичь цѣли, Хмельницкій призываетъ универсаломъ весь южно-русскій народъ къ возстанію противъ Польши, обѣщая всѣмъ доставить козацкія права, или что тоже, освободить народъ отъ тяжкаго подданства. Вотъ почему въ новой борьбѣ козачества противъ шляхты на сторонѣ козаковъ становится не одна голота, но вмѣстѣ съ нею идутъ также почетные селяне и мѣщане. Мало того, когда Хмельницкій явился подъ Замостьемъ, католическіе крестьяне изъ окрестностей Варшавы готовы были пристать къ нему, и по свидѣтельству Станислава Радзивилла, если-бы хоть одинъ козацкій полкъ явился подъ Варшаву, всѣ вельможные паны были-бы принуждены бѣжать изъ города.

Излагая причины и ходъ народныхъ возстаній въ южной Руси, мы не имѣемъ намѣренія описывать войны Хмельницкаго, обратимъ только вниманіе на главный интересъ борьбы.

Чего проситъ Хмѣльницкій послѣ побѣдъ при Желтыхъ Водахъ, подъ Корсунемъ и Баромъ? Того-же, чего еще раньше добивались другіе предводители, т. е. свободы вѣроисповѣданія и гарантіи козацкихъ правъ. Король по прежнему усиленно хлопочетъ, чтобы сенатъ прекратилъ кровопролитіе и не подвергалъ опасности цѣлое государство, но по прежнему безуспѣшно. Видя свои просьбы напрасными, Хмельницкій втайнѣ начинаетъ переговоры съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о принятіи Украйны подъ его покровительство.

Польскіе моралисты, отстаивающіе аристократическіе принципы, тоскуютъ надъ упадкомъ цивилизаціи, вызваннымъ по ихъ мнѣнію козацкими возстаніями. Правда, что польская цивилизація пострадала отъ нихъ, но она и не была тою истинною цивилизаціею, которая приходитъ къ народу путемъ экономическаго и умственнаго развитія массы; напротивъ она развивалась исключительно

---

[1]) Коховскій, Annal., I, 25.

среди одного сословія на счетъ другихъ и приводила къ деморализаціи цѣлаго общества. Идеаломъ того культурнаго быта, какой завели паны на Украйнѣ, была панщина, такъ какъ подчиненіе и неволя народа были неразлучны съ польской культурой.

XV.

По смерти Владислава до избранія новаго короля Хмельницкій не предпринималъ никакихъ дѣйствій противъ Польши и стоялъ со своимъ войскомъ, одинаково готовый на войну и миръ.

Однако польское правительство не умѣло разумнымъ образомъ воспользоваться козаками и подвластнымъ ему народомъ для блага Польши, а конвокаціонный сеймъ предложилъ Хмельницкому такія унизительныя условія, какъ если-бы онъ понесъ сильное пораженіе, и въ тоже время, не разсчитывая на принятіе условій, выслалъ противъ него свои войска, которыя, встрѣтивъ козаковъ подъ Нилявцами, разбѣжались безъ малѣйшей битвы, оставивъ Хмельницкому весь свой обозъ. Послѣ этого скандала войска въ Польшѣ какъ не бывало. Сами поляки недоумѣвали, почему Хмельницкій оставался въ бездѣйствіи цѣлыхъ три недѣли, когда могъ за это время завоевать всю Польшу; одни считали это чудомъ, другіе—ослѣпленіемъ гетмана.

Между тѣмъ Хмѣльницкій ожидалъ выбора короля, такъ такъ онъ не былъ бунтовщикомъ и не думалъ о завоеваніи Польши, онъ думалъ только о сохраненіи того, что всего дороже для человѣка,—свобода и неприкосновенность семьи, имущества и вѣры предковъ. Съ другой стороны онъ разсуждалъ, что, послѣ завоеванія слѣдуемыхъ Руси правъ, выгоднѣе всего будетъ сохранить ихъ и на будущее время въ союзѣ съ Польшей.

Наконецъ избранный королемъ Янъ Казиміръ отправляетъ къ Хмельницкому свое извѣстное посольство съ предложеніемъ мира. Во время переговоровъ съ Адамомъ Киселемъ въ Переяславѣ, гетманъ, отзываясь о королѣ съ должнымъ уваженіемъ, въ тоже время рѣзко упрекаетъ польскихъ пановъ и латинское духовенство за притѣсненіе козаковъ и ихъ вѣры и предлагаетъ слѣдующія условія мира:

1) Будутъ возвращены козакамъ всѣ прежнія права и привиллегіи.

2) Удалены будутъ изъ предѣловъ Руси іезуиты и евреи.

3) Унія будетъ уничтожена.

4) Постоянный комплектъ козацкаго войска увеличится до 40,000.

5) Православный кіевскій митрополитъ получитъ право засѣдать въ сенатѣ.

6) Всѣ должности и достоинства на Руси могутъ раздаваться только православнымъ.

Польскіе сенаторы не хотѣли и слышать о такихъ условіяхъ. Пока Хмельницкій осаждалъ въ Збаражѣ отрядъ Вишневецкаго, Янъ Казиміръ выступилъ противъ него съ войскомъ и былъ разбитъ подъ Зборовымъ; здѣсь козаки одержали такую блестящую побѣду, что легко могли взять въ плѣнъ самаго короля, но гетманъ приказалъ имъ «не касаться королевской особы». Король просилъ мира и получилъ его на указанныхъ выше условіяхъ съ однимъ дополненіемъ, чтобы коронное войско не могло квартировать въ тѣхъ городахъ, гдѣ будутъ жить козаки.

Но недолго народъ радовался своей побѣдѣ, вскорѣ наступило разочарованіе. По смыслу договора число реестровыхъ козаковъ сводилось до 40,000; всѣ остальные, принимавшіе участіе въ войнѣ должны были изъ войска возвратиться въ подчиненное состояніе и снова работать на тѣхъ самыхъ пановъ, которыхъ только что выгнали изъ своей земли. Когда гетманъ попытался привести въ исполненіе это условіе, противъ него поднялось такое сильное недовольство, что онъ принужденъ былъ оставить свое намѣреніе. Съ своей стороны и поляки также не выполнили условій, поэтому зборовскій договоръ не продержался и года. Правда король выдалъ грамоту, подтверждавшую права православной церкви, но она имѣла не больше силы, чѣмъ подобные-же указы короля Владислава IV.

Итакъ зборовскій договоръ не удовлетворилъ ни той, ни другой стороны; нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ онъ могъ-бы привести къ извѣстнымъ результатамъ, но теперь было уже слишкомъ поздно; онъ не могъ уже быть исполненъ. «Не всѣхъ-ли насъ призывали сражаться за свободу? Не всѣ-ли мы были козаками?»— ропталъ русскій народъ. «Или мы слагали свои головы только за свободу этихъ сорока тысячъ, а остальные снова должны пойти въ неволю? Гдѣ-же обѣщанія Хмельницкаго?»... Крестьяне, не желавшіе возвращаться подъ власть пановъ, подвергались наказаніямъ со сто-

роны гетмана, отъ чего терялась его популярность, и войска становилось еще меньше, чѣмъ до возстанія.

Въ свою очередь и поляки не думали о выполненіи договора; не только унія не была отмѣнена, но даже митрополитъ кіевскій не былъ допущенъ въ сенатъ послѣ того, какъ католическіе бискупы объявили, что сами оставятъ сенатъ, если въ немъ покажется схизматикъ. Поэтому обѣ стороны снова начинаютъ готовиться къ войнѣ. Коронный гетманъ Потоцкій нарушилъ границу, обозначенную зборовскимъ трактатомъ, и расположился съ войскомъ въ Подоліи подъ предлогомъ водворенія спокойствія среди крестьянъ. Пока Хмельницкій велъ новые переговоры о томъ-же съ сенатомъ, поляки напали ночью на стоявшій подъ Краснымъ брацлавскій козацкій полкъ и разбили его на голову; узнавъ о такомъ пораженіи своихъ земляковъ, полковникъ Богунъ переправился со своимъ отрядомъ черезъ р. Богъ и также неожиданно напалъ на поляковъ въ то самое время, когда они торжествовали свою побѣду, и нанесъ имъ сильное пораженіе.

Снова начинается кровопролитная война, которая носитъ уже явно религіозный характеръ. Янъ Казиміръ вторично получаетъ изъ рукъ папскаго нунція освященное знамя, а въ козацкомъ лагерѣ военнымъ лозунгомъ было: «*за вѣру, братья, за вѣру*».

Послѣ битвы подъ Берестечкомъ польское войско вступило въ Украйну, но здѣсь встрѣтило неожиданное сопротивленіе; все народонаселеніе вмѣстѣ съ козаками защищается до послѣдней крайности, пока всѣ не погибнутъ; женщины сражаются наравнѣ съ мущинами. Наконецъ обѣ враждующія стороны, нуждаясь въ отдыхѣ, заключаютъ въ Бѣлой-Церкви миръ на невыгодныхъ для козаковъ условіяхъ; вмѣсто сорока тысячъ войска Хмельницкому оставлено только двадцать тысячъ, а евреямъ и іезуитамъ разрѣшено жить на Руси. Между тѣмъ народъ, стремившійся къ освобожденію изъ подъ панской зависимости, роптalъ и искалъ выхода.

Уже съ давнихъ поръ начались переселенія за Днѣпръ въ предѣлы Россіи, гдѣ съ теченіемъ времени появляются южно-русскія слободы вблизи Рыльска, Путивля и Бѣлгорода; послѣ того какъ обѣщанія Хмельницкаго не были исполнены, переселеніе принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры, такъ какъ даже многіе изъ козаковъ не хотѣли жить вблизи польской границы.

Первый примѣръ переселенія подали жители Волыни. Заручившись царскимъ разрѣшеніемъ, волынскіе выходцы основали на берегу рѣчки Тихой Сосны поселеніе Острогожскъ. Вслѣдъ за козаками начинаютъ переселяться въ большомъ количествѣ русины съ береговъ Днѣстра, Бога и т. д. въ вольныя степи московскаго царства, гдѣ не было ни польскаго шляхтича, ни ксендза, ни полновластнаго еврея арендатора, и основываютъ тамъ слободы: Ахтырку, Изюмъ, Корочу, Бѣлополе, Сумы, Харьковъ, Лебединъ и другія. Оставляя родное село, переселенцы сжигали свои хаты и гумна, чтобы они не достались полякамъ.

Такъ недальновидная и эксклюзивная политика поляковъ привела только къ уменьшенію польскаго населенія и къ заселенію Россіи.

Сомнѣваясь въ возможности вести борьбу съ одними наличными силами, Хмельницкій еще при началѣ возстанія входилъ въ переговоры съ московскимъ дворомъ и просилъ царя принять южную Русь подъ свое покровительство. Послѣ заключенія бѣлоцерковскаго трактата, онъ еще съ большей настойчивостью возобновляетъ свои просьбы.

Вскорѣ поляки нарушили и бѣлоцерковскій договоръ. Когда Тимофей Хмельницкій отправился въ Молдавію, чтобы жениться на дочери тамошняго господаря Лупулы, польный гетманъ Калиновскій преградилъ ему путь подъ Батогомъ, но былъ разбитъ и отрядъ его истребленъ. Этотъ случай подалъ поводъ къ новой войнѣ. Гетманъ Богданъ въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ осадилъ короля подъ Жванцемъ. Ханъ преслѣдовалъ только собственную выгоду и согласился отступить, если поляки заплатятъ ему контрибуцію въ 100,000 червонныхъ злотыхъ и дозволятъ брать плѣнниковъ на возвратномъ пути. Поляки приняли условія и выговорили себѣ только одну уступку, а именно, чтобы татары грабили только въ теченіи сорока дней и брали въ плѣнъ однихъ русиновъ. Ханъ обѣщалъ съ своей стороны помогать впослѣдствіи полякамъ противъ козаковъ, чтобы совершенно истребить ихъ.

Трудно было Хмельницкому одновременно вести войну съ поляками и татарами, приходилось соглашаться на миръ, какія-бы ни были условія. Въ такомъ критическомъ положеніи гетманъ, послѣ долгаго раздумья, снова обращается къ царю съ прюсьбою принять

южную Русь въ свое подданство, въ противномъ случаѣ она принуждена будетъ подчиниться султану. Наконецъ Алексѣй Михайловичъ созываетъ земскій соборъ для обсужденія этого вопроса; рѣшено принять предложеніе Хмельницкаго и объявить войну Польшѣ.

Въ 1654 г. собранная въ Переяславѣ великая рада козацкая приняла присягу на вѣрность царю.

Мы говорили въ свое время о люблинской уніи, не слѣдуетъ опускать и постановленій переяславской рады, на которую собралась вся старшина и множество козаковъ, и куда прибыли также и царскіе послы. Гетманъ Хмельницкій сказалъ собравшимся: «Нѣтъ нужды и напоминать вамъ о притѣсненіяхъ польскихъ пановъ,—сами знаете, что они жида и собаку ставили выше нашего брата христіанина, а православный восточный царь одной съ нами вѣры. Великій государь христіанскій сжалился надъ тяжкимъ оскорбленіемъ церкви православной въ Малой Руси, не пренебрегъ нашими шестилѣтними просьбами, обратилъ къ намъ благосклонно свое царское сердце и прислалъ пословъ съ царскою милостью. Нигдѣ не найти намъ такого вѣрнаго пріюта, какъ подъ его высокой рукой, а если кто не согласенъ съ нами, пусть идетъ куда угодно,—путь свободенъ». Раздались возгласы: «Хотимъ подъ царя восточнаго». Переяславскій полковникъ, обходя присутствующихъ, спрашивалъ: «Всѣ-ли на то согласны?»—«Всѣ соглашаемся,—отвѣчали ему».

Послѣ того прочитаны были составленныя раньше условія новаго договора, слѣдующаго содержанія. Вся украинская козацкая земля присоединяется къ московскому царству подъ именемъ Малороссіи съ правомъ избранія гетмана, который могъ принимать иностранныхъ пословъ и сноситься съ другими государствами, съ правомъ выборнаго самоуправленія и самосуда. Гарантируется неприкосновенность правъ духовнаго и мѣщанскаго сословія. Число реестровыхъ козаковъ повышено до 60,000, но сверхъ того разрѣшалось имѣть и больше охочихъ козаковъ. Въ договорѣ Хмельницкаго отъ имени народа ясно сказано: «Мы сами разберемъ между собою, кто козакъ, а кто земледѣлецъ», и дѣйствительно болѣе состоятельные остались козаками, бѣднѣйшіе крестьянами. Козаки понимали свои вольности также какъ и поляки; они желали пользоваться привиллегіями, какихъ не имѣли другіе. Значительное большинство поземельной собственности находилось въ рукахъ коза-

ковъ и приставшей къ нимъ шляхты. Даже среди самаго привилегированнаго козацкаго сословія утрачено прежнее равенство; оно распадается на *значныхъ* и *чернь*. Такое положеніе вещей начинаетъ развиваться еще при Хмельницкомъ, окончательно-же вырабатывается послѣ его смерти.

Такъ уничтоженъ былъ трактатъ люблинской уніи переяславскими статьями. Религіозная нетерпимость, соединенная съ ополяченіемъ Руси, привела къ результатамъ прямо противуположнымъ тѣмъ, какіе имѣлись въ виду.

Подчиненіе Хмельницкаго Россіи влечетъ за собою новую войну, которая вспыхнула одновременно въ Литвѣ и на Украйнѣ, и здѣсь съ особенною силою. Весною 1654 г. польская армія вошла въ Подоліе; какой пріемъ встрѣтила она отъ мѣстнаго народонаселенія, могутъ показать нѣсколько примѣровъ. Послѣ упорнаго сопротивленія городъ Немировъ былъ разрушенъ до основанія; въ большомъ каменномъ погребѣ заперлось до трехъ тысячъ человѣкъ; поляки обѣщали имъ пощаду, если выдадутъ старшинъ, но предложеніе отвергнуто; тогда ихъ начали выкуривать дымомъ: всѣ погибли, но никого не выдали.

Въ мѣстечкѣ Бушѣ собралось до 12,000 человѣкъ. Всѣ убѣжденія начальниковъ польскаго войска Чарнецкого и Любомирскаго относительно сдачи не имѣли вліянія; тогда поляки отрѣзали воду и начали послѣдній приступъ: осажденные, видя свое безвыходное положеніе, сами зажгли свои дома и начали убивать другъ друга; женщины бросали дѣтей въ колодцы и сами бросались въ слѣдъ за ними. Жена сотника Зависного, зарѣзавши мужа, сѣла на бочку съ порохомъ и взорвала себя на воздухъ. Семдесятъ другихъ женщинъ съ оружіемъ въ рукахъ скрылись въ пещерѣ; полковникъ Целаріусъ продлагалъ имъ сдаться, обѣщая оставить въ живыхъ, женщины отвѣчали выстрѣлами; тогда полковникъ приказалъ провести въ пещеру воду изъ источника: всѣ погибли, но не сдались. Подобные факты повторялись повсюду, русины вездѣ защищались до крайности; «лучше погибнуть, чѣмъ подчиниться полякамъ», говорили они. Коронный гетманъ писалъ королю: «горько будетъ слышать объ опустошеніи государства, но иными мѣрами трудно подавить злость хлоповъ».

Въ 1656 г. союзными шведскими и русскими войсками заняты были сѣверныя и западныя польскія области, взяты также обѣ столицы: Краковъ и Варшава и паденіе Польши казалось неизбѣжнымъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Янъ-Казиміръ, по совѣту своихъ сенаторовъ, обращается къ царю Алексѣю Михайловичу, обѣщая ему польскую корону послѣ своей смерти. Получивъ надежду наслѣдовать польскій престолъ, Алексѣй Михайловичъ смотритъ уже на Польшу, какъ на свою собственность, и не смотря на предостереженія Хмельницкаго, что поляки не сдержатъ условія, военныя дѣйствія были приостановлены. Тогда Хмельницкій, предвидя для Украйны въ будущемъ прежнее подчиненіе полякамъ, входитъ въ договоръ съ трансильванскимъ княземъ Ракочи и шведскимъ королемъ Карломъ X о раздѣлѣ Польши. То былъ уже второй проектъ раздѣла Польши, причиною которому служило озлобленіе малороссіянъ.

Между тѣмъ, едва только положеніе дѣлъ въ Польшѣ измѣняется къ лучшему, какъ къ виленскому трактату перестаютъ относиться серьезно, какъ и предсказывалъ Хмельницкій; онъ вскорѣ умеръ и не видѣлъ уже исполненія своихъ словъ.

Между тѣмъ подчиненіе Украйны Россіи было смертельнымъ ударомъ для Польши; оно ослабило ее настолько, насколько усилило Россію. Поэтому время Богданъ Хмельницкаго имѣетъ огромное значеніе въ исторіи обоихъ этихъ государствъ.

Въ семьѣ славянскихъ народовъ и Польша, и Русь являются съ самобытною исторической жизнью преимущественно передъ всѣми другими народами славянскаго племени, которые или раньше подпали чуждой власти и чуждому вліянію, или-же проявили свою историческую жизнь только противодѣйствіемъ иноплеменному натиску. Не смотря на сходныя, родственныя основы, государственный и гражданскій строй, историческая дѣятельность и національный характеръ русскій и польскій разнились между тобою и даже приняли у обоихъ народовъ не только различное, но прямо противоположное и взаимно враждебное другъ другу направленіе. Вотъ почему эти два народа, объединенные въ теченіи многихъ столѣтій, ведутъ между собою непрерывную, упорную борьбу. Польша стремилась пересоздать русиновъ на свой образецъ и долгое время перевѣсъ былъ на ея сторонѣ. Овладѣвши значительною частью рус-

скихъ земель послѣ присоединенія Червоной Руси и Литвы, Польша подвигается шагъ за шагомъ въ глубь русскаго міра и едва не овладѣваетъ имъ совершенно въ началѣ XVII ст. Мы видѣли выше, какія причины помѣшали ихъ сліянію, а эпоха Хмельницкаго дала другое направленіе старинному спору; на пути историческаго развитія она является поворотнымъ пунктомъ къ паденію Польши и усиленію Россіи; съ этого времени падаетъ окончательно перевѣсъ Польши въ борьбѣ между двумя народностями. Было, правда, еще нѣсколько попытокъ воротить его, но уже безуспѣшныхъ.

Такъ напримѣръ, Выговскій, получивъ гетманскую булаву, хотѣлъ было снова привести Украйну къ союзу съ Польшей, и въ этомъ смыслѣ заключенъ былъ 1658 г. извѣстный гадячскій договоръ съ поляками, съ цѣлью поставить южную Русь въ такія отношенія къ Польшѣ, въ какихъ стояла къ ней Литва. На основаніи этого трактата Рѣчь Посполитая на будущее время должна была слагаться изъ трехъ равноправныхъ народовъ: польскаго, русскаго и литовскаго. Къ вновь возстановляемому княжеству русскому должны были принадлежать три воеводства: волынское, подольское и кіевское. Русь получала своего канцлера, маршалка, сенаторовъ, собственное судопроизводство, университетъ и школы; православный митрополитъ и епископы получаютъ мѣста въ сенатѣ; унія должна быть упразднена и обезпечена свобода православнаго вѣроисповѣданія. Русскимъ предоставлено право имѣть 40,000 постояннаго козацкаго войска и выбирать самимъ нѣсколькихъ кандидатовъ на гетманское достоинство, изъ которыхъ одинъ утверждался королемъ. Русскому духовенству и церквамъ обѣщана свобода отъ всѣхъ повинностей, отъ суда и патроната надъ ними польскихъ пановъ. Въ городахъ и поляки, и русскіе должны были пользоваться равными правами на занятіе городскихъ должностей и т. д.

Насколько неискренно было отношеніе поляковъ къ союзу съ русью, можно видѣть уже изъ того, что когда гадячскій договоръ вызвалъ сильную оппозицію въ Варшавѣ, то самъ инициаторъ его Бѣневскій говорилъ: «Извѣстно, въ какомъ положеніи находится теперь Рѣчь Посполитая—съ одной стороны угрожаютъ шведы, съ другой Москва; раздражать теперь козаковъ значило-бы отвергать и ту помощь, какая предлагается. Въ настоящее время намъ нужно ласкою привлечь къ себѣ козаковъ, а впослѣдствіи

можно будетъ все перемѣнить на прежній ладъ». Мысль эта была принята, и на гадячскихъ пунктахъ присягаетъ самъ король Янъ Казиміръ, а за нимъ примасъ Польши, бискупъ виленскій, польскіе гетманы, королевскій канцлеръ, маршалокъ сейма и другіе сановники, которые, принося присягу, мысленно клялись нарушить ее при первой возможности. Поэтому договоръ, утвержденный наконецъ сеймомъ 1661 г., а не былъ исполненъ. Съ другой стороны не пользовался онъ популярностью и на Украйнѣ, гдѣ никто не могъ довѣрять ему послѣ столькихъ тяжелыхъ опытовъ.

Наконецъ гадячская конституція явилась уже слишкомъ поздно для русскаго народа. Выполненная добросовѣстно во времена Хмельницкаго и Киселя, она могла-бы утишить народныя волненія, теперь же однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій русскаго народа было стремленіе освободиться отъ польско-панскаго гнета, отъ безъусловной зависимости, основанной на принципахъ, на которыхъ развивалась польская жизнь. Послѣ договоровъ зборовскаго и бѣлоцерковскаго народъ понялъ, что служитъ только орудіемъ въ рукахъ козаковъ; потерявъ довѣріе къ козакамъ, онъ охладѣваетъ къ ихъ борьбѣ и начинаетъ переселяться въ предѣлы Россіи, въ такъ называемые вольные полки. Съ того времени всѣ надежды народа обращаются къ Россіи.

Между тѣмъ въ Украйнѣ нерѣдко происходятъ волненія, по большей части изъ-за гетманскаго достоинства, зависѣвшаго отъ свободнаго выбора всѣхъ козаковъ; на гетманскую булаву являлось одновременно по нѣсколько претендентовъ, каждый со своею партіею. Въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ по смерти Богдана Хмельницкаго бывало по нѣсколько самозванныхъ гетмановъ заразъ, взаимно истреблявшихъ другъ друга съ помощью козацкаго войска; но какъ простой народъ, такъ и чернь козацкая поддерживаютъ только гетмановъ вѣрныхъ Москвѣ и не признаютъ тѣхъ предводителей, которые нытаются сблизиться съ Польшей. Причины такого нерасположенія кроются какъ въ религіозныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ, такъ и во враждѣ, которая выработалась, какъ результатъ вѣковой борьбы съ польскимъ государствомъ. Но еще большее значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ то инстинктивное чувство народа, которое подсказало ему, что старшина козацкая стремится создать изъ себя новую шляхту по образцу польской; народъ опасался, что въ союзѣ съ

Польшей цѣль эта легко будетъ достигнута, между тѣмъ какъ подъ покровительсвомъ Россіи дѣло можетъ пойти иначе,—но и эта послѣдняя надежда не оправдалась.

Этимъ только и можно объяснить огульное нерасположеніе массы народной противъ гадячскихъ статей; народъ не переносилъ самой мысли о шляхтѣ во всѣхъ ея видахъ.

Въ силу указанныхъ причинъ противъ Выговскаго поднимается значительное большинство козаковъ, которые и пристаютъ къ московскимъ воеводамъ. Въ 1659 г. гетманъ съ помощью крымскаго хана разбилъ своихъ противниковъ подъ Конотопомъ, но вскорѣ послѣ того оставленъ былъ татарами и принужденъ бѣжать въ Польшу.

Вслѣдствіе подчиненія Выговскаго Польшѣ и невыполненія послѣдиею виленскаго договора, Россія начинаетъ новую войну съ Польшей, продолжавшуюся съ перемѣннымъ счастьемъ въ теченіи восьми лѣтъ. Въ этотъ краткій промежутокъ гетманы съ чрезвычайной быстротой смѣняютъ другъ друга на Украйнѣ.

Сперва народъ вмѣстѣ съ козаками въ противовѣсъ Выговскому выбираютъ гетманомъ Юрія Хмельницкаго, котораго утверждаетъ и царь. Но, разбитый поляками, Юрій Хмельницкій также измѣняетъ Россіи подъ вліяніемъ старшинъ, совѣтовавшихъ ему помириться съ поляками на условіяхъ гадячскаго договора. Въ Чудновѣ подписанъ былъ миръ, подтвердившій всѣ гадячскія статьи за исключеніемъ одной, касавшейся образованія русскаго княжества изъ трехъ воеводствъ. Впрочемъ король не могъ выполнить чудновскаго договора, какъ не выполнилъ и гадячскаго, благодаря постоянному противодѣйствію со стороны шляхты, магнатовъ и духовенства.

Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго черная рада, собранная въ 1663 г. въ Нѣжинѣ, выбрала на его мѣсто Брюховецкаго. Въ 1665 гетманъ этотъ отправился въ Москву, женился тамъ на боярской дочери и получилъ отъ царя титулъ боярина и богатыя помѣстья. Въ угоду московскому правительству самъ Брюховецкій совѣтовалъ сократить козацкое самоуправленіе и увеличить число московскихъ воеводствъ въ Малороссіи.

По возвращеніи своемъ изъ Москвы Брюховецкій становится во враждебныя отношенія ко всей Украйнѣ; всѣхъ поражалъ титулъ боярина, но раздраженіе еще больше усиливается, когда явились, въ сопровожденіи стрѣльцовъ, новые воеводы, соединявшіе въ своихъ рукахъ власть военную, гражданскую и судебную. Наступаютъ новыя волненія; народъ отказывается платить подати воеводамъ и начинаетъ избивать московскихъ солдатъ; считая Брюховецкаго главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ, все населеніе—мѣщане, козаки и крестьяне—сражается съ гетманскими козаками, собиравшими подати.

Вторая русско-польская война оканчивается въ 1667 г. миромъ, заключеннымъ въ Андрусовѣ, по которому Смоленскъ, Сѣверская земля, вся Малороссія по лѣвую сторону Днѣпра и Кіевъ съ прилежащимъ къ нему округомъ на правомъ берегу рѣки отошли къ Россіи, а правобережная Украйна, подъ начальствомъ своего особаго гетмана, досталась Польшѣ.

Такимъ образомъ гетманщина была раздѣлена на двѣ части, восточную и западную, или на правобережную и лѣвобережную Украйну. Вслѣдствіе этого происходятъ неурядицы, которыхъ не слѣдуетъ оставлять въ сторонѣ, для выясненія вопроса о ростѣ Россіи и ослабленіи Польши.

Когда объявленъ былъ андрусовскій договоръ, паническій страхъ охватилъ все населеніе праваго берега Днѣпра; начинаются постоянныя волненія, какъ поспольство, такъ и козаки впали въ уныніе: оказалось, что всѣ кровавыя возстанія и тяжелыя жертвы, всѣ бѣды и лишенія, испытанныя народомъ, не привели ни къ какимъ результатамъ. Если силы цѣлой Украйны оказались недостаточными для борьбы съ поляками, то что могла сдѣлать теперь половина края, обезлюдѣвшая и опустошенная въ теченіи продолжительныхъ войнъ? Снова возвратятся ненавистные паны и станутъ обращать въ крѣпостное состояніе народъ, привыкшій уже къ свободѣ. Еще скорѣе наѣдутъ ненавистные ксендзы латинскіе и уніатскіе и снова начнутъ силою обращать народъ въ унію и католичество, отбирать церкви, изгонять духовенство и т. д. Народъ южно-русскій зналъ по опыту, что условія договора, обезпечивающія свободу совѣсти и личности, не

будутъ исполнены и кромѣ обычныхъ притѣсненій придется еще испытывать всю тяжесть мести за возстанія, опустошенія и войны.

Впрочемъ поляки сами идутъ на встрѣчу всѣмъ опасеніямъ въ этомъ смыслѣ. Регименгарь Маховскій, явившись съ отрядомъ войска въ Брацлавщину, начинаетъ опустошать ее огнемъ и мечемъ подъ предлогомъ приведенія жителей къ подчиненію республикѣ.

Послѣ того, какъ восточная половина Украйны вмѣстѣ съ Кіевомъ отошла къ Россіи, всѣ помыслы жителей западной половины направляются къ тому, чтобы не отдѣляться отъ правобережной Украйны. Гетманъ лѣвой стороны Днѣпра Дорошенко обращается къ царю съ просьбою принять его съ краемъ въ свое подданство; но царь съ своей стороны не желаетъ нарушать мира и народъ волею-неволею принужденъ покориться своей участи. Такимъ образомъ пустыни, усѣянныя пожарищами и человѣческими костями, въ силу андрусовскаго договора снова достаются въ руки шляхты.

Народъ назвалъ козацко-польскія войны *руиною*, потому что козаки разрушили, «*зруйновали*» въ древне-русскихъ земляхъ шляхетскіе порядки. Съ одной стороны вельможные паны силятся сдѣлать изъ Украйны другую Польшу и утвердить въ ней польское право; съ другой природная придніѣровская Русь, предчувствуя въ этихъ стремленіяхъ свою гибель, опустошаетъ и разоряетъ города и села, грабитъ и сожигаетъ панскіе замки, а въ особенности католическіе костелы и монастыри, выгоняетъ пановъ и евреевъ арендаторовъ, сноситъ польское право, желая сохранить общинный порядокъ и свою вѣру и удержать въ рукахъ народа тѣ земли, которыя паны раздѣлили только между дворянами.

Резюмируя всѣ указанные факты, становится яснымъ, что вся исторія Украйны характеризуется стремленіемъ южно-русскаго народа и его представителей козаковъ къ демократическимъ институціямъ. Войны козацкія представляютъ борьбу народной демократіи съ шляхетскою. Затѣмъ слѣдуетъ ясно отвѣтить на вопросъ: почему среди православнаго южно-русскаго народа замѣчается такой сильный антагонизмъ именно противъ католиковъ и католицизма?

а) Паны католики захватили въ собственность всѣ земли и обращали свободный народъ въ крѣпостное состояніе.

б) Католицизмъ въ Польшѣ стремился къ полному уничтоженію православія и русской народности.

Итакъ ничто иное, какъ любовь къ свободѣ и родной землѣ, любовь къ вѣрѣ отцевъ и собственной національности порождаетъ этотъ антагонизмъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА.

Еще со второй половины XVII вѣка среди южно-русскаго общества начала мало по-малу обособляться отдѣльная сословная группа — козацкая старшина, дѣлившаяся на генеральную, полковую и сотенную. Въ составъ этой соціальной группы входили только лица, занимавшія въ краѣ видные административные посты — то были: полковники, обозные, судьи, писаря, асаулы, хорунжіе, бунчужные, сотники и проч. Всѣ эти лица выполняли военныя и гражданскія обязанности, насколько вторыя проникались первыми. Они предводительствовали въ походахъ, засѣдали въ судахъ, распоряжались общественными суммами, слѣдили за общественными нуждами, являлись представителями интересовъ края и проч. Къ первой половинѣ XVIII вѣка эта сословная группа въ количественномъ отношеніи настолько успѣла расшириться, что представляла уже изъ себя какъ-бы сословіе съ особенными правами, лично впрочемъ присвоенными. Въ это-же время она успѣла значительно обособиться, замкнуться отъ другихъ сословій, насколько конечно позволяла тогдашняя общественная жизнь южной Руси.

Интересы козачей старшины XVIII вѣка дѣлаются діаметрально противоположными интересамъ другихъ соціальныхъ группъ: козачества, мѣщанства и крестьянства.

Всѣ пріобрѣтаемыя старшиною права, ея матеріальное благосостояніе создаются въ ущербъ этимъ общественнымъ группамъ. Нѣтъ болѣе въ жизни фактора, который сглаживалъ-бы возникшую сословную рознь. Въ будущемъ виднѣлось одно только дальнѣйшее обособленіе

старшины, которая съ нетерпѣніемъ лишь ждала легальнаго расширенія своихъ правъ и преимуществъ. Это-то расширеніе не только прежнихъ правъ, но и дарованіе новыхъ законодательнымъ порядкомъ и произошло сто лѣтъ тому назадъ, въ достопамятный день 21-го апрѣля 1785 года, когда Екатерина II даровала грамоту на права и привиллегіи русскому дворянству, въ составъ котораго должна была войти и южно-русская козачая старшина. Далеко не вдругъ конечно совершился переходъ южно-русской козачей старшины въ дворянство. Много было истрачено представителями послѣдней труда на хлопоты въ дворянскихъ присутствіяхъ, въ герольдіи и проч., чтобы доказать свои права на дворянство. Не мало было при этомъ и злоупотребленій, но объ этомъ въ другой разъ... Теперь-же посмотримъ, какъ жилъ, что дѣлалъ, чѣмъ занимался южно-русскій дворянинъ въ теченіи прошлаго вѣка, каковы были его стремленія, идеалы, потребности. Предупреждаемъ читателя, что отнюдь не претендуемъ на полную и всестороннюю характеристику.

Проста и незатѣйлива была домашняя жизнь южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, чуждая лоска и моды, лишенная въ большинствѣ случаевъ искуственности и иноземщины.

Не въ палатахъ бѣлокаменныхъ жилъ онъ, а въ будынкахъ простыхъ, выстроенныхъ почти всегда доморощенными мастерами, обращавшими вниманіе не на вычурность и архитектурность строенія, а на то, чтобы оно было пообширнѣе, да «во углахъ и замкахъ крѣпко, а въ стѣнахъ прямо и ровно». Образцемъ для постройки панскаго дома служила простая крестьянская изба, раздѣленная сѣнями на двѣ половины. Такія сѣни дѣлили на двѣ части и панскіе будынки, состоявшіе изъ четырехъ и болѣе комнатъ [1]).

Внутренняя обстановка дома тоже лишена была особеннаго блеска и также не поражала посѣтителя, какъ не поражалъ его и внѣшній видъ дома. Внутреннія стѣны его бѣлились или оклеивались шпалерами (обоями), разрисованными большею частію мѣстными малярами, и оби-

---

[1]) Сулимовскій Архивъ, № 168. Судіенко, Матеріалы для отечественной исторіи, т. I, отд. 3, стр. 5, 17 и др. Москвитянинъ, 1852 г., № 17. Историческіе матеріалы, стр. 25.

вались плахтами. Въ покояхъ (комнатахъ) разставлены были «ослонци» мѣстной фабрикаціи, выкрашенные дубовые стулья, два три кресла, обитыхъ «красною шкурою», канапе стоячое, набойкою выбитое, столы дубовые, покрытые скатертями мѣстныхъ ткачей, на стѣнахъ «картины новомодерные», портреты: Богдана Хмельницкаго, хозяина и его родственниковъ близкихъ, кисти маляра-иконописца, подчасъ глиняныя статуи, расписаныя разными красками, твореніе рукъ доморощеннаго скульптора-гончара изъ Лубенъ, часы, купленные съ большимъ коштомъ— вотъ почти и вся обстановка комнатъ южно-русскаго дворянина прошлаго вѣка [1]). Не щедрый на украшенія и мебель, дворянинъ щедрѣе былъ на посуду, которая отличается даже нѣкоторою роскошью. Тутъ находимъ: серебряныя доски на чай, серебряные кубочки, ложки и чайники, фарфоровыя чашки и тарелки, хрустальные стаканы и рюмки: впрочемъ, здѣсь-же блюда, полумиски и тарелки «цѣни аглицкой», а не то и прямо деревянныя [2]).

Но если не особенно красна была наша дворянская изба XVIII вѣка углами, то за то красна была она пирогами. Гостепріимство и радушіе, составляющія до сихъ поръ отличительную черту малоросса, въ XVIII вѣкѣ среди дворянства южной Руси было чрезвычайно распространено. Не проходило недѣли, чтобы у того или у другаго державцы (помѣщика) не собирались сосѣди на обѣдъ, семейную вечеринку, приватный бенкетъ и проч. Главною, почти единственною забавою на такихъ собраніяхъ была игра въ карты: марьяжъ, кадриліи, ломберъ, пикетъ, три листа—были въ полномъ ходу. Вмѣстѣ съ карточной игрой воздавалось, конечно, достодолжное поклоненіе Бахусу. Гости на вечеринкахъ «куликали, подпивали зѣло, гуляли шумно», а иногда цѣлый слѣдующій день проводили «въ веселой и шумной компаніи, переходя отъ снидання къ обѣду, отъ обѣда къ полудню, отъ полудня къ пидвечерку, отъ пидвечирка къ вечери, а въ промежуткахъ занимаясь все

[1]) Сулимовскій архивъ, № 82, 91: Дневникъ Н. Хавенка, «Кіевская Старина» 1884 г. № 5, стр. 43, № 3, стр. 11, № 4, стр. 20; Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 51 и 289; ч. II, стр. 185, 305, 97.

[2]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 289; ч. II, стр. 131, 180, 183; Сулимовскій архивъ, № 162.

тѣми-же кадриліями. Самые обѣды на этотъ разъ подслащаемы были, съ одной стороны, домашними настойками—циномоновыми, курдымоновыми, персиковыми и другими, венгерскимъ, бургонскимъ и волоскимъ винами, съ другой стороны легоминками: маковниками, вафлями, марцѣпаннами и проч. [1]). Кромѣ приватныхъ бенкетовъ, въ которыхъ принимали участіе лишь близкіе знакомые державци, устраивались еще «бенкеты публичные» по случаю какого либо особенно-радостнаго общественнаго событія: восшествія на престолъ новаго государя, выбора гетмана, полковника, дарованія милостей и проч. Устраивали такіе бенкеты или гетманъ, или полковникъ, или наконецъ какой нибудь присланный въ Малороссію правитель: число гостей на этомъ празднествѣ было весьма значительно, такъ какъ тутъ принимала участіе почти вся мѣстная старшина [2]).

Но главное значеніе въ дворянскомъ быту XVIII вѣка, какъ источникъ продолжительныхъ увеселеній, имѣли дворянскія свадьбы. Много простоты, общенародныхъ чертъ можно найти въ этой свадьбѣ, отличавшейся отъ крестьянской лишь большей роскошью, большимъ просторомъ, но не носившей еще вполнѣ характера сословной исключительности. Не стѣснительный, многосложный свадебный этикетъ, не привнесенныя церемоніи, лишенныя нерѣдко смысла и значенія, а простые народные обычаи имѣли главное мѣсто въ «весельномъ» пиршествѣ нашего дворянина прошлаго вѣка. Посмотрите на самое высватываніе, какъ просто, незатѣйливо, при полномъ отсутствіи современныхъ интригъ, подходцевъ и заднихъ цѣлей—совершается оно... Завидитъ бывало какой нибудь панъ ѣдущихъ черезъ деревню знатныхъ молодыхъ людей, приглянутся эти люди, «запроситъ онъ до себе на вечеру и при той вечери скажетъ своей дочцѣ частовать; и почнетъ самъ свадьбу заводить, мовячи: если кому панна потребна, то смотрите! чаю не встыдъ буде до Чернигова (родины жениха) привезти. Потомъ на завтрашній день, запросивши на обѣдъ, да и свадьбу учинитъ и знаки сва-

[1]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 18, 30, 35, 44, 104; ч. II, стр. 6, 18, 70 и другія; «Кіевская Старина» 1883 г. № 10 и 12 (Разновидности марцѣпанъ и гапусковой горѣлки).

[2]) Дневникъ Марковича, ч. I. стр. 119, 247, 429; ч. II. стр. 43, 108.

дебные подастъ» [1]). Пріѣдетъ женихъ домой, разскажетъ о случившемся, испроситъ согласія у отца и матери, а затѣмъ отправятся родственники сваты къ намѣченной женихомъ невѣстѣ. Пріѣдутъ они къ родителямъ ея съ хлѣбомъ-солью, уговорятся о приданомъ, передадутъ подарокъ невѣстѣ отъ жениха и заключатъ все это обильнымъ «куликаньемъ» [2]). Пройдетъ мѣсяцъ, другой въ приготовленіи къ свадьбѣ... Возвратится «выправленный для куплення подаровъ и для спораженія деякихъ рѣчій, потребныхъ до того акту весельного» женихъ, окончательно приготовится гардеробъ невѣсты, состоящій изъ десятка кунтушовъ, шнуровокъ аксамитовыхъ и квѣтчастыхъ, сподницъ гранѣтуровыхъ, запасокъ красныхъ златоглавыхъ, а за это-же время родители новобрачныхъ успѣютъ, частію лично, частію при посредствѣ писемъ, пригласить своихъ родныхъ и знакомыхъ «допомогти весельной компаніи», мотивируя свое приглашеніе тѣмъ, что «таковіи весельные акты найвящше пріукрашаемы бываютъ собраніемъ друзей и пріятелей» [3]). Если приглашаемый на свадьбу не могъ прибыть лично, то онъ присылалъ родителямъ новобрачныхъ поздравительныя письма съ пожеланіемъ, чтобы Господь Богъ благословилъ честное это намѣреніе совершить весьма благополучно, укрѣпилъ-бы союзъ супружескій счастіемъ, долголѣтіемъ, здравіемъ и «сыны сыновъ своихъ видѣть даровалъ» [4])... Но вотъ оставалось нѣсколько дней «до весельного акта». Въ домѣ державцы, справлявшаго весельный актъ, въ это время шли самыя тщательныя приготовленія: вычищали посуду, прибирали комнаты, подметали дворъ; особенно-же рьяно мѣстныя повариха работали на кухнѣ. Да и было надъ чѣмъ поработать, ибо гостепріимный державца «на зарѣзъ для веселья вылучилъ въ хуторѣ барановъ 40, яловицъ старыхъ двѣ, молодую одну, воловъ двухъ» [5]). На канунѣ дня свадьбы на дворѣ пана

---

[1]) Записки черниговскаго статистическаго комитета. Выпускъ 5 и 6 (Черты быта и нравовъ XVII и XVIII в., ст. Лазаревскаго).

[2]) Ibid., стр. 25. Дневникъ Марковича ч. I, стр. 72. Сулимовскій архивъ, № 153-й.

[3]) Записки черниговскаго статистическаго Комитета. Выпускъ 5, 6, стр. 86. Сулимовскій архивъ № 154, 158, 68.

[4]) Ibid., 70, 71.

[5]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 409.

появлялись рыдваны и повозки кованые, а въ нихъ державцы въ жупанахъ съ широкими гаптованными золотомъ поясами, къ которымъ привѣшены были сабли; въ высокихъ козацкихъ шапкахъ, въ красныхъ сафьяныхъ сапогахъ; а тутъ-же и жены ихъ, разодѣтыя въ штофные цвѣтные кунтуши, полутабенковые желтые, грезетовые голубые, обложенные серебрянымъ и золотымъ газомъ, съ бархатными и парчевыми закладками, съ блестящими корабликами на головахъ [1])... Всѣ эти гости или размѣщались въ домѣ державцы, или-же его родныхъ, ожидая вѣнчанія. Передъ вѣнцомъ слѣдовало обычное благословеніе родителей, наконецъ послѣ вѣнчанія наставало самое свадебное гулянье съ музыкой, съ хорами, съ обильнымъ поклоненіемъ Бахусу, съ легомпиками и закусками, съ продолжительнымъ хожденіемъ перезвы по роднымъ и знакомымъ новобрачныхъ [2]). Около недѣли тянулся свадебный пиръ южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, требовавшій много средствъ, много хлопотъ отъ хозяевъ, но доставлявшій не мало удовольствія и имъ и гостямъ посѣтителямъ. Шумная дворянская свадьба заканчивалась обдариваніемъ новобрачныхъ на первое хозяйство [3]).

Другимъ семейнымъ праздникомъ было рожденіе ребенка. И тутъ разсылались пригласительныя письма, но послѣднія сопровождались всегда посылкой родильнаго хлѣба и родильнаго взвара, т. е. сушеныхъ фруктовъ: яблокъ, грушъ, сливъ, изюма, сваренныхъ въ водѣ; позже, къ концу XVIII в., родильный взваръ замѣнился у дворянъ посылкой бутылки вина и пряниковъ. Пріѣхавшіе гости ко дню крещенія новорожденнаго привозили подарки державцѣ, посвящая нѣсколько дней куликанью и выпиванью [4]).

Не менѣе удовольствій дворянской семьѣ приносили наступавшіе праздники Рождества Христова и Пасхи, въ особенности послѣдніе. И старъ, и младъ изъ семьи дворянина принималъ участіе на первый

---

[1]) Сулимовскій архивъ, № 154, 162; Кулишъ, Михаилъ Чарнышенко, стр. 10.

[2]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г., № 4, стр. 27.

[3]) Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 13. Сулимовскій архивъ № 42. Дневникъ Марковича, ч. 1, стр. 410, 417.

[4]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 69, 72; Шафонскій, Топографическое описаніе черниговскаго намѣстничества, стр. 27; Сулимовскій архивъ, № 31, 67.

день въ розговѣнахъ; мало этого—въ обѣдѣ принимали участіе и «честнѣйшіе служители»[1]).

Открытіе праздника принадлежало юнымъ членамъ семьи—дѣтямъ дворянина, приготовлявшимъ для поздравленія вирши, написанныя учителемъ ихъ—какимъ либо студентомъ или дьячкомъ. Пріятно было родителямъ видѣть своихъ юныхъ грамотѣевъ, пріятно было воспитателю услышать благодарность отъ хозяевъ; вирши, наполненныя непонятной для ребенка миѳологіей о томъ, напримѣръ, какъ Плутонъ похитилъ Діану, приспособлялись иногда имъ самимъ къ семейному торжеству. Неприличнымъ казалось ему для поздравленія имя Плутона и вотъ недолго думая перемѣнялъ онъ его на знакомое имя тутъ-же стоявшаго дяди Платона[2]). А не то бывало полѣнится воспитатель написать виршу, а подъ руками реторика, возьметъ оттуда готовое стихотвореніе, придѣлаетъ въ концѣ: «чего и вамъ желаю, съ праздникомъ поздоровляю» и отдаетъ ученику. Выступаетъ тотъ съ знакомыми ему стихами и начнетъ декламировать:

Лишь дневной шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ
И крался тихо сквозь лѣсокъ...

Въ семьѣ смущеніе: отецъ улыбается, мать тихо укоряетъ дядю-воспитателя, дѣдъ и бабка умильно посматриваютъ, а грамотѣй все больше и больше воодушевляется:

А притчу всю короткимъ толкомъ,
Позвольте, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать,

«чего и вамъ желаю, съ праздникомъ поздоровляю». Родительскія объятія были лучшей наградой виновнику семейной утѣхи[3]). На другой и на третій день праздниковъ къ дворянину (если онъ жилъ въ городѣ)

[1]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 68; Москвитянинъ, № 17, 1852 года, Историческіе матеріалы, стр. 17.

[2]) Москвитянинъ, № 17, 1852 г., стр. 15.

[3]) Ibid., стр. 16—17.

приходили съ поздравленіемъ цехи: кушнѣрскій, кузнецкій, ткацкій, рѣзницкій, неся въ подарокъ что либо отъ своихъ издѣлій. Приходили также крестьяне и козаки тоже съ даяніемъ, что называлось дачей на «ралецъ» [1]). Лѣтомъ много удовольствія доставляли для дворянина южнорусскаго поѣздка по пасѣкамъ. Въ такихъ поѣздкахъ принимали участіе всѣ домашніе, а подчасъ и сосѣди державцы [2]).

Среди всѣхъ этихъ семейныхъ увеселеній, число которыхъ, какъ мы видимъ, было значительно, дворянинъ не забывалъ своихъ нравственно-религіозныхъ обязанностей. Постройка и украшеніе на свой счетъ церквей, содержаніе священниковъ и всего церковнаго причта, отписываніе имущества на монастыри—явленія заурядня въ прошлой жизни нашего дворянина [3]). При этомъ, заботясь объ устройствѣ церкви, онъ заботился въ тоже время и о нравственной сторонѣ священника-пастыря, который обязывался державцѣ: «съ парафіянами обходиться ласкаво и тихо, въ лишнія гулянья, непристойныя мѣста и шинки не ходить, не упиваться, парафіянъ-же обучать христіанскимъ обрядамъ, какъ почитать Всевышняго Творца и ему молиться» [4]).

Мало того, даже въ домашней жизни религіозные обряды исполнялись строго; назначались домашнія эпитеміи: «Новый Завѣтъ прочесть черезъ годъ и внимательно набоженства слушать, мыслію не скитался», или «псалтырь прочесть не въ зачетъ обыкновеннаго чтенія», «по средамъ и пяткамъ по три каѳизмы» [5]). По умершемъ справлялись частые обѣды: третинный, девятинный, полусорочинный, сорочинный, роковый (годичный) обѣдъ и на святой въ четвергъ. Обѣды сопровождались щедрой роздачей денегъ: церковному причту, школьнымъ молодыкамъ, старцямъ, въ шпитали, на бурсу, наконецъ на «тѣхъ, которые по турмахъ сидятъ». Сорокоусты при этомъ справлялись въ двадцати и болѣе церквяхъ. Годичный расходъ на поминки доходилъ до нѣсколькихъ сотъ рублей [6]).

[1]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина», № 10, стр. 103.

[2]) Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 144.

[3]) Сулимовскій архивъ, № 166, 168, 180.

[4]) Сулимовскій архивъ, № 472.

[5]) Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 106, 200.

[6]) Сулимовскій архивъ, № 40, 47, «Кіевская Старина» 1883 г., № 11. Завѣщаніе Григорія Галагана, стр. 466; Записки черниговскаго статистическаго комитета. Выпускъ 1 и 2, стр. 77 ст. Лазаревскаго.

Но какъ ни важны и ни дорого стоющи были всѣ эти заботы о спасеніи души и въ тоже время о разныхъ удовольствіяхъ, не онѣ главнымъ образомъ охватывали жизнь нашего дворянина, не въ нихъ онъ видѣлъ счастье своей жизни, не здѣсь сосредоточивалось главное его вниманіе. Были въ его жизни болѣе дорогія, болѣе близкія заботы, на которыя посвящалось много времени, силъ, труда. То были попеченія о семьѣ. Каковъ былъ идеалъ семейныхъ отношеній, лучше всего видно изъ слѣдующаго завѣщанія одного дворянина прошлаго вѣка (1746 г.): «всѣмъ вамъ дѣтямъ моимъ, старшимъ и меншимъ, когда прійдутъ въ возрастъ сей крайній, предаю завѣтъ, дабы вы, яко единокровные, другъ друга любили, житіе свое при всякихъ доброчинностяхъ по заповѣдемъ Божіимъ производили и всякіе дѣла не сами собою, но за совѣтомъ старшихъ сестеръ и братовъ, а паче въ малженствѣ (супружествѣ) и другихъ станахъ вщипали, и порученніе вамъ отъ мене имѣнія у добромъ порядкѣ содерживали и не расточевали онихъ». Если-же кто нибудь изъ дѣтей расточалъ имѣніе, то другіе должны были лишить его части наслѣдства и раздѣлиться ею; въ случаѣ-же несчастнаго разоренія имѣніе потерпѣвшаго должно было поступить въ залогъ или продажу, но только его родственникамъ [1]).

Семья дворянская никакимъ образомъ не допускала выдѣлять своего члена прежде женитьбы. Холостая жизнь внѣ семьи считалась новшествомъ, позорящимъ семью, удручающимъ родителей, противнымъ общенароднымъ обычаямъ. Даже женатые сыновья не всегда выдѣлялись изъ семьи, предпочитая жизнь подъ родительскимъ кровомъ, при взаимной помощи, жизни самостоятельной, внѣ семьи [2]). Много лежало заботъ у отца и матери о семьѣ; но главными изъ нихъ были воспитаніе дѣтей и возможно большее матеріальное ея обезпеченіе.

Первоначальное воспитаніе дѣтей велось на дому: съ этою цѣлью нанимаемы были дьяки и семинаристы для мальчиковъ, учительки или инспекторки для дѣвочекъ. Дьячки, собравъ достаточное число мальчиковъ, заводили нѣчто въ родѣ школы, гдѣ столы замѣняли классы.

---

[1]) Завѣщаніе бунчуковаго товарища Бутовича. Записки черниговскаго статистическаго комитета, Выпускъ 1 и 2, стр. 119, ст. Лазаревскаго.

[2]) Сулимовскій архивъ, № 60.

Назывались они по предметамъ преподаванія: букварь, часословъ и псалтырь. «Школьники дѣлились на мальчиковъ, подростковъ и взрослыхъ. Писали сначала разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ воскомъ черныхъ дощечкахъ не слоистаго дерева, съ простроченными линейками, а пріученные писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго-же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолойный классъ для церковнаго пѣнія, уроки котораго производились раза три въ недѣлю: зимою въ комнатѣ дьяка, а по веснѣ подъ навѣсомъ... А для вспоможенія себѣ дьякъ старшимъ поручалъ меньшихъ. Отцы за науку платили дьяку по условію за каждый классъ натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ было торжествомъ всей школы. Окончившій приносилъ въ школу большой горшокъ сдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ съ особымъ обрядомъ бралъ платокъ себѣ, школьники съѣдали кашу, а горшокъ разбивали палками гдѣ либо на пустырѣ въ мелкіе куски. Къ праздникамъ дьякъ давалъ ученикамъ поздравительныя вирши» [1]).

Болѣе состоятельные дворяне предпочитали имѣть у себя дома учителя. Бывало и такъ, что два или три семейства совмѣстно договаривали воспитателя. Предметами обученія были: латинскій, нѣмецкій, французскій языкъ, политика, поэтическое искусство и учтивость. Съ учителемъ заключался обыкновенно контрактъ, чему онъ долженъ учить, а также, какое ему вознагражденіе. Вотъ, для примѣра, такой контрактъ: «Иванъ Аркадійскій обязался учить сына Мишу по латыни и по нѣмецки, а ему за ученіе 20 р. въ годъ, за столъ-же и прочее 50 р., муки пшеничной 1 четверть, гречневыхъ крупъ 1 четверть, муки житной 4 четверти, пшена полъ-четверти, сахару двѣ головы». «Учителкѣ» къ подобнымъ условіямъ прилагались еще «лигоминки» [2]).

Домашними учителями являлись чаще всего семинаристы, бродившіе по городамъ и селамъ за денежными пособіями. Прійдя въ деревню, семинаристы пѣли по церквямъ, затѣмъ посѣщали господскіе дома, гдѣ, вручивъ предварительно хозяину свои орацiи, играли интермедіи и распѣвали духовные стихи [3]). Державца, нуждавшійся въ воспитателѣ,

---

[1]) Москвитянинъ, 1852 г., № 17, стр. 7.

[2]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 392, 399, 403, 225, 264.

[3]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г. № 3, стр. 7, 16.

заставлялъ одного изъ пришедшихъ семинаристовъ что нибудь пропѣть, прочитать, а затѣмъ уже заключался контрактъ [1]).

Научившись первоначальной грамотѣ, дворянскія дѣти поступали въ латинскія школы, гдѣ совершенствовались въ латинскомъ языкѣ, постигали затруднительное, темное стихотворство, краснорѣчіе, философію и отчасти новые языки. Такія латинскія школы существовали въ Кіевѣ съ именемъ академіи, Черниговѣ, Переяславѣ и Харьковѣ подъ названіемъ коллегій. Но главное мѣсто, куда направляли свои стопы дворяне, былъ Кіевъ. Здѣсь поступали они въ академію, живя на частныхъ квартирахъ подъ присмотромъ инспектора, привезеннаго изъ дому. На обязанности инспектора лежало веденіе продовольственной части, наблюденіе за исправнымъ посѣщеніемъ уроковъ воспитанниками, за хожденіемъ въ церковь, баню и проч. Инспекторъ поступалъ съ дѣтьми гуманно: ему не только не позволялось «за лобъ рвать, по головѣ бить, но даже назвать дѣтей мужикомъ или свиньей» [2]). Ученіе, происходившее въ неизмѣнныхъ классахъ: Фары, Инфимы, Грамматики, Синтаксики, Поэзіи, Риторики, Философіи и Богословіи, носило характеръ безжизненности, темноты и схоластичности. Покончивъ ученіе въ мѣстныхъ школахъ, часть воспитанниковъ поступала въ гражданскую службу, начиная ее въ войсковой генеральной канцеляріи, а позже въ малороссійской коллегіи [3]). Но значительное число покончившихъ съ домашней наукой продолжали искать свѣта въ польскихъ училищахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, а съ половины XVIII в. и въ нѣмецкихъ университетахъ. Охота продолжать ученіе въ заграничныхъ школахъ была настолько велика у воспитанника, что даже матеріальная нужда не страшила его. «Когда мнѣ не пришлютъ денегъ, пишетъ воспитанникъ изъ Вроцлавля, и то, хочъ хлѣба просячи, буду учиться. Богъ мене не оставитъ... Але теперъ познаю, що то есть наука, що то ученій человикъ? який зъ его пожитокъ! Также вѣра святая не можетъ стояти безъ науки: якъ можемъ церковь святую отъ еретиковъ чисту сохранити безъ науки? Не могу словами выразити» [4]).

---

[1]) Москвитяninъ, ibid., стр. 9.

[2]) Сулимовскій архивъ, № 143. Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 275.

[3]) Шафонскій, стр. 35.

[4]) Сулимовскій архивъ, № 34.

Интересны по своей значительности и разнообразію тѣ требованія, которыя предъявлялись подчасъ сыну со стороны отцовъ при отправкѣ его въ заграничный университетъ. Требовалось изучить латинскій, французскій, нѣмецкій языки настолько, чтобы «чинно и свободно оными разговаривать и самимъ изрядным стилемъ писать», но главное «высокихъ авторовъ на тихъ языкахъ не токмо читать, но и переводить и толковать»; сверхъ языковъ полагалось пройти: церковную и свѣтскую, генеральную и партикулярную исторію, поэтику, риторику, логику, физику, метафизику, отчасти ариѳметику, астрономику, геометрію, тригонометрію, архитектуру, географію, этику, экономику, политику, юриспруденцію и механику, да еще «живописства, музыки, либо какого другого мастерства». При этомъ все это требовалось постигнуть такъ, чтобы «за возвращеніемъ въ отечество показать въ самой вещи, яко не всуе въ чужихъ краяхъ было обращеніе и въ наукахъ не напрасно потеряно время» [1]). Допустимъ, что это максимумъ требованій, предъявляемыхъ учащемуся, допустимъ, что писавшій это письмо генеральный хорунжій, Николай Ханенко былъ человѣкъ въ то время по образованію и уму не заурядный, но все таки, если возьмемъ даже минимумъ требованій, то и тогда они будутъ значительны. Здѣсь мало одного формальнаго отношенія къ дѣлу. Нужна любовь къ наукѣ, особенная страсть и уваженіе къ просвѣщенію, чтобы, теряя значительныя матеріальныя средства, претерпѣвая нерѣдко лишенія, ѣхать учиться въ чужія страны и одолѣть такую массу научнаго матеріала.

Что привязанность къ наукѣ была въ значительной степени развита среди южно-русскаго дворянства прошлаго вѣка, объ этомъ свидѣтельствуютъ литературныя занятія дворянина у себя на дому. Желаніе знать современныя событія понуждало его выписывать газеты французскія, нѣмецкія и русскія. Выписка заграничныхъ газетъ затруднена была тѣмъ обстоятельствомъ, что приходилось сначала высылать деньги въ Москву къ почтмейстеру и уже оттуда выписывались заграничныя газеты [2]). Кромѣ газетъ, выписывались еще книги изъ Гданска (Дан-

[1]) Дневникъ Ханенка. Предисловіе А. Лазаревскаго, «Кіевская Старина» 1884 г., № 3, стр. XI и XII.

[2]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г., № 6, стр. 62; Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 181, 126; ч. 1, стр. 62.

цига), Москвы и другихъ мѣстъ. Постепенное накопленіе книгъ способствовало составленію домашнихъ библіотекъ, число томовъ которыхъ доходило иногда до нѣсколькихъ сотенъ [1]). Иная книга переходила долго изъ рукъ въ руки прежде, чѣмъ бывала возвращена въ библіотеку. Судя по книгамъ, особенный интересъ среди дворянства имѣли сочиненія историческія: Sulpitii Severi—historia sacra; Buddei—historia ecclesiae; Cleverii—introductio in universam geographiam; Puffendorfi—introductio ad historiam Europae; Historia Poloniae; Historia rerum in Europa; De bello scytico cosacico; Woyna domowa; geographia antiqua et nova—Celarii и проч.

Непомѣрное чтеніе доводило иной разъ слишкомъ усерднаго читателя до сумашествія. Въ 1740 г. бунчуковый товарищъ Лаврентій Борозна помѣшался, началъ буйствовать, выгоняя изъ дому дѣтей и жену. Послѣдняя жаловалась на мужа за его «непотребніе затѣйки», объясняя, что «то все ему не съ чего инного приходитъ, какъ толко зъ его едного во умѣ помѣшателства, которое ему болѣе, уповаю, приключилось отъ излишнего пяннаго напитку, такожъ многаго писанія и излишнего тожъ чтенія книгъ, ибо онъ, мужъ мой, и пинѣ не токмо, чтобъ куда проѣздился или за экономію господарскую имѣлъ какое радѣніе, кромѣ едного разоренія, не прибавля по экономіи ничего, но здержуя и готовне, по излишеству его, денги, а болѣе, затворясь крѣпко въ избѣ, пишетъ и читаетъ и чрезъ восемъ лѣтъ уже, по закону христіянскому, не сообщается всенайсвятѣйшимъ тайнамъ и въ церковъ никогда не ходитъ; но когда пойдетъ, то развѣ подъ алтаремъ постоитъ мало, а внутрь церквѣ никогда ходу не имѣетъ, имѣя о томъ нѣкоторое умовредное мнѣніе: взялъ-же себѣ въ мысль, что ежели неправедного, по его мнѣнію, человѣка убитъ, нѣкакова отвѣта предъ Богомъ не дастъ, но еще, за то и особливое получитъ спасеніе» [2]).

Трудно опредѣлить въ данномъ случаѣ содержаніе книгъ, чтеніе которыхъ такъ гибельно отразилось на умственномъ состояніи Борозны.

---

[1]) Дневникъ Хавенка, «Кіевская Старина» 1884 года, № 8, стр. 67. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 121, 225; ч. 1, 267.

[2]) Записки черниг. статист. комитета. Вып. 1 и 2, стр. 73.

Видно одно только, что помимо чтенія въ данномъ случаѣ работала мысль и работала, по всей вѣроятности, сильно...

Послѣ всего сказаннаго о степени и характерѣ образованности южно-русскаго дворянства, намъ станутъ вполнѣ понятны его просьбы къ русскому правительству объ открытіи въ краѣ университетовъ и гимназій. Первая попытка (1760 г.) въ этомъ родѣ принадлежитъ гетману Разумовскому, который внушилъ члену малороссійской коллегіи Теплову составить проэктъ относительно учрежденія университета въ Батуринѣ. Мотивами къ устройству университета были выставлены, съ одной стороны, склонность малороссійскаго народа къ наукамъ, съ другой отсутствіе удовлетворительныхъ школъ для высшихъ занятій, ради которыхъ «желающіе понять свыше того, что въ школахъ малороссійскихъ преподается, добровольно, положа надежду на щедрость податѣлей, выходятъ въ польскія училища, нѣмецкіе университеты, а иногда и до Рима, почитая оный, по ихъ мнѣнію, за древній Коринѳъ». На постройку университета предполагалось часть суммы собрать изъ дворянъ «по пропорціи своего имущества», такъ какъ «сіе учрежденіе для воспитанія господскихъ дѣтей постановляется». Въ студенты университета могли поступать воспитанники, окончившіе курсы въ кіевской, переяславской, черниговской, бѣлгородской и польскихъ школахъ. Курсъ ученія полагался трехгодичный. Лекціи должны были читаться по слѣдующимъ каѳедрамъ: 1) латинскаго краснорѣчія; 2) логики, метафизики, философіи практической; 3) натуральному праву и юриспруденціи; 4) древностямъ, исторіи литеральной и политической, генеалогіи и геральдики; 5) физикѣ теоретической и практической; 6) физикѣ экспериментальной и математикѣ со всѣми ея частями; 7) анатоміи; 8) химіи; 9) ботаникѣ и исторіи натуральной [1]).

Въ 1764 году было подано Екатеринѣ II прошеніе южно-русскаго дворянства о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, гдѣ между прочимъ была выражена просьба объ основаніи въ Малороссіи двухъ университетовъ: въ Кіевѣ съ четырьмя факультетами, въ Батуринѣ съ тремя. Въ этомъ-же прошеніи возбуждалось ходатай-

[1]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ 1863 г. книга 2, стр. 67—85.

ство объ основаніи гимназій [1]). Три года спустя, когда выбирались депутаты въ «коммиссію для сочиненія новаго уложенія», наше дворянство въ своихъ наказахъ снова проситъ императрицу пожаловать ихъ высочайшею милостію, учредить университетъ въ Переяславѣ, «яко сей городъ не послѣдній между малороссійскими городами»; затѣмъ проситъ учредить шляхетскій корпусъ, гимназію и «домъ воспитательный для дѣвицъ, ибо и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитаніи». Но не суждено было осуществиться этимъ благороднымъ порывамъ южно-русскаго дворянства [2]). Ни одинъ изъ проэктируемыхъ университетовъ не былъ открытъ, а гимназіи начали открываться только въ началѣ XIX вѣка. Становится въ данномъ случаѣ непонятнымъ тотъ индеферентизмъ, съ какимъ правительство Екатерины II отнеслось къ просьбамъ дворянства о расширеніи мѣстнаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина любила просвѣщеніе и глубоко уважала дворянское сословіе. Нельзя думать, чтобы тутъ была боязнь или какое-нибудь преднамѣренное желаніе задержать образованіе края. По всей вѣроятности, военныя предпріятія екатерининской эпохи и другія дѣла внутри государства заставляли откладывать просвѣщеніе южной Руси въ долгій ящикъ.

Подводя теперь итогъ потребностямъ южно-русскаго дворянина прошлаго вѣка, мы увидимъ, что онѣ были довольно значительны. Начиная съ увеселеній, переходя къ религіознымъ потребностямъ и кончая стремленіемъ къ наукамъ и воспитанію дѣтей—все требовало значительныхъ матеріальныхъ затратъ, болѣе или менѣе высокой матеріальной обезпеченности, а также хорошаго состоянія тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ добывались средства, говорю хорошаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ нужно было находить другія лазейки. Къ сожалѣнію, южно-русское дворянство прошлаго вѣка, стремясь къ обогащенію, сосредоточивало свои заботы только на количествѣ доходовъ, а какимъ образомъ они добывались, объ этомъ, какъ увидимъ, мало думали наши дворяне.

---

[1]) «Кіевская Старина» 1883 г., № 6, стр. 344.

[2]) Аѳсѣенко, Малороссія въ 1767 г., стр. 48.

Главнымъ источникомъ матеріальныхъ средствъ для нашего дворянина служила земля, пріобрѣтеніе которой большею частію обходилось безъ затратъ, а если и съ затратами, то самими незначительными: получались земельные участки съ хуторами и селами въ подарокъ отъ государя или гетмана за службу, отъ родныхъ по наслѣдству, отъ козаковъ путемъ покупки и отбиранія за долги, наконецъ присваивались ранговыя имѣнія, т. е. отданныя на время занятія извѣстной должности. Такимъ образомъ составлялись громадныя имѣнія въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли, съ даровыми рабочими руками, являвшимися въ лицѣ крестьянъ, жителей полученныхъ помѣстій [1]). Большая часть земель засѣвалась рожью, но послѣдняя рѣдко шла въ продажу. Для нея было другое употребленіе—это винокуреніе. Производство водки было сильно распространено между дворянскимъ сословіемъ XVIII в., что является вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе съ одной стороны полную свободу выкуриванія и продажи водки, безъ всякихъ налоговъ, а съ другой невозможность сбывать на рынкѣ рожь за отсутствіемъ большаго спроса. Вотъ почему въ XVIII в. почти въ каждомъ помѣщичьемъ хуторѣ находилась винокурня, выкуривавшая десятки куфъ (бочекъ) водки, которая путемъ продажи распространялась на мѣстѣ, а еще больше въ Великороссіи, на Кавказѣ и за границей [2]). Каждый державца, имѣвшій винокурню, имѣлъ въ то-же время нѣсколько шинковъ по городамъ и селамъ. Шинки эти отдавались иногда въ аренду евреямъ, а иногда помѣщикъ садилъ туда честнѣйшаго изъ своихъ слугъ. Торговля въ шинкахъ была очень выгодна для державцы. Она доставляла ему и деньги и рабочую силу, ибо всякій крестьянинъ и козакъ, набравшій въ долгъ водки и не имѣвшій средствъ уплатить долга—поступалъ въ услуженіе къ державцѣ [3]). Кромѣ земледѣлія, державцы занимались еще скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Число овецъ державцы простиралось до нѣсколькихъ тысячъ; но содержаніе овецъ велось небрежно, что вызвало извѣстныя

---

[1]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 213; см. вын. 62.

[2]) Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г. Прибавленіе, стр. 142. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 339.

[3]) Дневникъ Марковича, стр. 256, ч. 2.

мѣропріятія Петра I, разеславшаго по Малороссіи регулы, т. е. правила, какъ содержать овецъ. Больше цѣнились волы, которыхъ много продавали въ Силезію и Москвѣ. Распространены были также конскіе заводы, гдѣ содержались лошади разныхъ породъ: неаполитанской, англійской, гишпанской, датской, барбарской и проч. Лошади сбывались преимущественно въ Польшѣ [1]). Но самымъ любимымъ занятіемъ для дворянина было пчеловодство. Пасѣки были громадны: каждая вмѣщала до 200 ней, а такихъ пасѣкъ бывало 4, 5 и больше. Непосредственное веденіе пасѣки поручалось пасѣчнику, на обязанности котораго лежало: ульи дѣлать, аккуратно пчелъ кормить медомъ, выискивать удобныя мѣста для перевозки лѣтомъ пасѣки, стараться объ увеличеніи прибыли, ставить ульи въ погребъ на зиму и навѣдываться туда [2]). Существовало еще дупляное пчеловодство, иначе бортничество, особенно распространенное въ лѣсныхъ мѣстностяхъ.

Не менѣе было развито производство пеньки, особенно въ Стародубовщинѣ. Мало того, что дворяне сами разводили ее; они давали еще мужикамъ въ долгъ деньги, требуя возврата пенькой. Пеньку для продажи отправляли въ Ригу, Петербургъ и Архангельскъ, гдѣ частію продавали за деньги, частію-же промѣнивали на сукна и вино и на товары, необходимые для домашняго обихода [3]).

Существовали еще тютюнныя (табачныя) плантаціи, преимущественно въ полкахъ черниговскомъ и нѣжинскомъ, въ сотняхъ конотопской и борзенской, отчасти въ полкахъ полтавскомъ, гадяцкомъ, прилуцкомъ и сотнѣ роменской. Табакъ производился: простой, виргинскій, амерфордскій, турецкій и гадяцкій. Для продажи его отправляли въ Бѣлоруссію, Сибирь, Петербургъ, Польшу, Крымъ, Курляндію и Запорожье [4]). Что касается до заводовъ и фабрикъ, то ихъ, кромѣ винокурень и будъ (селитренныхъ заводовъ), въ южно-русскомъ краѣ было мало.

У нѣкоторыхъ державцевъ были заводы желѣзные въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ. Руда, добываемая изъ болота, годилась только

---

[1]) Шафонскій, Топограф. описс. черн. нам., стр. 533. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 316; ч. 1, стр. 253.

[2]) Сулимовскій архивъ, № 98.

[3]) Сулимовскій архивъ, № 129.

[4]) Шафонскій, стр. 10. Дневникъ Марковича, ч. 1. стр. 21, 39.

для плавленія чугуна и мелкихъ полосъ желѣза. Послѣднее употреблялось исключительно на мѣстѣ [1]). Больше было развито стекляное производство. На гутахъ (такъ назывались въ южной Руси стекляные заводы) выдѣлывалась посуда для домашняго обихода, часто изъ простаго зеленаго стекла; бѣлаго-же оконнаго и хрусталя почти не выдѣлывалось. Въ большомъ распространеніи, какъ я уже сказалъ, было селитрейное производство. Въ каждомъ полку и сотнѣ находились буды, выдѣлывавшія селитру. Главнымъ мѣстомъ продажи ея были шостенскіе пороховые заводы [2]).

Наконецъ у помѣщиковъ въ домахъ выдѣлывались: домашніе холсты, скатерти, серветки, ковры, простыя бѣлыя и черныя сукна для домашняго употребленія и продажи [3]). Если товары продавались дворяниномъ на мѣстныхъ деревенскихъ и городскихъ ярмаркахъ, то покупателями ихъ чаще всего являлись мѣстные торговцы, называвшіеся «гандлювными людьми». Эти гандлювные люди покупали: водку, тютюнъ, вовну, воскъ, лой, ганушъ (анисъ) и проч., ведя торговлю въ Силезіи, Кролевцѣ прусскомъ, Слуцкѣ, Вильнѣ, Данцигѣ, Могилевѣ и проч. [4]).

Такимъ образомъ предметомъ торговли въ большинствѣ случаевъ были сырые матеріалы.

Вообще-же обрабатывающая промышленность и торговля края были весьма неразвиты и среди низшихъ сословій, и среди дворянства, такъ что съ «великою нуждою можно какую нибудь порядочно сдѣланную вещь получить, а должно почти все изъ Москвы или Петербурга доставать» [5]).

---

[1]) Ibid., стр. 20; Сулимовскій архивъ, № 141.

[2]) Шафонскій, стр. 21, 328, 412, 628, 650. Сулимовскій архивъ, № 142. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 310. Въ предѣлахъ полтавской и черниговской губерній до сихъ поръ сохранились названія селъ и хуторовъ: Буды, Рудни, Гуты, мѣста, гдѣ были въ XVIII в. заводы.

[3]) Шафонскій, стр. 616 и др. Намъ приходилось видѣть въ Гадячѣ изъ этихъ издѣлій ковры; цвѣта шерсти подобраны были удачно. Рисунки выполнены удовлетворительно и взяты изъ мѣстной жизни: бандуристъ сидящій, крестьяне въ національныхъ костюмахъ и проч.

[4]) Архивъ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ, № 3216. Сообщеніемъ этого документа мы обязаны проф. Д. И. Багалѣю.

[5]) Шафонскій, ibid., стр. 21.

Вотъ эта-та невозможность удовлетворять большую часть своихъ потребностей у себя дома, а также мѣстными произведеніями, въ связи съ неумѣренной страстью къ обогащенію заставляла дворянина искать другихъ источниковъ доходовъ. Этими источниками явились непомѣрныя повинности крестьянъ, выражавшіяся въ двухъ ихъ положеніяхъ: одни «крестьяне панщину робили», другіе на «чиншѣ сидѣли». Кромѣ этого крестьяне должны были давать державцѣ еще такъ называемую осенщину. Она собиралась съ урожая по числу рогатаго скота: помимо хлѣба осенщина выплачивалась деньгами, домашней птицей, овцами, мотками нитокъ, орѣхами, хмѣлемъ, лйцами, произведеніями домашней утвари и проч. Платили также за позволеніе жениться, что называлось «куничными грошами». Съ насѣкъ брали ичелинную десятину (1 улей отъ десятины), очковое (отъ улья), съ тютюна-же— тютюнную.

Что касается до количественныхъ размѣровъ этихъ повинностей, то они опредѣлялись исключительно самимъ державцею. Отъ его воли зависѣло уменьшить или увеличить требованія, щадить крестьянъ и ихъ имущество, заботиться о развитіи ихъ хозяйства или, игнорируя всѣмъ этимъ, стараться только лишь о возможно большемъ полученіи прибыли. Къ сожалѣнію среди южно-русскаго дворянства прошлаго вѣка проявились стремленія лишь втораго рода. Какъ панщина, такъ и другія повинности были неумѣренны, и тяжело ложились на крестьянское сословіе. Панщина, ограниченная 2-мя днями въ недѣлю, дошла до 4-хъ и 5 дней, благодаря чему крестьяне жаловались, что «имъ не можно и хлѣба лѣтомъ заработать» [1]). Размѣры другихъ повинностей были настолько значительны, что окончательно разорляли крестьянское хозяйство [2]). Большей зависимости крестьянъ отъ державцы способствовали также частые ихъ займы денегъ и продуктовъ. Державца, дабы побольше получить себѣ выгоды, запрещалъ своимъ крестьянамъ зани-

---

[1]) См. Посполитые крестьяне, А. Лазаревскаго, стр. 48, 46.

[2]) Ibid. Въ м. Шановздовкѣ (борзенской сотни) крестьянъ считалось 78 домохозяевъ: многоземельныхъ 5, малоземельныхъ 27, огородниковъ 8 и безземельныхъ 38. Одни отдавали державцѣ жита батуринской мѣры 50 осмачковъ, овса 75 осмачковъ, пшеницы 3 четверти, пшона 3 четверти, гороху 3, сѣмени конопля-

мать что-либо у кого другаго, кромѣ себя. Заемъ для большей гарантіи производился иногда цѣлому обществу. Вотъ для примѣра условія займа: «слоутцы дали обликъ на 50 р., имъ данные взаймы, съ условіемъ возить намъ 10 лѣтъ дрова и дерево и всякаго года давать намъ на 1 или 2 дня косарей по 20 человѣкъ» [1]).

Нѣкоторые державцы, занимавшіеся торговлей, имѣли обыкновеніе раздавать крестьянамъ для продажи свои товары: шелкъ, сафьянъ, вино и др. Цѣны на товаръ выставлялись высокія, такъ что крестьяне отъ продажи товара получали значительные убытки; но державца требовалъ означенную плату сполна, что и долженъ былъ выполнить посполитый, ибо въ противномъ случаѣ ему грозили «кіевіе побоища, мордерское обращенье», наконецъ тюрьма, куда сажали подъ часъ и ни въ чемъ неповинную жену должника [2]). Результатомъ такихъ угнетеній крестьянъ было то, что они бросали свои дома, бросали свое имущество и уходили искать лучшей жизни; но бывали еще худшія послѣдствія— крестьяне поднимали буйства, оканчивавшіяся весьма плохо для державцы: «онъ бывалъ забитъ, пробитъ и носъ ему отрѣзанъ» [3]).

Коснувшись крестьянскихъ повинностей, какъ источника доходовъ южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, нельзя тутъ-же не упомянуть о другой общественной группѣ XVIII вѣка—козачествѣ, приносившемъ то-же немало прибыли дворянину. Правда, добываемыя изъ этого источника средства, являются результатомъ насилія, цѣлаго ряда несправедливостей, нарушенія войсковаго права и носятъ какъ-бы частный, случайный характеръ, но они настолько все-таки значительны, что не упомянуть о нихъ нельзя. Прежде всего козаки являлись рабочей силой для нашего дворянина. Недостатокъ въ работникахъ при обширности

наго 3 четверти; кромѣ того 300 кварт масла (по кварт отъ вола), 300 кварт олѣи, овецъ 230, кабанивъ годованихъ 60, гусей 300, утокъ 300, курей 600, яицъ 5000, грошей 200 золотыхъ (золотой 20 коп.), не говоря уже о томъ, что эти-же крестьяне безплатно орали поле, косили сѣно, убирали хлѣбъ, возили подводами въ Москву пашню и горѣлку. Въ большей или меньшей степени такой-же характеръ носили повинности и у другихъ державцевъ. Ibid., стр. 36—68.

[1]) Дневникъ Марковича, ч. 1, стр. 391; ч. 2, стр. 377, 387.

[2]) Лазаревскій. Посполитые крестьяне, стр. 51, 63.

[3]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 122.

маетностей побуждалъ державцу, занимавшаго извѣстный урядъ (должность), произвести давленіе на козаковъ и заставить ихъ не только плотины гатить, дерево возить на разныя постройки, землю пахать своими плугами, хлѣбъ жать, но даже печи топить, дрова рубить, коней поить и проч. Вдовъ козачьихъ также сгоняли для всякой работы: бѣлье мыть, посуду чистить, хаты бѣлить и всякое дѣло дѣлать, что прикажутъ наравнѣ съ наемными работницами [1]).

Да при этомъ «жезлъ внушенія» имѣлъ большое приложеніе, такъ что козаки заявляли, что «не мордовали такъ паны лядскіе (польскіе) своихъ подданныхъ и не забивали до смерти кіями», какъ панъ свой, «препровождавшій до смерти и калѣцства» [2]).

Но на этомъ власть дворянина не останавливалась, она шла дальше; она посягала не только на личныя, но и на имущественныя права козака. Захватывали державцы у козаковъ поля, рыбныя ловли, млины, сѣнокосы; при этомъ съ такимъ «гвалтовнымъ нападеніемъ», что выбирали изъ жилыхъ хатъ двери и окна [3]).

Пути, которыми производились захваты козацкаго имущества, были разные.

Купитъ бывало державца въ своемъ полку часть земли и начнетъ отсюда мало по малу распространять свое давленіе на козаковъ, пріобрѣтая все больше и больше грунтовъ. Заплатитъ одному, другому за землю, «а сотни людей неволею должны свое имущество оставлять; да настроитъ хуторовъ на свободныхъ степяхъ, и такое стѣсненіе сдѣлаетъ хуторами въ полку, что куда не глянешь, все его хутора и все будто купленные, а купчія беретъ, хотя и не рады продавать» [4]). А вотъ и другой путь. Отдастъ державца козаку изъ извѣстной части «вышинковать» въ своей деревнѣ водки, «а ищетъ къ такому дѣлу такихъ козаковъ, которые-бы удобнѣе у него забраться и замотаться могли» и достигнетъ своей цѣли. Пройдетъ извѣстный срокъ, помѣ-

[1]) Русскій Архивъ 1864 г., № 5, стр. 494. Жалоба лубенскаго козака на пана Марковича Петру II. «Кіевская Старина» 1882 г., № 3. Люди старой Малороссіи, Лазаревскаго, стр. 425.

[2]) Русскій Архивъ 1875 г., № 7, стр. 252.

[3]) Русскій Архивъ, 1875 г., № 3, стр. 324.

[4]) Ibid., 1875 г., № 7, стр. 252.

щикъ задастъ козаку столько вина, что онъ не въ состояніи за него потомъ всѣ деньги уплатить. Тогда начинается судебный процессъ по козацкому обязательству; въ итогѣ получается потеря козакомъ грунтовъ своихъ, если-же ихъ мало, то и самъ поступалъ къ державцѣ въ отслугу [1]).

Такими или иными путями, козакъ, доведенный южно-русскимъ дворяниномъ до крайняго убожества и скудости, нерѣдко бросалъ свою козацкую службу, отказывался отъ присвоенныхъ ему правъ и поступалъ къ державцѣ въ качествѣ простаго работника, крестьянина.

Другаго исхода отъ насилій у козака не было, такъ какъ дворянинъ, являвшійся въ данномъ случаѣ его угнетателемъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ его военный и гражданскій начальникъ. Онъ могъ тѣснить на каждомъ шагу. Поданная въ судъ жалоба въ большинствѣ случаевъ не имѣла значенія, ибо была парализуема судьями, представлявшими собою людей, которые установили за принципъ: сильнаго миловать, слабаго тѣснить. По селамъ процвѣтали корчемные суды, т. е. судили въ шинкахъ, гдѣ можно было скорѣе прійти къ желаемымъ результатамъ, благодаря спаиванію. Въ городахъ дѣйствовала взятка и насиліе. Не сдерживаемый на урядѣ властію, смотрѣвшій на свои служебныя обязанности лишь только съ точки зрѣнія наживы, державца бывалъ плохимъ общественнымъ дѣятелемъ, еще худшимъ общественнымъ борцемъ, въ особенности, когда его личные интересы были въ сторонѣ. Въ походахъ, въ судахъ, въ канцеляріяхъ, словомъ, гдѣ только можно было поживиться, онъ живился, не стыдясь взятокъ, насилій, утаиваній общественныхъ денегъ и проч. Ни слезы, ни мольбы потерпѣвшихъ не могли смягчить его сердца. Стремленіе къ наживѣ, къ пріобрѣтенію богатства—все заслоняло предъ его глазами [2]). И дѣйствительно дворянинъ южно-русскій въ значительной степени этой цѣли

[1]) Кулишъ, Записки о южной Руси; Записка Теплова, стр. 193.

[2]) Желающихъ подробно ознакомиться съ общественною дѣятельностію украинскаго дворянства прошлаго вѣка отсылаемъ къ статьямъ почтеннаго изслѣдователя южно-русской старины А. Лазаревскаго. См. Записки черниговскаго статистическаго комитета, Вып. 1 и 2; Русскій Архивъ, Очерки малорусскихъ фамилій, 1875 г., т. I, II, III; 1880 г., т. I; «Кіевская Старина» 1882 г., № 1, 3; 1884 г., № 1.

достигалъ. Матеріальное его положеніе въ XVIII в. было, какъ мы видѣли, весьма удовлетворительно.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ государственныхъ повинностяхъ, которыя лежали на южно-русскомъ дворянинѣ.

Главныя изъ нихъ были: 1) содержаніе войскъ на зимнихъ квартирахъ, 2) раціи и порціи, взимавшіяся во время войнъ, 3) наконецъ участіе на свой счетъ лично въ походахъ и посылка крестьянъ въ такіе походы.

Всѣ эти повинности тяжело отражались на хозяйствѣ державцы. Размѣры порцій и рацій на консистентовъ (квартирующихъ солдатъ) и на армію не были строго установлены, почему эти налоги взимались большею частію безъ мѣры, притомъ взимались экстренно, такъ что не было никакой возможности приготовиться заранѣе или просить отсрочки. При этомъ, если не выполнялось то или иное требованіе, то прибѣгали къ весьма строгимъ мѣрамъ. Чтобы показать, насколько эти требованія были разнообразны и значительны, я приведу два три примѣра. Староста державцы Марковича заявляетъ ему «о нуждахъ людскихъ, что были наборы людей съ подводами отъ квартирующихъ военныхъ воронежскаго полка, а также возка двойнаго провіанта и фуража, перевозка изъ магазиновъ кулей и возка сѣна кобылицамъ государевымъ въ два мѣста. На армію брали по 20 тысячъ и болѣе муки, овса, крупъ; брались раціи по нѣсколько разъ въ годъ; дача сѣна простирала до 500 тысячъ пудовъ, которое нужно было еще везти въ какую нибудь Царицанку за 993 версты. А тутъ переходила артилерія, требовали отъ каждыхъ двухъ дворовъ по надежной подводѣ. Пріѣхавши, прапорщикъ ярославскаго полка требовалъ въ это-же время воловъ съ чиновниковъ: съ полковниковъ по тридцати, съ бунчуковыхъ по 15, со значковыхъ по 1 [1]). Много страдало хозяйство державцы отъ повинностей, но еще больше отъ насильственныхъ захватовъ солдатами продуктовъ, скота и проч. Солдаты забирали хлѣбъ у крестьянъ державцы, и не только тотъ, что на верху былъ, но и изъ ямъ; воловъ уводили, токъ палили, иногда нападали въ день на домъ державцы, со шпагами гарцовали, а когда слуги державцы отняли у нихъ

[1]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 62, 82, 105.

пнаги, то солдаты занесли жалобу своему капитану, и слуги были побиты въ наказаніе палками. Или наѣдетъ какой нибудь капралъ на избу державцы и начнетъ здѣсь требовать себѣ незаконно постоя. Хозяинъ отказываетъ; тогда капралъ дѣйствуетъ внушительнѣе: приводитъ на подмогу товарищей, нападаетъ на хозяина съ палашами, валитъ его на землю, таскаетъ за волосы, «порицая змѣнникомъ и другими скверными словами.» И прибьетъ капралъ державцу настолько сильно, что тѣло его опухнетъ, и самъ онъ «съ минуты на минуту смерти ожидаетъ» [1]).

Для предотвращенія такихъ притѣсненій на будущее время, шляхетство просило Екатерину II вновь подтвердить, чтобы своевольствъ солдаты не дѣлали: «лагерями безъ отводу не становились, излишнимъ употребленіемъ дровъ и обращеніемъ огорожи и другихъ строеній для топленія не наносили убытковъ, безденежно у обывателей хлѣбомъ и ничѣмъ не довольствовались, въ подводы и ни въ какія работы безъ добровольнаго найма и заплаты людей и скота ихъ не брали и несноснѣйшему озлобленію боями и безчестіями никому обидъ не наносили, а паче злобы военные начальники въ городахъ и землѣ подданныхъ нашихъ къ себѣ не брали и пристрастными розысками или наказаніями ихъ не озлобляли [2]). Не меньше ущерба хозяйству державцы приносили частыя высылки посполитыхъ для различныхъ сооруженій, а также и военные походы въ качествѣ погонщиковъ. Высылки такія доходили до десяти и болѣе тысячъ. Большая часть высылаемыхъ крестьянъ отъ тяжелаго климата и трудныхъ работъ умирали въ походѣ. «Съ выправленныхъ мною Сваржовцевъ (13 человѣкъ), замѣчаетъ Яковъ Марковичъ, въ походъ прошлаго года (1738 г.), возвратился одинъ зайченокъ, да и у того ноги отморожены, о протчихъ объявляется, что всѣ померли» [3]).

Въ этихъ-же походахъ принимали личное участіе и сами дворяне. То была одна изъ самыхъ тяжелыхъ ихъ обязанностей. Многіе не хо-

---

[1]) Записки черниговскаго статистическаго комитета. Вып. 1 и 2, стр. 43. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 26, 40.

[2]) Аѳсѣенко, стр. 53.

[3]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 40.

тѣли идти, отнѣкивались, но отказаться трудно было, такъ какъ въ будущемъ грозилъ большой штрафъ.

Приходилось дворянину идти, приходилось бросать родной кровъ, родную семью, излюбленное хозяйство, покидая все на попеченіе жены. Наставалъ тяжелый, грустный день проводъ; сумрачнымъ онъ казался державцѣ, страшило его неизвѣстное будущее, нелегкая походная жизнь, не совсѣмъ пріятное сосѣдство чужихъ людей; провожали его за 20, 30 верстъ жена, близкіе родные и знакомые и «гладили» на остановкахъ дорогу... Долго тянулось скучное шествіе въ походѣ, много истрачивалъ средствъ дворянинъ на содержаніе себя и своихъ слугъ. Придя къ мѣсту, гдѣ строилась линія или крѣпость, или усмирялись возставшіе горцы, дворяне болѣли отъ тяжелаго климата десятками; но возвращались домой, до окончанія похода, только тогда, когда нѣсколько докторовъ давали удостовѣреніе въ дѣйствительности болѣзни [1]): Да и вообще положеніе ихъ было тяжелое... «О здешнемъ нашемъ поведеніи,» пишетъ дворянинъ матери съ сулацкаго похода, «не освѣдчаю, бо гидко и освѣдчати, тилко еще милостію Божію ненарушимо въ здоровю зостаемъ. Денегъ сколко взялемъ отъ вашой родителской милости, толко есть третяя часть при мнѣ; много стратилемъ дорожнетою купуючи... А о всякихъ болшъ нуждахъ не освѣдчаю, толко добродѣйку матку мою о призрѣніе добродѣйское на мене, здесь страждущого, всепокорнѣйше прошу» [2]).

Другой державца въ своей автобіографіи замѣчаетъ: «въ 1760 году отправленъ былъ тисячною командою въ прусскій походъ и тамъ чрезъ цѣлій годъ при арміи, въ чрезвычайныхъ трудахъ и бѣдахъ, з немалымъ убиткомъ имѣній моихъ, обритался» [3]). Кратки эти замѣтки, но понятны... Вотъ почему возвращеніе дворянина домой съ походу было вторымъ свѣтлымъ праздникомъ для семьи. Выстрѣлы изъ полковыхъ пушекъ возвѣщали домашнимъ о возвращеніи съ похода. Дома же, въ этомъ случаѣ, не только устраивались бенкеты, но даже сочиняли близкіе родственники вирши, которыя и читали при встрѣчѣ съ возвратившимся».

---

[1]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 9, 10, 16, 183, 196, 209.

[2]) Сулимовскій архивъ, № 39.

[3]) «Кіевская Старина» 1883 г., № 11, стр. 450.

Такова была жизнь южно-русскаго дворянина XVIII в. до той знаменательной поры, когда пришлось ему перемѣнить кунтушъ на вицмундиръ, шапку на шляпу, подбритый чубъ на искуственную косу, саблю козацкую на короткую шпагу. Страннымъ онъ казался въ такомъ нарядѣ среди своей семьи; но еще болѣе страннымъ представлялся онъ крестьянамъ, съ усмѣшкой смотрѣвшимъ теперь на своего пана. «То таки бувало выйде,» говорили они, «або на коня сяде, уже панъ якъ панъ: а теперъ—абы-що; нимець не нимець, такъ соби пидципаный» [1]).

Николай Бакай.

---

[1]) Москвитянинъ 1852 г., № 17. Исторія Малороссіи, стр. 13.

УНИВЕРСАЛЪ
КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА.

(Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ).

Приводимый здѣсь универсалъ, какъ крѣпостной документъ на недвижимую собственность церкви Николая Добраго въ Кіевѣ, давно утратилъ свое значеніе, но сохранилъ свою цѣну историческую. Въ немъ содержится яркое указаніе на то, какъ ширились поляки, ихъ ксендзы и костелы въ Кіевѣ, въ самой торговой его части—Подолѣ, до половины XVII вѣка, какъ увеличивали они недвижимую собственность, какъ тѣснили православныхъ, съ участіемъ жидовъ и армянъ, и какъ радикально отдѣлались отъ всѣхъ этихъ пришлецовъ козаки въ эпоху возстанія Хмельницкаго. Фактически всѣ они изгнаны при занятіи Кіева восторжествовавшею козацкою силою; но тогдашній полковникъ кіевскій Василій Дворецкій не удовольствовался этимъ, а испросилъ особую царскую грамоту, воспрещавшую кому-бы ни было изъ названныхъ пришельцовъ селиться въ Кіевѣ,—мѣра, сохранявшая относительно евреевъ всю свою силу до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, точнѣе до генералъ-губернаторства князя И. П. Васильчикова и Н. П. Анненкова.

Въ этомъ-же документѣ находимъ подтвержденіе существованія полумиѳическаго въ исторіи козачества гетмана Кушки, но съ именемъ Матѳея, а не Самойла, какъ въ думахъ. Онъ былъ строителемъ церкви Добраго Николая, и это, кажется, обстоятельство послужило поводомъ для полковника Дворецкаго отдать въ вѣчное владѣніе означенной церкви всѣ не козаками занятые грунта бернардинскіе, іезуитскіе и армянскіе, съ обращеніемъ въ доходъ церкви и обычной отъ тѣхъ грунтовъ *кунщы*, т. е. денежной платы и натуральной повинности отъ тѣхъ мѣщанъ, которые построились на нихъ. Гетманская де-скать, козачья церковь, пусть-же она и владѣетъ добромъ,

козачею шаблею добытымъ, «абы въ ней богомоліе было за его пресвѣтлое царское величество и на войско его запорозское изъ домовъ Божіихъ благословеніе оставало, абы ихъ Господь Богъ на кождыхъ мѣсцахъ благословилъ и надъ непріятелми вѣры нашой православной побѣду и одолѣніе подалъ».

Универсалъ заимствованъ нами изъ документовъ церкви Добраго Николая, гдѣ онъ хранится въ подлинникѣ, съ именною восковою печатію, на которой въ изящной орнаментикѣ въ самой серединѣ помѣщенъ фамильный гербъ полковника, въ видѣ серпа и звѣзды въ центрѣ его, а на верху его инициалы: *В. Д.* На оборотѣ слѣдующая надпись, сдѣланная почеркомъ XVII ст.: *Фундушъ, або универсалъ пана Василія Дворецкого, полковника кіевского, на владѣніе фундушовъ шляхетскихъ, на церковь свято-добро-николскую данный.*

Василій Дворецкій, полковникъ его царского пресвѣтлого величества войска запорожского кіевскій.

Всимъ вобець и кождому зъ-особна, кому-бы о томъ вѣдать належало, а меновѣте ихъ милостямъ паномъ полковникомъ, эсавуломъ, сотникомъ, атаманомъ, городовымъ и всей черни козакамъ зъ войска его царского пресвѣтлого величества запорозского и каждое кондиціи людемъ, на урядахъ въ городе Кіеве теперъ и въ потомніе часы зостаючимъ, тымъ писанемъ моимъ до вѣдомости доношу, иже мы, видечи, счо предъ часы одъ многихъ шляхтичовъ, въ Кіеве дворы для пріѣзду своего маючихъ, дѣялося стиснене церквамъ Божимъ и знищене оттоль урослало знаменитыхъ фундацій отъ православныхъ князей малороссійскихъ кіевскихъ и уйма чиниласе, а ляхи—одни кадуками (захватами), а другіе беручи себе одъ мѣщанъ дочки за жоны, посессорами добръ по мѣщанахъ, у Кіеве будучихъ, ставалися; теды въ тотъ часъ кождый ляхъ, ку вѣры своей ближшимъ будучи, на своихъ пляцахъ костелы побудовали, а другіе и помуровали, утиски великій церквамъ Божимъ, обывателемъ и мѣщаномъ кіевскимъ за своего панства чинили и силомоцю грунта и пляцы одыймовалы, где мы о томъ добре вѣдаючи и знаючи и тому въ потомные часы запобѣгаючи, жебы болшей мешканцами въ Кіеве ляхи, ормяне, жиды не были вѣчными часы, одъ его царского пресвѣтлого величества на покрипость и грамоту городу Кіеву, за нашимъ старанемъ даную, выправилисмо; теды теперъ, углодаючи,

жебы стиелымъ церквамъ Божимъ кіевскимъ цвинтари, где бы могли людей мертвыхъ класти, розширены и гробовиска не по улицахъ были, але абы въ опасаню ширшомъ коло церквей Божихъ мертвыхъ кладено и ховано было, на церковъ святого Николы доброго, которую то церковъ небожчикъ славной памяти Матфей Кушка, гетманъ войска запорозского, фундацію заложивши, побудовалъ, пляцы ксендзовъ барнадиновъ и езовѣтовъ и ормянскіе, якые въ своей долгости и широкости маютъ зъ усими пожитками и куничниками, на нихъ будучими, хто колвекъ зъ мещанъ, окромъ козаковъ, на вышпомененныхъ пляцахъ кляшторныхъ побудовался, надаемо и вѣчно лекгуемо, абы хвала Божая розширалася, а за его царское пресвѣтлое величество и за увесь synклитъ его богомоліе было, и на войско его царского пресвѣтлого величества запорозкое изъ домовъ Божіихъ благословеніе зоставало, абы ихъ Господь Богъ на кождыхъ мѣсцахъ благословилъ, и надъ непріятелмы вѣры нашей православной побѣду и одолѣніе подалъ; стороны зась козаковъ, которые собѣ волныхъ пляцовъ шляхетскихъ шаблей добыли и, за вѣдомостю прежныхъ полковниковъ и моею побудовавшися, живутъ, за заслуги на то листы одъ насъ и одъ ихъ милостей, пановъ гетмановъ войска запорозского даные маютъ и ведлугъ пунктовъ въ статяхъ на столицы при его царскомъ пресвѣтломъ величествѣ поставленыхъ, козаки зъ дѣтками и жонами своими зъ вышпомененыхъ пляцовъ кляшторныхъ и шляхецкихъ отъ подачокъ и куниць волными быти маютъ. Которое то писаніе наше для болшое и далшое вѣры и певности паномъ ктиторомъ и парафіяномъ церквы святого Николы доброго съ подписомъ руки нашое и при печати полковой даемо. Дѣялося въ Кіеве, мая 12 дня 1660 року.

Вышменованный рукою власною.

(М. П.)

Проэктъ казеннаго сельскаго хозяйства въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи областяхъ.

Проэктъ этотъ офиціальнаго происхожденія. Онъ составленъ правителемъ канцеляріи литовскаго генералъ-губернатора, надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Щепановскимъ въ 1801 г., подъ скромнымъ названіемъ «*Записки*», а достался намъ въ современной копіи въ числѣ бумагъ покойнаго профессора кіевскаго университета Ставровскаго, извлекшаго этотъ, какъ и массу другихъ документовъ изъ архива потемкинскаго секретаря В. Попова.

Основная мысль проэкта заключается въ томъ, чтобы въ ново-присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, нынѣшнемъ сѣверозападномъ и юго-западномъ краѣ, въ оставшихся за казною населенныхъ имѣніяхъ вести въ широкихъ размѣрахъ сельское хозяйство, съ помощію особой казенной администраціи, проэктируемой къ учрежденію запиской Щепановскаго. Ближайшимъ поводомъ или исходной точкой такого проэкта служитъ мысль о необходимости содержать въ новоприсоединенныхъ областяхъ огромную военную силу, по крайней мѣрѣ въ числѣ 150,000 душъ. Содержаніе такой арміи обычнымъ и тогда подрядчымъ способомъ заготовленія фуража по смѣтнымъ цѣнамъ обходилось-бы очень дорого, а получая главные предметы продовольствія—хлѣбъ и сѣно изъ казенныхъ имѣній въ натурѣ, можно было не только значительно уменьшить цифру содержанія войскъ, но и доставить казнѣ знатный доходъ, въ особенности при чрезвычайномъ плодородіи земли въ юго-западномъ краѣ. Такъ разсуждалъ авторъ проэкта, и его разсужденіе, внѣ условій практическаго примѣненія, было вполнѣ справедливо и основательно. Расходы не достигаютъ и 100,000, а барыши могли быть милліонные. Кого не могла прельстить подобная мысль? Самъ составитель проэкта настолько увлекся ею, что предлагаетъ не только прекратить дальнѣйшую раздачу земель, но взять въ казну старостинскія и католическія духовныя, равно выкупить пожалованныя прежде въ этихъ провинціяхъ имѣнія, владѣльцы которыхъ въ самое короткое время успѣли такъ обременить ихъ долгами, что были-бы только рады казенной отъ нихъ покупкѣ.

Имѣлъ ли проэктъ въ такомъ или иномъ видѣ дальнѣйшій ходъ, ни откуда не видно. Едва-ли однако записка столь важнаго содержанія, составленная притомъ въ центрѣ управленія присоединеннымъ краемъ, могла быть писана такъ сказать на вѣтеръ, или для любопытства потомства. Самая мысль записки едва-ли

принадлежала тому, кто на ней подписался полнымъ своимъ титуломъ и именемъ. Мысль эта могла принадлежать лишь людямъ, облеченнымъ болѣе широкою властью, надѣющимся на проведеніе самыхъ широкихъ плановъ. Такая мысль могла быть тогда въ ходу въ сферахъ вліятельныхъ, если не принадлежала самому тогдашнему генералъ-губернатору; а сопоставляя ее съ основною мыслью проэкта устройства военныхъ поселеній, нельзя не видѣть между ними большаго сходства. Въ послѣднемъ проэктѣ вся и разница въ томъ лишь, что военная администрація замѣняетъ не ясно очерченную здѣсь гражданскую сельско-хозяйственную администрацію. Промежутокъ времени между тѣмъ и другимъ проэктомъ весьма незначительный. Помѣщаемый проэктъ могъ пройти нѣсколько инстанцій, претерпѣть измѣненія, быть болѣе разработаннымъ и точнѣе опредѣленнымъ, на что указываютъ и заключительныя слова записки, но едва-ли мы ошибемся, предположивъ въ найденной нами Запискѣ первоначальный зародышъ военныхъ поселеній. Не даромъ военныя поселенія являются главнымъ образомъ въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, на сѣверѣ же Россіи, кромѣ печальной извѣстности Грузина, резиденціи Аракчеева, никакого другаго военнаго поселенія не находимъ.

Помимо этого записка даетъ цѣнныя указанія на экономическій строй присоединенныхъ провинцій, вѣетъ съ взглядами на оный новыхъ правителей, и любопытна, какъ давнишній проэктъ довольствія войскъ безъ посредства подрядовъ.

Физическое положеніе присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи провинцій по всѣмъ политическимъ правиламъ требуетъ, чтобы содержать въ нихъ преимущественно предъ другими знатную военную силу.

Пространство же и изобиліе въ оныхъ дозволяютъ удобно расположить и продовольствовать до 150,000 войска, которыя, кромѣ нужной преграды отъ чужихъ земель, еще въ разные виды удовлетворятъ полезныя государственныя предположенія.

Отмѣнная государственная польза будетъ та, что сіи войска въ тѣхъ мѣстахъ продовольствоваться могутъ провіантомъ и фуражемъ по цѣнамъ, не превосходящимъ штатнаго положенія, такъ что въ сравненіи съ состоящими нынѣ тамъ цѣнами останутся, за продовольствіемъ вышеписаннаго количества войскъ, по меньшей мѣрѣ двѣ трети издерживаемой нынѣ суммы въ казнѣ.

Вѣрнѣйшее и не опровергаемое средство къ достиженію сей знатной прибыли для казны есть—учредить въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ *казенныя земледѣльческія правленія.*

Для удостовѣренія въ томъ, что цѣна и количество собираемаго зерна въ помѣстьяхъ провинцій соотвѣтствуютъ выше упомянутому пред-

положенію, довольно истребовать, гдѣ слѣдуетъ, вѣдомость всѣмъ въ казенныхъ имѣніяхъ по инвентарямъ количествомъ и цѣною въ доходъ показаннымъ продуктамъ.

Таковыя вѣдомости не только ясно докажутъ, что даже при нынѣшнемъ весьма нерадивомъ домоводствѣ продукты къ продовольствію войскъ способные, состоятъ не свыше штатной цѣны положенія, но что, замѣняя прочіе плоды земли и наличные доходы въ главной предметъ продовольствія войскъ, цѣна провіанту и фуражу гораздо уменьшится, такъ что казна изъ своего земледѣлія, кромѣ другихъ выгодъ (о которыхъ ниже сказано будетъ), вѣрныхъ до 25 процентовъ изъ своего капитала получитъ ежегодно. Къ тому же добавить должно неминуемо ежегодно возрастающую прибыль отъ удобренія земли и порядочнаго соблюденія земледѣльческихъ правилъ.

Полагая содержать въ присоединенныхъ провинціяхъ 150,000 войскъ, а именно; въ бѣлорусскихъ, минской, виленской, гродненской, кіевской, подольской и волынской губерніяхъ, должно быть казеннаго имѣнія по малой мѣрѣ 100,000 дымовъ или 200,000 мужеска пола душъ, дѣйствительно къ земледѣлію опредѣленныхъ. Въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, по поводу доброты земли, меньше казеннаго имѣнія имѣть нужно, нежели въ другихъ губерніяхъ.

Извѣстно. что при присоединеніи сихъ провинцій къ Россіи количество дымовъ въ казенныхъ имѣніяхъ превосходило выше сказанное предполагаемое количество; но какъ послѣ того Высочайше угодно было всемилостивѣйше пожаловать разнымъ чинамъ знатное изъ нихъ число въ вѣчно потомственное, а инымъ во временное владѣніе, почему уповательно, нынѣ толикое количество не состоитъ въ казенномъ вѣдомствѣ; то къ пріобрѣтенію онаго представляются слѣдующія средства:

1-е.

Отнынѣ впредь не давать въ награжденіе никому никакое казенное имѣніе во временное владѣніе; удостоившихся же монаршей милости мужей государь довольно имѣетъ способовъ жаловать, а истинный сынъ отечества не можетъ того желать, что есть съ ущербомъ онаго.

2-е.

Состоящіе нынѣ казенныя всякаго рода имѣнія *по привилегіямъ польскимъ* во временномъ владѣніи у помѣщиковъ взять въ казенное владѣніе (разумѣется само про-себя, что государю императору чинить изъятіе предоставляется), въ мѣсто же того опредѣлить имъ (такъ, какъ въ Пруссіи здѣлано) на томъ же имѣніи получать ежегодно деньгами ту часть доходовъ, которая имъ по послѣдней 1798 года люстраціи предоставлена была по значенію инвентарей.

Кромѣ очевидной казенной пользы, всѣ правила политической экономіи и моральности одобряютъ сіи распоряженія, *во первыхъ* по тому, что рѣдко которые изъ сихъ владѣльцовъ могутъ доказать, что они свою привилегію получили за оказанную отечеству полезную услугу. Напротивъ того произшествія минувшаго столѣтія доказываютъ ясно, что оныя имѣнія были въ слабыхъ рукахъ королей польскихъ орудіемъ разстройки, а по интригамъ вельможей и причиною уничтоженія отечества, *во вторыхъ*, всѣ безъ изъятія казенныя во временномъ владѣніи у дворянъ состоящія имѣнія, по той-же самой причинѣ, находятся по всѣмъ частямъ въ отмѣнно худомъ состояніи; всякій владѣлецъ старается какъ можно скорѣе и больше получить пользы, не употребляя на нужные издержки ко удобренію оныхъ даже и тѣ способы, которые дозволяютъ мѣсто, положеніе и угодье, *въ третьихъ*, почти всѣ таковыя имѣнія по древнему обыкновенію отданы владѣльцами въ откупъ небогатымъ дворянамъ за возвышенную противу инвентаря цѣну; сіи откупщики употребляютъ всякіе чрезвычайные способы, дабы на сроки заплатить за откупъ и себѣ получить пользу, что безъ тягости для крестьянъ, изнуренія земель и прочихъ угодій статься не можетъ; и въ семъ-то видѣ предстоитъ ощутительная картина нерадѣнія, ибо настоящій помѣщикъ государь покупаетъ нынѣ для продовольствія войскъ, назначенныхъ къ защищенію отечества, провіантъ и фуражъ у старостинскаго откупщика, платитъ ему трижды дороже, нежели въ инвентарѣ сихъ имѣній цѣна положена онымъ продуктамъ; староста же и его откупщикъ въ воздаляніе раззоряютъ часъ отъ часу больше имѣнія, а что всего хуже отягощаютъ крестьянъ посредствомъ изобрѣтенія особенныхъ прибылей, а тѣмъ самымъ уничтожаютъ источ-

ники главной (по политической экономіи) государственной пользы, понеже утружденные крестьяне, не имѣя защиту, бѣгутъ за границу, гдѣ нарочито привлекаютъ земледѣльцовъ отмѣнными выгодами; государь для содержанія войскъ, къ сохраненію государственной и частной безопасности необходимыхъ, платитъ дорого за собственной свой хлѣбъ тѣмъ, которые для полученія сей прибыли уменьшаютъ число подданныхъ, предопредѣленныхъ къ военной службѣ и къ продовольствію военно-служащихъ. *Четвертое*, продолжающееся и по нынѣ въ сихъ провинціяхъ обыкновеніе, что дворяне отдаютъ собственныя и по привилегіямъ состоящія у нихъ во временномъ владѣніи казенныя имѣнія въ срочные откупы дворянамъ, противно основнымъ законамъ самодержавнаго правленія.

Утвердительно доказать можно, что къ паденію Польши сіе обыкновеніе было главною причиною, ибо дворяне откупщики не знали привязанности къ отечеству, а единственно къ знатнымъ помѣщикамъ, которые давали имъ съ выгодою свои имѣнія на откупъ; но за то во время сеймовъ употребляли ихъ голоса по своимъ прихотямъ, то есть по мѣрѣ, какъ они королемъ или какою сосѣдственною державою обольщаемы были.

Сей однако же порокъ былъ такъ сказать извинительнымъ слѣдствіемъ непростительной погрѣшности главнаго постановленія, по которому всѣ государственныя гражданскія должности безплатно дворянами исполняемы были, равно какъ и военныя офицерскія чины покупаемы быть могли заживными только дворянами, небогатые же принуждены были откупами и служеніемъ у богатыхъ заниматься; но въ самодержавномъ государствѣ, а особливо Россіи, гдѣ гражданскіе и воинскіе мѣста доставляютъ дворянству и пропитаніе и всякаго рода чести, должно употребить всѣ способы, дабы устранить сіе вредное обыкновеніе, ибо хотя въ самодержавномъ правленіи вліяніе вельможей не столько быть можетъ предосудительнымъ въ отношеніи самаго правленія, но не меньше того таковые откупы отвлекаютъ большую часть дворянъ отъ государственной службы, не считая и того, что сіи откупщики пользуются защитою правительства и благодѣтствіемъ государства, не чувствуя никакой тягости прочихъ согражданъ, поолику обыкновенно всѣ

государственныя подати платимы суть дѣйствительными помѣщиками, а откупщикъ и самъ безъ всякихъ податей пользуется и не рѣдко бываетъ причиною, что притѣсненные имъ крестьяне бѣгутъ за границу, а по меншей мѣрѣ дѣлаются безполезными своему отечеству.

Изъ сего явствуетъ необходимость, чтобы, пока помѣщики, узнавши сіе зло, свои возьмутъ мѣры, казна не отлагательно собственными своими имѣніями сама управляла.

Полезныя слѣдствія изъ таковаго правленія неизчислимы, ибо кромѣ дешеваго продовольствія войскъ, въ тѣхъ мѣстахъ преимущественно нужныхъ, количество доходовъ безпрерывно возрастать должно по мѣрѣ порядочнаго управленія.

Извѣстно, что въ домоводствѣ нерѣдко одинъ рабочій день одного человѣка приноситъ пользу до 5-ти рублей, удобреніе земли, возведеніе казенныхъ строеній, даже крѣпостей и по положенію мѣстъ соотвѣтственныхъ разнаго рода заводовъ, при которыхъ ручная работа крестьянина заступаетъ знатные денежные издержки, всѣ сіи источники суть неизчисленные прибыли для государя, а крестьянину доставятъ чрезъ непосредственную защиту и пособія приличное благоденствіе.

3-е.

По тѣмъ же самымъ причинамъ слѣдуетъ (также не безъ изъятія) взять въ казенное вѣдомство всѣ казенныя имѣнія, кои всемилостивѣйше пожалованы разнымъ чинамъ во временное владѣніе, назначивъ нынѣшнимъ владѣльцамъ, какъ выше сказано, ту часть доходовъ, которая по инвентарю того имѣнія значитъ, наличными деньгами. Можно даже надѣяться, что многіе изъ нихъ охотно на сіе согласятся, потому что они, будучи въ отсутствіи внутри Россіи по мѣстамъ, принуждены или отдавать въ откупы свои имѣнія, или поручать оныя за глазами въ управленіе неспособныхъ и невѣрныхъ служителей, а въ обоихъ случаяхъ едва могутъ надѣяться получать и инвентарнаго дохода, а особливо когда со стороны казны соблюдены будутъ всѣ способы къ прекращенію всякаго злоупотребленія.

4-е.

Казна можетъ пріобрѣсть имѣній въ знатномъ количествѣ, взявъ въ свое вѣдомство всѣ римско-католическія духовныя имѣнія; поводомъ

самымъ справедливымъ къ тому служить могутъ въ особой здѣсь прилагаемой запискѣ показанныя причины, равно и способы, которые употребить можно для содержанія въ тѣхъ мѣстахъ сего званія людей.

5-е.

Пріобрѣтеніе въ казну имѣній въ тѣхъ провинціяхъ производимо еще быть можетъ посредствомъ покупки, особливо у тѣхъ помѣщиковъ, коимъ всемилостивѣйшее жаловано тамъ изъ казенныхъ имѣній въ вѣчно потомственное владѣніе.

Извѣстно, что большая часть сихъ помѣщиковъ, живучи внутри Россіи, принуждены или отдавать въ откупъ, или заочно управлять своими имѣніями; а потому охотно согласятся за сходную цѣну продать оные въ казну.

Таковая покупка и потому для казны выгодна, что почти всѣ сіи имѣнія находятся въ закладѣ въ государственныхъ банкахъ, и по расчету казнѣ доплатить не много придется, помѣщики же, освободясь симъ способомъ отъ долговъ, остальныя деньги по своей волѣ употребятъ въ свою пользу.

Для облегченія таковой покупки можно выпустить единственно къ тому предмету служащія, нужное количество особенныхъ государственныхъ обязательствъ, кои быть могутъ отъ 50, 100, 200, 500 и до 1,000 рублей цѣны, съ тѣмъ, что капиталъ по истеченіи 15 лѣтъ по частямъ и по очереди платимый будетъ; а между тѣмъ владѣтели оныхъ получать будутъ по четыре процента въ годъ противу существующихъ нынѣ государственныхъ ассигнацій.

Сіи обязательства служатъ помѣщикамъ по всѣмъ ихъ надобностямъ наравнѣ, какъ и наличные деньги, въ теченіи же 15-ти лѣтъ уповательно казна выручитъ всѣ тѣ суммы изъ доходовъ купленныхъ имѣній.

Покупка имѣній въ казну должна быть производима съ крайнею разсмотрительностію, дабы пріобрѣтеніе оныхъ соотвѣтствовало и положеніемъ мѣстъ и угодьями ожидаемой отъ того вышесказанной государственной пользѣ; особливо вдѣть должно о пріобрѣтеніи лѣсныхъ дачъ, безъ которыхъ домоводство удобно производимо быть не можетъ.

Покупка имѣній въ тѣхъ провинціяхъ произведена быть можетъ отъ 150 до 200 рублей за одну мужеска пола душу, которыя деньги безъ всякаго сомнѣнія въ теченіи пятнадцати лѣтъ въ казну возвратятся, не щитая политическихъ пользъ, какія отъ таковаго распоряженія неминуемо воспослѣдуютъ.

Наконецъ казенное домоводство въ тѣхъ провинціяхъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ доставитъ, кромѣ провіанта и фуража, кожи, полотна, холста и сукна для войскъ, и сіи вещи навѣрно не превзойдутъ цѣнъ, по штату положенныхъ.

Казенныя *земледѣльческія правленія*, подъ названіемъ *казенныхъ имѣній администраціи*, должны быть въ тѣхъ провинціяхъ три. А именно: *первое* для виленской, гродненской и минской губерній, *второе* для бѣлорусскихъ и *третіе* для волынской, подольской и кіевской губерній.

Всѣ сіи администраціи, подъ защитою губернскаго начальства, относиться будутъ непосредственно къ министру финансовъ, который соразмѣрно съ важностію предмета, положеніемъ и образомъ домоводствованія въ тѣхъ мѣстахъ составитъ и дастъ имъ особенныя наставленія.

ШТАТЪ ОДНОЙ АДМИНИСТРАЦІИ.

1-нъ главный администраторъ,	5-го класса.
ему жалованья въ годъ 4,000 рублей, казенная квартира, гдѣ и канцелярія будетъ, и отопка съ казенныхъ лѣсовъ.	
1-нъ вицъ-администраторъ, ему жалованья 2,500 рублей, квартира и дрова казенныя.	6-го класса.
2-ва секретаря по 1,200 рублей каждому.	8-го класса.
6-ть ревизоровъ по 800 рублей каждому.	9-го класса.
3-хъ землемѣровъ по 800 рублей каждому.	9-го класса.
2-хъ архитекторовъ по 600 рублей одному.	9-го класса.
1-нъ казначей 1,000 рублей.	8-го класса.
1-нъ стряпчій 1,000 рублей.	8-го класса.
1-нъ переводчикъ 600 рублей.	9-го класса.
3-ри магазейна смотрители по 1,200 рублей каждому	8-го класса.
4-хъ канцелляристовъ по 350 рублей каждому.	
8-мъ писарей по 250 рублей каждому.	14-го класса.
На канцелярскіе расходы 1,000 рублей въ годъ.	
На разные проѣзды и экстренныя надобности 3,600 рублей въ годъ.	

Итого для одной администраціи 31,500 рублей въ годъ.

А для трехъ 94,500 рублей.

Сумма, по сему штату положенная, можетъ казаться велика; но важность предмета и необходимость, дабы служащіе при администраціи чиновники, имѣя достаточное содержаніе, изъ опасенія лишенія онаго, не покушались ни на какое злоупотребленіе, оправдать должны сіе положеніе.

Содержаніе для мѣстныхъ по фольваркамъ управителей не можетъ быть навѣрно опредѣлено, а платимы будутъ соразмѣрно трудовъ ихъ и пространства управляемаго ими имѣнія, однако-же смотря по обыкновеннымъ установленіямъ въ тѣхъ мѣстахъ, содержанія ихъ, не превосходятъ 12-й или 15-й части собираемыхъ съ имѣнія продуктовъ: но для сбереженія и по сей части казеннаго интереса можно опредѣлить къ таковымъ мѣстамъ выслуженныхъ грамотныхъ военныхъ нижнихъ чиновъ.

Смотря на нынѣшнее разстроенное состояніе казенныхъ имѣній въ тѣхъ мѣстахъ, нужно будетъ въ первые годы для скорѣйшаго исправленія онаго принимать по контрактамъ землемѣровъ и ревизоровъ и сверхъ штата, нужнаго по обстоятельствамъ числа.

Когда состоится учрежденіе сихъ администрацій, то состоящія нынѣ по казеннымъ палатамъ камеральныя экспедиціи, яко не нужныя, уничтожены быть могутъ, и положенная для оныхъ по штату сумма, обращена будетъ на штатное содержаніе экономической администраціи.

Не меньше того обращены быть могутъ къ сему предмету и положенныя нынѣ суммы на содержаніе въ тѣхъ мѣстахъ оберъ-форштмейстеровъ, въ коихъ тогда не будетъ надобности; ибо кромѣ того, что администрація непосредственнымъ своимъ управленіемъ чрезъ нижніе лѣсные служители удобнѣе и по сей части сбережетъ казенную пользу; но и существо домоводства того требуетъ, чтобы лѣсныя угодьи, столь сопряженныя съ земледѣльческою статьею, имѣли и взаимно воздавали себѣ немедлительное пособіе, что при раздѣленномъ и независимомъ начальствованіи почти никогда сбыться не можетъ.

А наконецъ и въ содержаніи по провіантской части чиновниковъ въ тѣхъ мѣстахъ не будетъ надобности; ибо расположенные войска безъ затрудненія продовольствоваться могутъ изъ казенныхъ экономическихъ магазейновъ; относительно-же расчетовъ военный и финансъ министры учинить могутъ свои соображенія.

Подробнѣйшія объясненія по сему предмету, по востребованію, доставлены будутъ.

Библіографія.

Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. 1884. XXXIV—XXXV B-de. (Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ).

Серьезный историко-культурный интересъ представляетъ разложеніе лексическаго состава языка, какъ отдѣльнаго народа, такъ и отдѣльнаго замѣчательнаго писателя на части, съ опредѣленіемъ, что оригинально и что заимствовано, когда и отъ кого заимствовано. Большая или меньшая обширность лексикона опредѣляется степенью и силой духовнаго развитія народа или автора, широтой и разносторонностью природныхъ дарованій и благопріобрѣтенныхъ познаній о мірѣ и человѣчествѣ. У народовъ, стоящихъ на низкой ступени цивилизаціи, мало понятій, мало знаній, потому мало словъ. Съ развитіемъ образованности, съ накопленіемъ знаній, съ возникновеніемъ и усиленіемъ международныхъ отношеній и связей усиливается лингвистическій составъ языка, впрочемъ только до извѣстныхъ предѣловъ, преимущественно до того періода духовнаго народнаго творчества, когда слово начинаетъ терять живой этимологическій смыслъ и превращается въ отвлеченное обозначеніе предмета, дѣлается механическимъ орудіемъ для выраженія мысли. Опредѣленіе состава лексическаго достоянія народа—дѣло крайне трудное и, можно сказать, никогда вполнѣ неисчерпываемое словарями. Не столь труднымъ дѣломъ представляется опредѣленіе лексическаго богатства и разнообразія отдѣльнаго писателя, такъ какъ самый геніальный писатель не пользуется всѣмъ достояніемъ языка роднаго народа, не овладѣваетъ даже пятой его частью. Лексиконъ Шекспира—самый богатый и однако въ немъ насчитываютъ немного болѣе десяти тысячъ словъ. Такъ какъ въ исторіи культуры важное значеніе имѣетъ изло-

женіе взаимныхъ вліяній народовъ, то особенный интересъ получаетъ опредѣленіе иноземныхъ элементовъ народнаго или авторскаго лексикона. Есть такіе языки, напр. англійскій, гдѣ, строго говоря, все лингвистическое цѣлое построено на симметрическомъ сочетаніи разнородныхъ элементовъ, такъ что нельзя опредѣлить, въ чемъ состоитъ главное лингвистическое ядро языка. Огромное однако большинство народовъ, всѣ славянскіе народы обладаютъ такимъ лингвистическимъ ядромъ. У славянъ—лингвистическое ядро вполнѣ славянское, и рѣчь можетъ идти только о наслоеніяхъ постороннихъ лингвистическихъ элементовъ, наслоеніяхъ болѣе или менѣе густыхъ и крупныхъ.

Составные элементы малорусскаго народнаго лексическаго достоянія весьма разнообразны. Малороссіянамъ приходилось входить въ близкія связи со многими иноплеменными народами, съ румынами, нѣмцами, татарами, греками. Естественно, происходилъ обмѣнъ предметовъ и понятій и *eo ipso* словъ. Въ однихъ случаяхъ проникали слова церковныя, въ другихъ слова, касающіяся военнаго дѣла, скотоводства или огородничества. Для опредѣленія инородныхъ элементовъ лексическаго состава малорусскаго языка сдѣлано очень мало; намѣчены лишь пути, указаны исходные пункты; на первое время и этому немногому нужно порадоваться, тѣмъ болѣе, что указателями пути въ данномъ случаѣ явились такіе авторитетные и строгіе ученые, какъ Миклошичъ и Потебня.

Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ остановиться на появившемся въ печати обширномъ изслѣдованіи Миклошича о тюркскихъ элементахъ въ языкахъ южной и восточной Европы, греческомъ, албанскомъ, румынскомъ, болгарскомъ, сербскомъ, малорусскомъ, великорусскомъ и польскомъ. Трудъ Миклошича напечатанъ въ XXXIV—XXXV томахъ Записокъ вѣнской академіи наукъ прошлаго 1884 года и затѣмъ вышелъ отдѣльно въ двухъ частяхъ.

Миклошичъ указываетъ на три періода, когда приливъ тюркскихъ словъ въ славянскіе языки обнаруживался съ большой силой. Первый періодъ относится къ первымъ столѣтіямъ христіанской эры, до переселенія славянъ на западъ. Къ этой отдаленной эпохѣ относится заимствованіе словъ: клобукъ, колпакъ, топоръ. Второй періодъ относится ко второй половинѣ седмаго столѣтія, ко времени подчиненія славянъ на правомъ берегу Дуная тюркскимъ болгарамъ. Къ этому времени Миклошичъ относитъ заимствованіе слова санъ (по турецки—уваженіе), перешедшее потомъ чрезъ церковныя книги въ Россію. Третій періодъ начинается съ половины XIV ст., когда турки твердо стали на Балканскомъ полуостровѣ. Миклошичъ дѣлаетъ, между прочимъ, оговорку, что въ рус-

скій языкъ тюркскія слова проникали не только съ юга, но и съ сѣвера и востока.

Теперь остановимся на нѣкоторыхъ малорусскахъ словахъ тюркскаго происхожденія.

Арьянъ—кислое козье молоко изъ ajran—сыворотка, кислое молоко.

Лембикъ (слово, пропущенное Миклошичемъ), болгарское алембикъ, сербское ламбикъ, польское alembik. Въ арабскомъ, по Миклошичу—alanbik—Gefäss zum destilliren. Миклошичъ указываетъ при этомъ и греческій *амбика*, *амбикосъ*—чаша. Малорусское лембикъ—сосудъ для перегонки водки.

Лошa, *лошыця*, русское лошадь, сербское алаша—тюркское alaša въ значеніи лошади.

Альтембасъ, польское altembas, изъ alten и bazz, Goldleinwand; alten—золото, деньги, отсюда алтынъ.

Андарякъ—женское платье, болгарск. и сербск. антерія изъ турецкаго anteri—нижнее платье.

Балабанъ—въ старинное время весьма извѣстная малорусская фамилія; въ турецкомъ balaban—толстый, густой. Русское балобанить—пустомелить.

Балта, *балда*—изъ турецкаго balta—слуга при дворцѣ. Здѣсь можно припомнить прозваніе Вишневецкаго балдой.

Базаръ, въ болгарскомъ и сербскомъ *пазаръ*, польское и великорусское, румынское, албанское базаръ изъ турецкаго bazar—торговое мѣсто, рынокъ.

Бакиръ (шапка на бакиръ) вѣроятно изъ турецкаго bekri—пьяница; въ румынскомъ bekriu—распутный, невоздержный.

Баштанъ, болгарское, румынское, сербское *боштанъ*, персидское и курдское bustan, греческое *миостани*,—изъ турецкаго bostan—огородъ, Gemüsengarten, Melonengarten.

Буздыханъ, въ сербскомъ, болгарскомъ, русскомъ, польскомъ, чешскомъ, румынскомъ, греческомъ и мадьярскомъ звучитъ какъ будыганъ, буздоганъ, бузоганъ,—изъ турецкаго bozdogan—дубина, жезлъ, булава, Keule, Streitkolben.

Болюкъ—въ Малороссіи довольно распространенное фамильное прозваніе. Въ турецкомъ bölük—отрядъ солдатъ, bölük baši. Слово булюкъ встрѣчается въ болгарскомъ, сербскомъ, албанскомъ, греческомъ языкахъ. Сюда примыкаетъ фамильное прозваніе Булюбашъ.

Бре—раньше было объяснено профессоромъ А. А. Потебней въ III ч. «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», стр. 15. Гуцульское бре, сербское бре, новогреческое мпре; у Памвы Берынды—море—спрѣчь юроде, дурню· Миклошичъ указываетъ на турецкое bre.

Буджакъ, татары буджацкіе—въ турецкомъ budżak—уголъ; въ румынскомъ буджакомъ называется Бессарабія.

Бокай, Бакай—въ Малороссіи встрѣчаются крестьяне съ такимъ фамильнымъ названіемъ; въ болгарскомъ букаджіа, букай, бокай, польскомъ bugajce въ значеніи kajdany,—отъ турецкаго bukadge—налагать цѣпи, приковывать, retten, fesseln.

Булава—знакъ гетманскаго и полковничьяго сана, русское булава, отъ турецко-татарскаго bulava—знакъ военачальника, Commandostab.

Бунчукъ отъ турецкаго bundżuk—раковина, жемчугъ, Muschel, Perle.

Черга. У Миклошича приводится одно турецкое слово, которымъ можно объяснить малорусское слово черга (пропущенное имъ-же). Въ персидскомъ находится čeragah—въ значеніи пастбища, Weideplatz, Wiese; у сербовъ чергія—лугъ.

Дерга—часть женскаго костюма, верхнее платье въ родѣ короткой юбки, плотно охватывающее тѣло; въ болг. черга—грубый коверъ; у сербовъ черга—цыганскій шатеръ; румын. черге или джерче—покрывало, коверъ,—отъ турец. čerge въ значеніи палатки, хижины, Zelt, Hutte.

Чачка, у Іоанна Вишенскаго часто встрѣчается въ смыслѣ цацка, игрушка, должно быть, происходитъ отъ упоминаемаго Миклошичемъ турецкаго слова čiček—цвѣтокъ, Blume.

Чижмы—сапоги; слово вполнѣ турецкое; кромѣ малороссійскаго оно встрѣчается въ польскомъ, сербскомъ, румынскомъ.

Чабанъ—въ турецкомъ и персидскомъ пастухъ; вошло въ сербскій, болгарскій, малорусскій, польскій, румынскій, греческій языки.

Чугай—родъ архалука или свиты, болгарское, сербское чога, изъ турецкаго čoha—сукно, Fuch.

Драбантовать, драбантъ встрѣчается во многихъ европейскихъ языкахъ, между прочимъ, и въ малорусскомъ, происходитъ отъ турецкаго derban—привратникъ, Thorwart.

Доломанъ, въ сербскомъ и болгарскомъ *долама*, русскомъ и польскомъ *долома*, изъ турецкаго dolama—платье, которое носили янычары въ торжественныхъ случаяхъ.

Душманъ—зашло въ Малороссію изъ турецкаго или персидскаго языка, гдѣ слово это означаетъ врага.

Аркатъ—работникъ, наемникъ (см. «Къ ист. звук.» Потебни III, 15)—не отъ греческаго слова, а повидимому, вмѣстѣ съ греческимъ *ерятесъ*, болгарскимъ и румынскимъ *аратъ* изъ турецкаго erged—наемщикъ, Fagelöhner.

Фирезыя, ферязь, болгарское и сербское фереджа изъ турецкаго efradže—верхняя одежда женщинъ.

Пундыки—родъ пирожнаго; у Котляревскаго «полтавськи пундыки пряжены». Кажется, что объясненія этого слова надо искать въ находящемся у Миклошича персидскомъ fendek—въ смыслѣ орѣшка или ружейной пули.

Фудульный, фудулатый—гордый изъ турецкаго fodul—гордый.

Гайда, гайдукъ отъ турецкаго hajde—пошелъ, hajdud—разбойникъ.

Гайдамакъ—въ турецкомъ погонщикъ стадъ, eine Herde Vieh-treiber.

Кобзарь, вѣроятно изъ персидскаго hokka—baz—скоморохъ, музыкантъ, gaukler, въ румынскомъ kabaz.

Гарбузъ (тыква), арбузъ изъ персидскаго karbuz—дыня, тыква.

Кавунъ (у малороссовъ арбузъ) изъ турецкаго kavun—сахарная дыня.

Козакъ въ турецкомъ языкѣ значитъ легко вооруженный воинъ, искатель приключеній.

Кунтушъ изъ турецкаго kontoš—родъ одежды.

Калика, калѣка отъ персидскаго kalak—уродливый, безобразный. Таково-же происхожденіе древне-русскаго калики (перехожаго), въ польскомъ kaleka, въ румынскомъ kalik; въ румынскомъ kaliči—просить милостыню.

Кобенякъ отъ турецкаго kepenek—родъ плаща изъ шерстяной матеріи, войлокъ.

Кишень—тур. kese—кошелекъ.

Килимъ—персидскій kilim—коверъ; въ болгарскомъ, сербскомъ, польскомъ, русскомъ и румынскомъ *килимъ* также означаетъ коверъ.

Ни—ничъ, въ смыслѣ «вовсе нѣтъ», ранѣе было объяснено Потебней въ III вып. «Къ ист. звук.» стр. 15. Миклошичъ приводитъ самый турецкій оригиналъ малороссійскаго слова: güč—сила, Gewal.

Локшина, русское лапша отъ персидскаго lakše,—то-же, что русская лапша или вермишель, Art Nudeln.

Левенець—у Миклошича пропущено; но въ словарѣ приведено одно персидское слово, какъ нельзя болѣе подходящее для объясненія малорусскаго значенія слова левенець. Въ персидскомъ levend—солдатъ доброволецъ на турецкихъ галерахъ, бродяга, должно быть первоначально означало левантинца. Въ малорусскомъ левенець—рослый человѣкъ, бродяга, негодяй.

Лиманъ—въ турецкомъ гавань, Hafen; встрѣчается въ сербскомъ, польскомъ, румынскомъ, греческомъ.

Люлька, люля—персидское lule—трубка, Röhre, Pfeife.

Могоричъ—отъ арабскаго maxaridž—расходъ, выдача, Ausgaben; въ славянскіе языки вошло черезъ турецкій.

Гамазыя, магазинъ—отъ арабскаго maxzan—лавка, торговый домъ.

Мандрыка—сырное кушанье, родъ памушекъ изъ сыра овечьяго. Не отъ турецкаго-ли mandra—ограда, овчарня, Hürde?

Манжура—фамильное прозваніе. Не стоитъ-ли оно въ связи съ турецкимъ—manzur—любимый, geliebt?

Мартолось—фамильное прозваніе, происхожденія турецкаго; въ турецкомъ martolos—солдатъ христіанской вѣры.

Машкара, маска, изъ арабскаго maskara—насмѣшка, Gespött.

Майданъ—изъ арабскаго mejdan—открытое мѣсто, площадь, мѣсто сраженія; встрѣчается въ сербскомъ, болгарскомъ, польскомъ, русскомъ, румынскомъ, греческомъ.

Мелешъ—фамильное прозваніе; въ исторіи извѣстенъ Мелешко; въ турецкомъ meles—незаконнорожденный, смѣшанный, Rastard, gemischt.

Бешкетъ (оскорбленіе, обида), изъ персидскаго pĕskeš—почетъ, награда, Trinkgeld, Ehrengabe.

Шабашъ—довольно, по Миклошичу, отъ персидскаго šabaš—хорошо, отлично.

Шапка—въ турецкомъ šapka—картузъ, Hut.

Таборъ—въ турецкомъ tabor—войско, отрядъ.

Потебня—фамильное прозваніе. Миклошичъ въ объясненіе малорусскаго слова тебеньки (на что указано у Потебни «Къ ист. звуковъ» IV, 49) приводитъ турецкое tebengii—боковыя части сѣдла, Sattelriemen.

Торба—болгарское, сербское, польское, малорусское—изъ турецкаго, torba—мѣшокъ, Sack.

Товаръ—рогатый скотъ отъ турецкаго скотъ, Zieh, Reitthier, Schaf.

Туманъ—въ турецкомъ tuman—туманъ, десять тысячъ.

Учкуръ—въ турецкомъ učkur—поясъ, Hosenband.

Оставляемъ въ сторонѣ тюркскія слова, вошедшія въ малорусскій и великорусскій языки и довольно извѣстныя; напримѣръ: яръ, барышъ, башмакъ, чанъ, чабанъ, чамаданъ, чай, чекмень, чума, ботинъ (по турецки гусь, въ старин. книгахъ баснословная птица), кинжалъ, амбаръ.

Турецко-татарскій міръ, судя по словарю Миклошича, оказалъ на малороссіянъ вліяніе относительно внѣшнихъ знаковъ власти, вооруженія, скотоводства и огородничества. **Н. Сумцовъ.**

Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна 1884 года.

Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 г. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.

Пересматривая огромную массу календарей, этихъ особаго рода періодическихъ изданій, являющихся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ,

быстро раскупаемыхъ и едва-ли кѣмъ изъ интелигентныхъ покупателей читаемыхъ, пересматривая всѣ эти календари, начиная отъ календарей «всеобщихъ» до «календарей для учащихся», отъ объемистыхъ, цѣною въ рубль, до крошекъ, цѣною въ копѣйку,—календари ученые (къ сожалѣнію, не многіе) и юмористическіе (для большаго числа праздныхъ людей), «русскіе», народные вообще и въ частности по мѣстностямъ, мы не можемъ не замѣтить, что каждый изъ нихъ старается, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья, отвѣтить требованіямъ мѣста, времени и обстоятельствъ. Само собою разумѣется, что виленскій и холмскій календари подчиняются этому общему правилу, и намъ остается только указать по характеру календарныхъ статей на ту злобу текущей годины, которая волнуетъ нашъ западъ и сѣверо-западъ, и опредѣлить, насколько умѣло ведутся такія изданія въ городахъ, далекихъ отъ центровъ умственной жизни и дѣятельности и удовлетворяются-ли ими означенныя требованія.

Начнемъ съ виленскаго календаря.

Это весьма изящная книжка, разумно и цѣлесообразно составленная. Въ ней выдается прежде всего церковный отдѣлъ; тутъ помѣщены житія не только мѣстныхъ святыхъ, но и вообще русскихъ. Для насъ важнѣе, конечно, первыя, такъ какъ въ нихъ излагается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторія внутренней жизни сѣверо-западнаго края. Къ сожалѣнію, редакція календаря на каждое житіе, безъ различія мѣста дѣятельности святого, удѣлила по одинаковому числу страницъ. Изъ числа житій западно-русскихъ святыхъ мы отмѣтимъ только малоизвѣстныя. Напримѣръ, подъ 20-мъ апрѣля разсказывается о печальной судьбѣ св. Гавріила, заблудовскаго мученика-младенца, мощи котораго хранятся теперь въ слуцкомъ монастырѣ. Редакція чрезвычайно осторожно даетъ понять, что этотъ св. младенецъ былъ замученъ евреями въ 1690 году съ фанатическирелигіозною цѣлію, и ссылается на судебныя книги заблудовскаго городскаго магистрата, гдѣ это дѣло было разобрано. Подъ 5-мъ сентября изложена кратко жизнь преподобно-мученика Аѳанасія Филипповича, брестскаго игумена, а подъ 7-мъ—преподобно-мученика Макарія, бывшаго сначала настоятелемъ въ овручскомъ, а потомъ въ каневскомъ монастырѣ, и обезглавленнаго въ 1678 году, при нападеніи на Каневъ турокъ. Далѣе слѣдуютъ житія преподобнаго Іова, почаевскаго игумена, князя Ѳеодора Острожскаго и другихъ святыхъ, проведшихъ свою жизнь въ борьбѣ за вѣру и народность. Изложеніе житій строго объективно и сжато; главные факты нигдѣ не опущены, выдвинуты на первый планъ и выразительно говорятъ сами за себя. Такими-же достоинствами отличается и «отрывокъ изъ исторіи уніи въ Бѣлоруссіи», въ которомъ изображена полная трагизма борьба витебскихъ и полоцкихъ мѣщанъ

со своимъ епископомъ Іосафатомъ Кунцевичемъ, преданнымъ уніи до фанатизма. «Краткое описаніе супрасльскаго благовѣщенскаго монастыря», а равно біографія недавно умершаго минскаго архіепископа Антонія Зубка заставляетъ авторовъ этихъ статей коснуться исторіи уніи за все время ея господства, т. е. отъ конца XVI-го и до первой почти половины XIX-го вѣка. Объ архіепископѣ Антоніѣ достаточно замѣтить, что онъ былъ школьнымъ товарищемъ, другомъ, а потомъ и главнымъ сотрудникомъ митрополита Іосифа Симашка въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ. Всѣ статьи, при полной точности и историческомъ безпристрастіи, изложены литературнымъ языкомъ, легкимъ и удобопонятнымъ. Приложенный къ календарю, литографированный, прекрасной работы, портретъ цесаревича Николая Александровича напоминаетъ намъ приложенія, какія въ былое время давались «Кіевскимъ Народнымъ Календаремъ». И все это за 30 копѣекъ!

Нельзя не отдать полной справедливости умѣнью и такту редакціи виленскаго календаря: при выборѣ статей она руководилась исключительно желаніемъ познакомить своихъ читателей съ роднымъ прошлымъ, воздерживаясь отъ полемики, хотѣла дать имъ духовное оружіе для духовной-же борьбы съ католицизмомъ и полонизмомъ, этимъ больнымъ мѣстомъ сѣверо-западнаго края. Въ пользѣ такихъ изданій сомнѣваться нельзя, за успѣхъ ихъ ручаться можно.

Холмскій народный календарь, изданный холмскимъ свято богородицкимъ братствомъ, которое ставитъ цѣлью своего существованія и дѣятельности поддержаніе и распространеніе православія въ Забужной Руси, имѣетъ національно-религіозный полемическій характеръ; этотъ послѣдній образно выражается въ виньеткѣ оберточнаго листа, гдѣ представлено преніе о вѣрѣ князя Романа Галицкаго съ послами папы Иннокентія III. Содержаніе виньетки передано словами Радзивиловской лѣтописи (на второмъ листѣ), которыя и составляютъ такимъ образомъ эпиграфъ книги. Обычныя календарныя свѣдѣнія здѣсь совершенно отсутствуютъ, если не считать правилъ о пріемѣ учениковъ въ холмское духовное училище да списка ярмарокъ въ губерніяхъ привислянскаго края (даже нѣтъ разбора вексельной и гербовой бумаги). Святцы православной и католической церкви, а также все, что касается богослуженія и праздниковъ, сообщено весьма обстоятельно. Рядомъ со святцами и обычнымъ историческимъ календаремъ помѣщены народныя примѣты о погодѣ и урожаяхъ; но это примѣты великорусскаго происхожденія и едва-ли подходятъ подъ климатическія условія Холма и его окрестностей. Мы думаемъ, что въ каждой мѣстности есть своя особенная метеорологія и свои обычаи въ сельскомъ хозяйствѣ, которымъ и слѣдовало-бы дать здѣсь мѣсто,

какъ сдѣлано это, напр., въ Календарѣ юго-западнаго края на 1873 годъ, лучше и полнѣе котораго у насъ до сихъ поръ не появлялось въ Кіевѣ ни одного. Остальныя статьи въ холмскомъ календарѣ историческаго содержанія и приближаютъ его нѣсколько къ древнимъ изборникамъ XIV и XV вѣковъ (Златая Чепь, Матица Златая или Жемчугъ, Измарагдъ, Маргаритъ и проч.), особенно-же къ тѣмъ изъ нихъ, которые назывались хронографами или палеями и въ которыхъ, по преимуществу, помѣщались историческія и полемическія произведенія. Первая изъ его статей излагаетъ исторію «города Холма и его святыни», чудотворной иконы Божіей Матери, отчетливое изображеніе которой и приложено при этомъ. Авторъ предполагаетъ основаніе города еще при Владимірѣ св. и заканчиваетъ разсказомъ о неудачной попыткѣ татаръ взять городъ въ 1260 году; неудача приписывается заступничеству Божіей Матери, которой икона, израненная татарами, стала съ тѣхъ поръ чествоваться христіанами. Это серьезная статья и одна изъ лучшихъ въ календарѣ. Далѣе слѣдуетъ житіе «св. преподобномученика Аѳанасія Филипповича, игумена брестскаго», составленное по его «Діаріушу»; оно выиграло-бы въ живости изложенія и въ точности характеристики этого святого, если-бы авторъ воспользовался очеркомъ жизни и дѣятельности Филипповича, напечатаннымъ г. Орестомъ Левицкимъ въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1878-й годъ. «Житіе преподобнаго пустынножителя Онуфрія», подвизавшагося въ Ѳиваидской пустынѣ, изложено весьма подробно, въ ущербъ житію Филипповича, имѣющему мѣстный интересъ. Первое съ удобствомъ могло-бы быть сокращено, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ. Статьи: «Наша родная исторія» и «О томъ, какъ древняя Польша любила Русь послѣ брестской церковной уніи», очерчиваютъ кратко исторію козацкихъ войнъ до Богдана Хмельницкаго и въ его время; ради послѣдовательности слѣдовало-бы переставить ихъ одну на мѣсто другой; вторая статья—простая перепечатка изъ извѣстнаго «Вѣстника Юго-Западной Руси» г. Говорскаго. Слѣдуетъ затѣмъ сказаніе 1766 года о страданіяхъ мліевскаго старосты Данила Кушнира, замученнаго поляками за преданность православію. Сказаніе передается безъ обработки, какъ сырой матеріалъ, въ такомъ видѣ оно не разъ уже переходило изъ одного сборника въ другой и пріобрѣло большую извѣстность, благодаря своей характерности. Честь открытія сказанія принадлежитъ о. П. Г. Лебединцеву; въ первый разъ оно было напечатано имъ въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» за 1860 г., потомъ вошло въ составъ брошюры, предназначенной для народнаго чтенія: «Сказанія о стародавнихъ людяхъ кіевской земли» (Кіевъ. 1865 года), затѣмъ помѣщено въ «Собраніи сочи-

невій М. А. Максимовича» (стр. 555), наконецъ перепечатано въ «Сборникѣ документовъ пропаганды» (стр. 239) и отсюда уже заимствовано редакціей календаря. Краткій, но любопытный «Разсказъ восьмидесятилѣтняго старика объ обрядахъ, сохранившихся въ народѣ со временъ древняго благочестія», касается лишь обрядовъ при вѣнчаніи, крещеніи и панихидѣ, которые, выведенные въ эпоху уніи изъ употребленія въ церкви, стали исполняться съ тѣхъ поръ православными дома; это—обведеніе жениха и невѣсты вокругъ аналоя, наложеніе вѣнцовъ на нихъ, обведеніе кума и кумы вокругъ купели и служеніе панихиды на заупокойной просфорѣ. «Отношенія южно-русскаго народа къ полякамъ и жидамъ во времена уніи» изображены по народнымъ пѣснямъ хотя рѣзко, но живо и обстоятельно. Этотъ трудъ г. Янковскаго производитъ на читателя тяжелое впечатлѣніе, вызывая горькое чувство при мысли о пережитыхъ народомъ страданіяхъ. «Поѣздка въ Кіевъ и Почаевъ въ 1884 году» описана весьма подробно священникомъ Алек. П....нмъ; въ описаніи не мало сценъ, вызывающихъ умиленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на тотъ весьма прискорбный фактъ, что католичество и до сихъ поръ, не будучи господствующимъ исповѣданіемъ, продолжаетъ вести, и не безъ успѣха, борьбу съ православіемъ. Этотъ-же фактъ еще убѣдительнѣе подтверждается Виленскимъ Календаремъ, по которому въ Супрасльскомъ имѣніи (бѣлостокскаго уѣзда, гродненской губерніи) въ 1867 году было 1327 человѣкъ обоего пола православныхъ, а въ 1884 году всего 125; остальные католики и лютеране.

«Выписки изъ древняго историческаго календаря» привели насъ просто въ недоумѣніе. Ни на какой древній исторический календарь здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія. Это ничто иное, какъ передачныя словами неизвѣстнаго автора выдержки мнѣній извѣстныхъ историковъ Карамзина, Коялович, Даниловича, Петрушевича, Шараневича и другихъ по разнымъ вопросамъ мѣстной исторіи. Трудно понять, почему потребовалось несоотвѣтствующее содержанію заглавіе. Въ календарѣ есть не мало историческихъ изреченій и анекдотовъ, характеризующихъ враждебныя отношенія народностей въ край. Все это заканчивается древними духовными виршами и нотами къ нимъ. Въ календарѣ для тамошняго народа это едва-ли не лучшее.

Сопоставляя оба названные календаря, мы видимъ, что содержаніе ихъ отъ начала до конца вызвано и обусловлено потребностями культурной и религіозной борьбы національностей и оба они имѣютъ въ виду эту именно цѣль; тѣмъ не менѣе они замѣтно отличаются другъ отъ друга. Въ то время какъ Виленскій Календарь старается излагать печальные факты исторіи безъ всякихъ прикрасъ и коментаріевъ, въ виду, конечно,

того, что факты сами за себя и отъ себя говорятъ,—Холмскій, напротивъ, давая извѣстный оттѣнокъ этимъ фактамъ, получаетъ весьма замѣтный полемическій характеръ. Само собою разумѣется, что эта разница должна быть объясняема взглядами и характеромъ самихъ редакцій.

Искренне желаемъ успѣха обоимъ изданіямъ въ достиженіи намѣченной цѣли. Указывая на слабыя стороны календарей, мы съ удовольствіемъ отмѣчали все, что заслуживаетъ вниманія и уваженія въ нихъ. Въ заключеніе, не можемъ не выразить надежды, что полезное это дѣло не прекратится и въ будущемъ году и что обѣ редакціи, снабжая народную массу хлѣбомъ духовнымъ, не откажутъ ей въ указаніяхъ, необходимыхъ иногда при добываніи и хлѣба насущнаго. Въ этомъ случаѣ мы позволяемъ себѣ указать, какъ на примѣръ, на календари кіевскіе.

И. Каманинъ.

П. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.

Ну, чтобы, кажется, проще, какъ имѣть нашему «Богомъ хранимому граду Кіеву» свою подробную исторію? А между тѣмъ мы, не смотря на близящееся трехсотлѣтіе духовной академіи и недавно исполнившееся пятидесятилѣтіе университета, до сихъ поръ не имѣемъ ни исторіи городской общины, ни исторической топографіи города. Собираются пока матеріалы. Исторіи отдѣльныхъ мѣстъ, древностей, зданій, хотя и давно уже разрабатывается многими славными мужами, но цѣльнаго до сихъ поръ еще нѣтъ ничего. Капитальный трудъ г. Закревскаго: «Описаніе Кіева» требуетъ пересмотра, исправленій и дополненій и скорѣе можетъ служить сводомъ матеріала для исторіи, чѣмъ самой исторіей. Весьма многіе вопросы разрѣшаются гадательно и нерѣдко даютъ поводъ къ продолжительнымъ и горячимъ спорамъ. Разрѣшенію мѣстныхъ вопросовъ посвящаетъ свои труды и уважаемый авторъ названной брошюры П. Л. Онъ не первый годъ работаетъ по исторіи нашего края вообще и города въ частности, и это не первая его работа; каждая изъ нихъ всегда заключала въ себѣ что-либо новое и неожиданное. Благодаря глубокому знанію нашихъ лѣтописей и подробному критическому анализу мелкихъ данныхъ лѣтописи и ихъ удачной комбинаціи, у автора всегда получается въ результатѣ такое рѣшеніе затронутаго вопроса, что оно, будучи наиболѣе вѣроятнымъ, измѣняетъ

сложившіяся раньше мнѣнія. Цѣль брошюры «Описаніе михайловскаго монастыря» дать кіевскимъ паломникамъ краткое руководство при обозрѣніи одной изъ древнихъ мѣстныхъ святынь. Составленное вполнѣ научно и обстоятельно, это описаніе, при бѣдности у насъ такого рода произведеній, является вполнѣ желанной и отрадной новинкой. Авторъ описанія, хорошо знакомый съ литературой своего предмета, сообщаетъ новыя и выбираетъ наиболѣе основательныя мнѣнія. Такъ подъ рубрикой: «начало монастыря» онъ излагаетъ свое мнѣніе о томъ, что на мѣстѣ теперешняго златоверхо-михайловскаго монастыря существовалъ прежде дмитріевскій, основанный въ 1060 году великимъ княземъ Изяславомъ-Дмитріемъ Ярославичемъ, около 1086 г.—св. Петра, а въ 1108 году заложена была церковь во имя архистратига Михаила великимъ княземъ Святополкомъ-Михаиломъ Изяславичемъ. Въ 1128 г. «переяша печеряне (т. е. власти печерскаго монастыря) церковь св. Дмитрія и нарекоша ю Петра». Съ этого времени исчезло названіе церкви св. Дмитрія; повѣденіе печерянъ лѣтописецъ называетъ «великимъ грѣхомъ и неправдою». По мнѣнію автора церковь св. Дмитрія погибла среди запустѣнія Кіева въ теченіи XV вѣка, уцѣлѣла-же только михайловская, которая и даетъ теперь монастырю свое имя, вошедшее въ употребленіе не ранѣе XVI вѣка [1]). Далѣе авторъ излагаетъ исторію сооруженія и расположенія храмовъ монастыря, иллюстрируя ее приложеннымъ въ концѣ книги планомъ, описываетъ иконостасъ, отдѣльныя замѣчательныя иконы, алтарь и мозаику въ немъ; передаетъ разсказъ о судьбѣ мощей св. великомученицы Варвары, исчисляетъ лицъ, погребенныхъ въ михайловскомъ храмѣ и его придѣлахъ, описываетъ колокольню, ограду, гостинницу, архіерейскій домъ и монашескія келіи, а равно земельныя угодья, прежде принадлежавшія и нынѣ принадлежащія, и монастыри, зависимыя отъ михайловскаго. Авторъ говоритъ кратко, между прочимъ, о ризницѣ и библіотекѣ; о послѣдней только упоминаетъ, а между тѣмъ людямъ, наученнымъ книжному искусству (какъ мѣстнымъ, такъ и посѣщающимъ Кіевъ) прежде всего интересно было-бы имѣть, конечно, не каталогъ, а хотя-бы общее знакомство съ содержаніемъ книгъ и рукописей и временемъ ихъ изданія; этихъ-то указаній въ брошюрѣ и нѣтъ, къ сожалѣнію. Наконецъ въ ней приводится списокъ настоятелей кіево-михайловскаго монастыря, начиная съ 1503 года и до благополучно правящаго имъ нынѣ преосвященнаго Виталія Іосифова; въ заключеніе описана живописная дача монастыря—Ѳеофанія.

И. Каманинъ.

---

[1]) Подробности объ этомъ см. въ «Чтеніяхъ историческаго общества Нестора лѣтописца, кн. I, 1873—1877 г. стр. 28—36.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КУРАКОВСКІЙ ДОГОВОРЪ КОЗАКОВЪ СЪ ПОЛЯКАМИ 1625 ГОДА.

Куракoвскій договоръ принадлежитъ къ числу самыхъ тягостныхъ и унизительныхъ для козаковъ. Мѣсто заключенія его опредѣляется въ исторіи Куракoвымъ озеромъ и урочищемъ «Медвѣжьи лозы». Очевидно, договоръ былъ заключенъ вдали отъ населенныхъ мѣстъ, на походѣ или на мѣстѣ сраженія. Опредѣленіе мѣста его заключенія, кромѣ прямаго своего интереса, можетъ служить объясненіемъ невыгодности самаго договора и его тяжкихъ условій. Въ этомъ и заключается поводъ и цѣль настоящей замѣтки.

Для ясности дѣла очертимъ вкратцѣ политическое положеніе козаковъ и всего православнаго населенія южной Россіи въ 20-хъ годахъ XVII ст. и вызванное имъ вооруженное столкновеніе между козаками и польскими силами, закончившееся куруковскимъ договоромъ, а затѣмъ уже попытаемся съ возможною точностію опредѣлить мѣсто заключенія этого договора.

Двадцатые годы XVII ст. были однимъ изъ самыхъ тяжкихъ періодовъ въ жизни южной Руси. Длилось царствованіе фанатика-короля, игралища магнатовъ, орудія римской куріи, слуги іезуитовъ. По побужденіямъ внутренней и внѣшней политики правительство Сигизмунда III напрягало всѣ усилія къ тому, чтобы сломить выроставшую на его глазахъ грозную козачую силу, мѣшавшую давно задуманной имъ и всѣми мѣрами проводимой полити-

ческой и церковной уніи; но въ тоже самое время ему пришлось не разъ искать спасенія въ этой самой силѣ отъ внѣшнихъ враговъ, какъ было въ войны шведскую и турецкую. Судьба козаковъ и всего православнаго населенія Польши облегчалась по мѣрѣ неудачъ поляковъ въ войнахъ съ сосѣдями. Гетману Сагайдачному, выручившему дважды изъ неминуемой гибели королевича Владислава, удалось отстоять права козаковъ, возстановить православную іерархію, съ возвратомъ отнятыхъ уніатами церквей и монастырей, и добиться провозглашенія свободы православнаго исповѣданія; но лишь только онъ скончался отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ подъ Хотиномъ, какъ всѣ плоды его умной и твердой политики обращены въ ничто. И при жизни впрочемъ его притѣсненія козаковъ, гоненія на православныхъ не прекращались. Правительство польское давало самыя противурѣчивыя обѣщанія, которыхъ никогда не думало да и не могло исполнить. Не разъ отъ лица сейма оно торжественно обязывалось смирить козаковъ и не допускать ихъ до набѣговъ на турецкія и татарскія владѣнія; но, прибѣгая къ помощи тѣхъ-же козаковъ для собственной защиты, оно должно было дѣлать уступки въ пользу ихъ и всего южно-русскаго народа, а между тѣмъ никогда не отступало отъ своего давняго плана совершеннаго уничтоженія православія и народности русской, поддерживаемое въ этомъ всѣма силами польской шляхты, іезуитовъ и самаго папы. Неудивительно, что со смертію Сагайдачнаго строгости противъ козаковъ, стѣсненія православныхъ усилились вновь. Православный митрополитъ не былъ признанъ въ своемъ званіи, прочіе православные епископы были вовсе изгнаны изъ своихъ епархій, возвращенныя недавно церкви и монастыри вновь отняты, исповѣдники православія подвергались самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ. Въ 1625 году православные епископы отправили своихъ пословъ на сеймъ съ цѣлію добиться легальнымъ путемъ возстановленія попираемыхъ повсюду ихъ правъ. Но въ то время, когда они съ нетерпѣніемъ ждали, какую-то вѣсть принесутъ имъ депутаты съ сейма, гоненія на православіе открылись въ самой колыбели его Кіевѣ. Представитель общественнаго здѣсь самоуправленія, кіевскій войтъ Ѳеодоръ Ходыка, уступая давленію польско-уніатской партіи, началъ въ самомъ Кіевѣ печатать церкви, отнимать у нихъ угодья, имущества. При первой вѣсти объ этомъ козаки двинулись на

Кіевъ, отпечатали церкви, возвратили имъ отнятыя угодья, убили самаго Ходыку. Сеймъ требовалъ укротить козаковъ силою оружія, и противъ нихъ двинутъ былъ Конецпольскій съ войскомъ.

Козаки оставили Кіевъ и поспѣшили отступить къ Каневу, куда не замедлилъ прибыть и Конецпольскій. Козаки просили его не начинать противъ нихъ войны, заявляя, что они желаютъ войти съ Рѣчью-Посполитою въ переговоры, лишь только прибудетъ съ Низу ихъ гетманъ Жмайло. Между тѣмъ, часть козаковъ, числомъ 3 тысячи, ушла изъ Канева по направленію къ Черкасамъ, а затѣмъ къ Боровицѣ. За ушедшими послана погоня. Пользуясь раздѣленіемъ силъ Конецпольскаго, и остальные козаки ушли изъ Канева по направленію къ тому-же мѣсту, т. е. Черкасамъ и Боровицѣ, куда и прибыли 19 октября. Здѣсь опять обратились козаки къ Станиславу Конецпольскому съ просьбою пріостановить военныя дѣйствія, направленныя противъ нихъ.

Не получая отвѣта, козаки опять отступаютъ и достигаютъ 25 октября мѣстечка Крылова, находящагося въ углу, на лѣвой сторонѣ р. Тясмина, при впаденіи ея въ Днѣпръ. На другой день прибылъ сюда и Конецпольскій и тотчасъ-же послалъ условія козакамъ. Условія были невыгодныя, унизительныя; козаки собрали раду и тутъ-же отвергли ихъ.

Конецпольскій, разсмотрѣвъ съ высокаго кургана въ зрительную трубу козачій лагерь и замѣтивъ его слабыя стороны, быстро ударилъ на козаковъ; тѣ дали отчаянный отпоръ. Битва продолжалась цѣлый день, до поздняго вечера, и все таки осталась нерѣшительною. На другой день Конецпольскій отдаетъ приказъ штурмовать козачій таборъ. Находясь въ невыгодной позиціи и ослабѣвъ въ силахъ, козаки не надѣялись устоять противъ настойчиваго и опытнаго вождя Рѣчи-Посполитой, а потому рѣшились тайно переправиться на лѣвый берегъ Днѣпра; но поднявшаяся буря не допустила ихъ до переправы. Нѣкоторые смѣльчаки бросились вплавь, но тутъ-же, на глазахъ своихъ, потонули. Что оставалось дѣлать? Козаки опять рѣшаются отступать, разсчитывая, быть можетъ, на помощь запорожцевъ. Переправясь черезъ рѣчки (*Тясминъ* и *Цыбульникъ*), они достигаютъ «стараго городища» надъ Кураковымъ озеромъ, на Медвѣжьихъ Лозахъ». Конецпольскій по пятамъ слѣдуетъ за ними, пославъ предварительно кавалерійскій отрядъ окружнымъ

путемъ, чтобы перерѣзать отступавшимъ путь. Увидѣвъ себя окруженными съ двухъ сторонъ, козаки пріостановились, рѣшившись еще разъ попытать счастья на полѣ битвы. Нѣсколько разъ они бросались въ битву, но безуспѣшно. Не видя ни откуда помощи, истощивъ свои огнестрѣльные припасы, козаки согласились наконецъ на условія, предложенныя имъ Конецпольскимъ, и заключили съ Рѣчью-Посполитою, такъ называемый, *Кураковскій договоръ въ 1625 году, 6-го ноября.*

Теперь перейдемъ къ вопросу, гдѣ найти, къ чему пріурочить то мѣсто, на которомъ козаки, побѣжденные Конецпольскимъ, рѣшились на тяжелыя условія, выраженныя въ кураковскомъ договорѣ?

Чтобы отыскать это мѣсто, разсмотримъ тѣ примѣты и названія, которыя упоминаются историками, повѣствующими объ изложенныхъ выше событіяхъ.

Припомнивъ, что козаки начали отступленіе свое отъ Крылова 28 октября, что еще нѣсколько дней прошло въ битвахъ и что самый кураковскій договоръ окончательно заключенъ только 6-го ноября того-же, т. е. 1625 г., мы легко прійдемъ къ тому заключенію, что козаки отъ мѣста своего послѣдняго отступленія не могли далеко уйти внизъ по Днѣпру. Большіе пески, находящіеся ниже Крылова, въ днѣпровскихъ плавняхъ, задержали отступленіе козаковъ, потому они успѣли пройти, быть можетъ, не болѣе 20—25 верстъ. На такомъ разстояніи мы и будемъ искать историческихъ слѣдовъ мѣста заключенія этого договора.

Первая примѣта, обозначающая мѣсто заключенія кураковскаго договора, есть «старое городище», а въ районѣ разсматриваемой мѣстности есть три городища: *табурищенское*, *камяно-потоцкое* и *кременчугское*.

Табурищенское городище находится на мысу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Цыбульника въ Днѣпръ. На этомъ самомъ мѣстѣ Эрихъ Лясота, плывшій по Днѣпру въ Запорожье въ 1593 г., видѣлъ татарскую мечеть; а если была мечеть, то существовало, конечно, и не малое поселеніе, отдѣльныя-же поселенія не обходились въ то время безъ какихъ либо укрѣпленій. И дѣйствительно тутъ долго существовали остатки стараго укрѣпленія. Въ 1860 г., по словамъ прежняго священника с. Табурища (теперь онъ въ Новогеоргіевскѣ, бывшемъ Крыловѣ), жилъ въ этомъ селѣ столѣтній

старикъ, который передавалъ, что въ дѣтствѣ своемъ онъ еще видѣлъ полусгнившіе дубы, окружавшіе частоколомъ городище и что тогда уже этимъ дубамъ, по ихъ ветхости, давали болѣе ста лѣтъ. Итакъ лѣтописное «старое городище» легко пріурочивается къ нынѣшнему селенію Табурище. Здѣсь Днѣпръ близко подходитъ къ Табурищу. Далѣе горы, идущія вдоль праваго берега Днѣпра, отходятъ отъ него на разстояніи отъ 1 до 7 верстъ. Затѣмъ горы опять понижаются къ Днѣпру и упираются въ него при самомъ селеніи Камяно-потоцкомъ. Между Табурищемъ и Камяно-потоцкимъ мы видимъ прекраснѣйшую долину, испещренную лѣсками, рощами, наполненную озерами, ручьями, извѣстную въ народѣ подъ названіемъ «Днѣпровскихъ плавень». Разстояніе между двумя пунктами, указанными выше, будетъ 20—25 верстъ.

Камянопотоцкое городище находится на скатѣ горы, въ селѣ этого имени, возлѣ самой церкви. Относительно времени его происхожденія я не имѣю никакихъ свѣдѣній: ни письменныхъ, ни печатныхъ, ни устныхъ.

Городище кременчугское находилось на лѣвой сторонѣ Днѣпра тамъ, гдѣ теперь Кременчугъ. Въ татарскій періодъ здѣсь была крѣпость, называвшаяся по татарски «Керменчикъ». Послѣднее слово въ устахъ нашего народа могло легко измѣниться въ Кременчугъ, подобно тому, какъ Херсонесъ въ Херсонъ. Лясота видѣлъ и это городище. Если авторъ повѣствованія о возстаніи козаковъ въ 1625 г. подъ именемъ «стараго городища» разумѣлъ именно кременчугское, въ такомъ случаѣ его слова надобно понимать такъ: уходя изъ-подъ Крылова, козаки пришли къ тому мѣсту, которое находится противъ «стараго городища», лежащаго на лѣвой сторонѣ р. Днѣпра.

Второй признакъ, указывающій на мѣсто заключенія кураковскаго договора, есть Кураково озеро.

Названіе это у разныхъ авторовъ приводится различно именно: Кураково и Краково, Куруково и Круково. Послѣднее слово въ устахъ народа измѣнилось въ Крюковъ. Въ настоящее время нѣтъ ни озера, ни рѣчки съ именемъ «Крюковъ». Но въ прошломъ столѣтіи одна изъ рѣчекъ въ днѣпровскихъ плавняхъ называлась «Крюковъ». Объ этомъ свидѣтельствуетъ Семенъ Степановичъ Пишчевичъ въ своихъ «Запискахъ», изданныхъ въ прошломъ году профес-

соромъ московскаго университета г. Поповымъ. При этомъ меня не затрудняетъ то обстоятельство, что Пишчевичъ прилагаетъ названіе «Крюковъ» не къ озеру, а къ рѣчкѣ. Кто видѣлъ днѣпровскія плавни въ разное время года, тотъ не могъ не замѣтить, какъ лѣтомъ и осенью, особенно при сушѣ, рукава, заливы и ручьи обращаются въ озера, а при возвышеніи воды изсохшіе ручьи опять наполняются водою. Поэтому не будетъ съ моей стороны ошибки, если я скажу, что «Кураково озеро» у польскихъ писателей и рѣчка «Крюковъ» у Пишчевича, жившаго въ прошломъ столѣтіи, есть одно и тоже. Куракевскій договоръ заключенъ въ началѣ ноября, когда убыль воды, особенно въ сухую осень, достигаетъ самаго большаго пониженія и когда, слѣдовательно, многія рѣчки обращаются въ озера, а въ томъ числѣ, конечно, и Крюковъ. Пишчевичъ-же переѣзжалъ черезъ рѣчку Крюковъ раннею весною, когда, слѣдовательно, вода прибавляется отъ таянія снѣговъ и когда потому многія озера обращаются въ рѣчки, а въ томъ числѣ и Круково (Крюково).

Наконецъ третій признакъ, указывающій на мѣсто заключенія кураковскаго договора, есть урочище: «Медвѣжьи Лозы».

Въ днѣпровскихъ плавняхъ, въ окрестностяхъ Крюкова, лоза растетъ въ большомъ изобиліи. Она бываетъ разныхъ сортовъ: бѣлая, красная, черная. Лозы здѣсь названы медвѣжьими, конечно потому, что въ нихъ водились медвѣди. Лясота, возвращаясь сухимъ путемъ изъ Запорожья по направленію къ Чигирину, проѣзжалъ отъ окрестностей нынѣшняго Крюкова не болѣе какъ въ двадцати верстахъ, гдѣ повстрѣчался съ медвѣдемъ. Да и писатели XVIII и даже XVII столѣтій упоминаютъ между прочимъ о медвѣдяхъ, водившихся въ лѣсныхъ мѣстахъ сѣверо-западной части нынѣшняго александрійскаго уѣзда.

Припомнимъ теперь кратко путь, по которому двигались козацкія и польскія силы, и мы увидимъ ясно мѣсто послѣдней ихъ стычки и самаго договора. Козаки, переправившись черезъ рѣку Тясминъ, пошли вдоль праваго берега Днѣпра, перешли рѣчку Цыбульникъ и пройдя мимо «стараго городища», которое называю табурищенскимъ, вступили въ днѣпровскую долину, или плавни. Осенью и лѣтомъ здѣсь очень хорошо и удобно проходить и проѣзжать. Конецпольскій съ главными силами пошелъ вслѣдъ за коза-

ками, а обходной отрядъ слѣдовалъ конечно по горѣ, идущей въ 6—7 верстахъ отъ Днѣпра. Возлѣ нынѣшняго Крюкова и было то мѣсто, гдѣ козаки, увидѣвъ себя атакованными съ двухъ сторонъ, вынуждены были согласиться на тяжкія условія, предложенныя имъ Конецпольскимъ, заключивъ кураковскій или куруковскій договоръ 6 ноября 1625 года. Это именно мѣстности нынѣшняго посада Крюкова, лежащаго на правой сторонѣ Днѣпра, насупротивъ уѣзднаго города Кременчуга, полтавской губерніи. Тутъ, какъ и подъ Крыловымъ, козаки очутились какъ-бы въ западнѣ: спереди и сзади ихъ давили поляки, съ боковъ были Круково озеро и горы, Медвѣжьи Лозы и за ними Днѣпръ. Какъ ни были тяжки условія, предложенныя Конецпольскимъ, козаки должны были принять ихъ. Это вынуждала не только слабость ихъ силъ, но и позиція, въ которую они попали, тщетно ожидая съ низу подкрѣпленія.

Свящ. **В. Никифоровъ.**

КІЕВСКАЯ АКТОВАЯ РѢЧЬ 1841 ГОДА.

Въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ кіевскихъ, да и другихъ, публичные акты явились недавно, съ 60-хъ годовъ. Прежде ихъ замѣняли публичные экзамены, соединявшіеся до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія съ публичными-же диспутами. Тогда какъ теперь ядро актовъ заключается въ составляемыхъ по неизмѣнной формѣ отчетахъ и жизнь заведенія, даже знанія и поведеніе учениковъ представляются въ цифрахъ, тогда все это выставлялось, такъ сказать, натурою. Да, это въ собственномъ смыслѣ была выставка знанія и успѣховъ учащихся и притомъ съ казоваго конца. Испытаній въ обыкновенномъ смыслѣ тутъ не было,—они производились раньше при закрытыхъ, такъ сказать, дверяхъ, для публичныхъ-же не только въ училищахъ и семинаріяхъ, но даже въ академіи назначалось заранѣе, кто и что долженъ отвѣчать по тому или другому предмету. Назначались, конечно, лучшіе и болѣе казистые студенты, по два на предметъ. Предсѣдательствовавшій владыка объявлялъ лишь предметъ, по которому слѣдуетъ испытаніе; кого и объ чемъ именно спросить—предоставлялось профессору. Конечно, отвѣты не могли быть иными, какъ только самыми лучшими по

всѣмъ вообще предметамъ. Въ частности интересъ отвѣта зависѣлъ не только отъ темы, удачно выбранной, но и отъ бойкости отвѣчавшаго, такъ какъ владыка дѣлалъ свои замѣчанія, поправки и возраженія, на которыя долженъ былъ отвѣчать испытуемый студентъ. Въ такомъ видѣ публичные экзамены отнюдь не были обманомъ публики, но только выставкою предъ нею знанія и науки, точь въ точь какъ производили это наши дворяне XVIII ст. предъ роднею и сосѣдями съ своими Петрусями и Ясями, по обученіи ихъ дома или за границей. Роль отца здѣсь занималъ владыка и ему конечно должны были выразить публично свои чувства и испытуемыя имъ дѣти и приставленные къ нимъ учители, а онъ публично-же ихъ похвалялъ и благодарилъ. Выраженіе чувствъ производилось въ двухъ рѣчахъ: привѣтственной предъ началомъ экзамена и благодарственной по окончаніи онаго. Рѣчи обращались обыкновенно къ лицу владыки. Конечно, рѣчи готовились заранѣе, прочитывались, исправлялись и даже прослушивались, а для составленія и сказыванія рѣчей выбирались самые рѣчистые и съ хорошею дикціею студенты. Все это лежало на заботѣ и обязанности профессора краснорѣчія. Въ 40-хъ годахъ такимъ профессоромъ въ кіевской академіи былъ глубоко памятный намъ Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ. Это былъ человѣкъ оригинальнаго ума и высокихъ дарованій. Однообразіе сказываемыхъ на публичныхъ экзаменахъ рѣчей и выражаемыхъ ими чувствъ претило ему, и вотъ въ X курсѣ академіи, оканчивавшемся въ 1841 году, онъ пожелалъ пооригинальничать рѣчью и для этой цѣли выбралъ въ ораторы оканчивавшаго тогда курсъ молдована Василія Скрибана-Попеску, впослѣдствіи архіепископа ясскаго Филарета. Рѣчь имъ сказанная произвела глубокое, поражающее впечатлѣніе. Плакалъ старецъ—владыка Филаретъ, глоталъ слезы говорившій, прослезились многіе и многіе изъ слушавшихъ. О рѣчи говорили много и долго, студенты и семинаристы списывали ее и теперь она циркулируетъ во многихъ и многихъ спискахъ. Вотъ эта блестящая, глубоко трогающая рѣчь.

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

Милостивый архипастырь и отецъ!

Я здѣсь чужеземецъ; мой родъ, мое отечество далеко отсюда, и языкъ у насъ иной; но здѣсь, въ этой колыбели вѣры и просвѣщенія величайшей въ свѣтѣ монархіи, я принятъ какъ свой, и, можетъ быть, болѣе чѣмъ свой. Два года провелъ я здѣсь, подъ твоимъ отеческимъ покровительствомъ, подъ руководствомъ добрыхъ наставниковъ, въ пріязни отъ всѣхъ меня окружающихъ, и эти два года почитаю лучшими въ своей жизни. Кто болѣе меня обязанъ глубочайшею благодарностію и сему святилищу наукъ, и особенно твоимъ, милостивѣйшій архипастырь, попеченіямъ и христіанской любви? Мои сотоварищи по наукѣ, братья по вѣрѣ, други по душѣ и юношеской пріязни оспаривали у меня слово благодаренія, но я сказалъ имъ; «вы свои, вы имѣете право на благодѣянія, и вамъ остается цѣлая жизнь для подвиговъ благодарности: предоставьте мнѣ, страннику, послѣднюю минуту и послѣднее слово благодаренія для изліянія священныхъ чувствій души, глубоко признательной. Они предоставили, и я почитаю себя вполнѣ счастливымъ, что могу изречь предъ тобою, милостивѣйшій архипастырь, тѣ чувствованія, съ которыми оставляю сіе незабвенное для меня мѣсто, гдѣ обрѣлъ я сокровище истинной христіанской мудрости и православнаго ученія вѣры, которыхъ не находилъ я нигдѣ.

Если возвращусь на мою родину, и мое отечество спроситъ у меня: позналъ-ли ты истинную мудрость и благочестіе христіанское? я скажу имъ: не только позналъ, но и видалъ ихъ, и укажу на тебя, іерархъ благочестивый.

Если сосѣдній моему отечеству гордый мусульманинъ спроситъ у меня: чѣмъ твоя вѣра лучше другихъ? я скажу ему: христіанскою безкорыстною любовію, и укажу на тебя, іерархъ христолюбивый! на великодушіе и гостепріимство великаго народа русскаго, воспитаннаго въ вѣрѣ православной и видимо осѣняемаго благословеніемъ Вышняго.

Если похваляющійся всезнаніемъ европеецъ войдетъ со мною въ состязаніе, я скажу ему: можетъ быть, вы и все знаете; но вы не видали православной церкви въ древней чистотѣ и благолѣпіи, и я не видалъ между вами особъ православныхъ.

Такъ милостивѣйшій архипастырь и отецъ, въ твоей паствѣ, въ твоей академіи изучалъ я обширную науку вѣры православной, здѣсь видѣлъ я чинъ и устройство истинной церкви Христовой, видѣлъ благолѣпіе церковное во всей красѣ и чистотѣ древней; при твоемъ священнослуженіи молился въ древнѣйшихъ храмахъ Руси православной; и все, что могъ познать, могъ видѣть, все понесу въ мою любезную родину, и все постараюсь обратить въ назиданіе себѣ и своимъ соотечественникамъ. Это мой святый обѣтъ, и кромѣ исполненія сего обѣта мнѣ нечѣмъ возблагодарить великій народъ, у котораго жилъ я гостемъ;—нечѣмъ возблагодарить тебя, милостивѣйшій архипастырь.

И у меня есть владыка, старецъ благоговѣйный и милостивый. О, какъ будетъ радоваться духъ его, когда я прійду къ нему, и принесу ему твою любовь, и твое христіанское лобзаніе! Какъ вожделѣнно будетъ для цѣлаго моего отечества, когда принесу ему плоды христіанскаго просвѣщенія изъ того самаго вертограда, который насаждалъ одинъ изъ сыновъ его, столь извѣстный своею ревностію по вѣрѣ христіанской.

Посторонніе посѣтители публичнаго экзамена академіи въ тотъ день, слыша эту рѣчь, получили конечно высокое представленіе объ ораторскомъ талантѣ студента-молдована и о томъ, какъ быстро и превосходно овладѣлъ онъ русскою рѣчью; для насъ-же сокурсниковъ Скрибана-Попеску ясно было лишь то, что онъ отлично усвоилъ эту рѣчь, проникся ея духомъ и мастерски произнесъ ее своимъ особымъ акцентомъ, но ни для кого не составляло секрета, что настоящимъ ея авторомъ былъ все тотъ-же знаменитый и приснопамятный панъ Яковъ Козьмичъ.

Сообщ. прот. **Е. Попруженко.**

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ШЛЯХЕТСКО-КОЗАЧАГО БЫТА XVIII В.

(*Два партикулярныя письма*).

Ниже приводятся два частныхъ письма первой половины XVIII ст., совершенно различныя по содержанію, по имѣющія, кромѣ своей характерности, еще то общее качество, что оба относятся къ

обыденной, домашней южно-русской жизни первой половины прошлаго вѣка. Даже скудныя, отрывочныя бытовыя указанія на пережитыя формы жизни весьма цѣнны для исторіи. Тѣмъ цѣннѣе для нея указанія точныя, недвусмысленныя, яркія. А такія именно и заключаются въ приводимыхъ письмахъ, заимствованныхъ нами изъ фамильныхъ бумагъ А. С. Лашкевича, частью которыхъ мы еще воспользуемся при удобномъ случаѣ.

Вышедшій въ прошломъ году въ Петербургѣ 8-й томъ «Исторической библіотеки», издаваемой археографической коммиссіей (рецензія—въ октябр. кн. «Кіев. Стар.» за 1884 г.) помѣстилъ подробную опись *скарбовъ* низложеннаго гетмана Самойловича, и читающая публика получила понятіе о поражающемъ множествѣ и разнообразіи цѣнностей гетманскаго имущества. Между прочимъ въ описи сразу бросается въ глаза то, что въ безконечномъ ряду описываемыхъ предметовъ—чарокъ, кубковъ, кружекъ, четвертинъ, братинъ, блюдъ, чашъ, поясовъ, перстней, шубъ, сподницъ, сѣделъ, ружей и проч. и проч.—нѣтъ, какъ у насъ теперь, или по крайней мѣрѣ весьма мало—«дюжинъ», «сервизовъ», «костюмовъ», вообще того, что пріобрѣтается нарочито, съ подборомъ. Тамъ каждый слѣдующій предметъ только по названію похожъ на предыдущій, всѣмъ остальнымъ—вѣсомъ, формой, матеріаломъ—отличается отъ него. Это обстоятельство какъ нельзя лучше подтверждаетъ историческія свидѣтельства, что колоссальные «скарбы» гетманскіе собирались по крупицамъ. Собственно о Самойловичѣ лѣтопись говоритъ, что этотъ человѣкъ отличался большимъ «здирствомъ», слѣдовательно сокровища его въ значительной долѣ и составлены именно путемъ неустаннаго насильственнаго извлеченія изъ чужихъ рукъ всего, что только удостоилось непосредственнаго или посредственнаго вниманія его ясневельможности.

Но составъ имущества Самойловича можно, не рискуя ошибиться, принять за типическій, что подкрѣпляется извѣстными доселѣ многочисленными описями приданаго богатыхъ и знатныхъ малороссіянокъ,—«виновными записями» (отъ слова вѣно), какъ онѣ иногда назывались.

Какъ составлялись скарбы, подобные Самойловичевскому, у другихъ гетмановъ? Несомнѣнно, что въ значительной степени изъ подарковъ. Дарили всѣ сословія и по всѣмъ случаямъ: являлась-ли

генеральная старшина и всѣ бывшіе «при боку гетманскомъ», по случаю какого-либо семейнаго или иного праздника; пріѣзжали-ли въ гетманскую резиденцію полковая старшина; прибывалъ-ли какой «посолъ государевъ» или просто купецъ «россійской породы»; поздравлялъ-ли письменно какой-либо игуменъ «съ полноприщемъ великаго поста»; добивался-ли кто-нибудь юстиціи «рейментарской», а тѣмъ паче вниманія и милостей—все это непремѣнно сопровождалось приношеніями всѣхъ видовъ, сортовъ и способовъ. Въ напечатанной въ прошедшемъ номерѣ нашего журнала «Супликѣ на пона», чисто народной и нѣкогда весьма распространенной пьескѣ, прямо говорится, что къ гетману безъ сукна не ходи. Отсюда, рядомъ съ произведеніями художествъ, въ родѣ «золотаго корабля съ человѣчьими парсунами, щоглами и пушечками», рядомъ съ нѣмецкими картинами, часами и проч. въ гетманскихъ кладовыхъ оказываются старые пистолеты, сѣдла, собольи шубы, нарчевыя «спидныци», ломъ серебра, «люльки», нагайки, сукно и проч. Жаль, что червонцы не имѣли особыхъ примѣтъ, а то-бы и они показали, что сплылись къ гетману изъ разныхъ источниковъ, иногда въ дарахъ, вовсе несоотвѣтствующихъ, на нашъ современный взглядъ, гетманскому великолѣпію.

Послѣднее обстоятельство подтверждаетъ и помѣщаемый ниже документъ. Пишетъ полковникъ стародубовскій, извѣстный Лукьянъ «Жоравко» [1]) стародубовскому войту Симеону Тиховичу, изъ Глухова въ Стародубъ, что пять червонныхъ золотыхъ, присланные паномъ войтомъ чрезъ нарочнаго «на поклонъ пану гетмановѣ», онъ полковникъ получилъ, но вручить его ясневельможности тотчасъ не можетъ, «понеже не по тому теперь часъ», т. е. неподходящее время. Дѣло происходитъ 8 октября 1718 года. Почему время было неудобно для «ознайменя» о панѣ войтѣ предъ ясневельможнымъ, находимъ отвѣтъ въ «Дневныхъ запискахъ» Якова Марковича, гдѣ на стр. 4, подъ 1718 годомъ, читаемъ: «Мѣсяца октоврія 12, въ недѣлю, въ Глуховѣ веселье было. Гетманъ Скоропадскій дочь свою Уліяну отдалъ за Петра Петровича Толстаго,

[1]) Журавка былъ сотникомъ новгородскимъ; возведенъ на полковничій урядъ самимъ Петромъ Великимъ въ 1708 году, за проведеніе царскихъ войскъ въ укрѣпленный Мазепою Новгородсѣверскъ.

сына тайнаго совѣтника Петра Андреевича». Разумѣется, гетману, въ хлопотахъ по приготовленію къ свадьбѣ было не до войта стародубовскаго.

Письмо Журавки написано на полулистѣ, замѣчательно красивымъ почеркомъ. Вотъ текстъ его.

Пане вуйте майстрату стародубовского!

Червоныхъ золотихъ пять, на поклонъ ясневелможному пану гетмановѣ отъ вити чрезъ козака посланные, дошли рукъ нашихъ. Съ взглядомъ самого вити и его войтовского уряду, не предкладалисмо еще его панской велможности, понеже не потому теперь часъ. Однакъ же потрафивши благополучное время, ознаймити не забудемъ о вити, и якій будетъ его рейментарской на тое отвѣтъ, листовне не замедлимъ о томъ дати вѣдомо. А теперь похваляемъ вити, же имѣете коло оправованя города нашего полкового старанне, и не лѣнивое о томъ же имѣти тщаніе пилно, пилно жадаемъ, и ему жъ доброго отъ Господа Бога здоровья зичимъ. Зъ Глухова. октоврія 8, 1718 року.

Вити зичливий его царского пресвѣтлое величества войска запор. Полковникъ стародубовскій *Лукіянъ Жоравко.*

А найбарзѣй о войсковомъ погребѣ имѣйте попеченіе зъ господаремъ.

На другой сторонѣ:

Пану Сумеону Тихоновичу, майстрату стародубовского войтовѣ, подати.

Изъ дневниковъ Марковича, Хапенка, изъ находящагося въ редакціи «Кіевской Старины» рукописнаго дневника Лашкевича и другихъ источниковъ мы знаемъ, что малороссійская козацкая старшина прошлаго вѣка, рядомъ съ веденіемъ обширнаго хозяйства, занималась и торговлею, сбывая преимущественно продукты собственнаго хозяйства. Торговля не ограничивалась предѣлами Малороссіи; очень часто партіи товаровъ и скота препровождались въ Великороссію и даже за границу: стада воловъ гоняли въ Москву и Данцигъ, табакъ и водка шли въ Персію или Сѣчь, хлѣбъ въ Азовъ и т. д. Во всѣхъ этихъ рынкахъ поставщики-помѣщики имѣли знако-

мыхъ купцовъ и факторовъ, съ которыми велп даже дѣловую переписку, поручая имъ разныя коммиссіи.

Второй изъ нашихъ документовъ и есть именно образчикъ такого дѣловаго письма. Пишетъ въ 1739 году изъ Риги нѣмецъ, какой-то Готгардъ Христіанъ Гартманъ братьямъ Тищенкамъ, помѣщикамъ Стародубовщины, искони отличавшейся производствомъ пеньки, вывозимой оттуда и въ настоящее время въ огромномъ количествѣ. Нѣмецъ пишетъ по польски, довольно чистымъ языкомъ и нѣмецкимъ почеркомъ. Въ концѣ письма приложенъ характерный счетъ предметовъ нарочитой покупки, порученной Гартману Тищенками. Между сельдями, рукавицами и окулярами фигурируетъ неизмѣнный «пурганцъ», которымъ, сколько можно судить по тѣмъ же дневникамъ, считали долгомъ время отъ времени полѣчиться люди, обладавшіе вполнѣ здоровыми желудками.—Мы передаемъ письмо по русски, удержавъ (въ русской транскрипціи) только непереводимое обращеніе тогдашнихъ польскихъ и южно русскихъ писемъ.

Мнѣ велце мосци панс и добродію,

Мосци пане Тыщенскъ! (sic.)

За письменное увѣдомленіе покорнѣйше благодарю, отъ души желая, что-бы Всевысочайшій Богъ и ваши милости, пановъ, благоволилъ сохранять и содержать на долгія времена въ добромъ здоровьѣ и всякомъ счастіи. Какъ мнѣ пріятно было изъ письма вашего получить свѣдѣнія о товарахъ тамошнихъ, такъ и я готовъ вашимъ милостямъ объяснить, какъ здѣсь дѣла стоятъ въ торговлѣ. До сихъ поръ мало вѣрнаго касательно будущей весенней цѣны, потому что главныхъ сдѣлокъ еще не слыхать. Было нѣсколько—по 9 талеровъ за берковецъ чистой пеньки, заплативъ половину наличными деньгами; безъ денегъ—9 съ половиною талеровъ. Пенька *половая* [1]) по $6^1/_4$ талеровъ. Изъ Польши все пишутъ, что тамъ пенька уродила очень короткая и ожидается небольшое количество; поэтому по веснѣ, при малой партіи оттуда, цѣна можетъ быть гораздо выше; я такъ полагаю, что по крайней мѣрѣ чистая пенька ниже не будетъ, какъ 10 талеровъ или $10^1/_2$

[1]) Сѣрожелтая, худшій сортъ.

рублей, половая—по 6 съ половиной. Послѣднюю пеньку, которая тутъ была и которую доставили къ осени, продали по 10 талеровъ чистую и по 6 талеровъ половую. Такъ взялъ Петръ Вольскій за свою партію, которую теперь имѣлъ здѣсь доставленною; еще и самъ онъ тутъ. Рожь что-то идетъ въ гору: лѣтомъ продали по 19 талеровъ ластъ, теперь даютъ 23—24 талера за полновѣсную. Конопля по 17 шостаковъ, или по 90 копѣекъ за бочку. Сѣмя льняное, если имѣетъ 108 фунтовъ вѣсу, по 7 съ половиною тымфовъ или 120 коп. Пакля ни по чемъ и рѣшительно не слѣдуетъ отправлять, никто не покупаетъ. Цѣна на золото высока: платили 2 битыхъ талера и 11 грошей за червонный золотой,—мало имѣется этой монеты. Талеры теперь идутъ по 105 коп. Такъ какъ тутъ теперь много купцовъ смоленскихъ, пріѣхавшихъ за деньгами, то и золото дорого стало: на рубли—2 руб. 24 коп. Сообразно съ этимъ благоволите, милостивые государи, сдѣлать свои соображенія, и зимою—дай Боже, въ добромъ здоровьѣ—пріѣхать сюда, что-бы я могъ сторговать что-либо порядочное и продолжить съ вашими милостями давнее знакомство. Требуемыя вещи, перечисленныя въ письмѣ, что только могъ достать, я постарался, и посылаю вашей милости съ сей оказіей, какъ ниже показано. Желаю, что-бы все дошло въ цѣлости. Относительно очковъ для его милости родителя вашего, не знаю, поспѣлъ-ли во время; поклонъ мой нижайшій посылаю ему, при желаніи здоровья и всякаго спокойствія въ его старости. Желая того-же самаго и вашимъ милостямъ, панамъ братьямъ, отдаю себя въ неизмѣнную доброжелательную дружбу вашу, подписывалсь вашей милости пана и благодѣтеля моего нижайшимъ слугою.

Готгардъ Христіанъ Гартманъ.

Въ Ригѣ 31 октября
1739 года.

P. S. Прошу васъ, постарайтесь, по добротѣ своей объ общемъ долгѣ отъ извѣстнаго вамъ Семена (?); хорошо было-бы взыскать сколько нибудь и употребить въ помощь (?).. Весьма рекомендую этотъ интересъ и готовъ отслужить.

2 осьмушки свѣжей сельди по 5 орт. .	2 тал. 45	гр.
4 барилка лампреды (миноги) по $^1/_2$ талер. и 2 шост.	2 — 40	—

60 коль (? не разобрано) сухихъ миногъ едва досталъ по 12 за кал. .	5 тал.	„	гр.
2 пары лосинныхъ рукавицъ, одна 3 орт., друга $3^1/_2$	1	— $56^1/_2$	—
7 фунтовъ сахару леденцу	1	— „	—
Пурганцу (слабительнаго) за $^1/_2$ тал.	„	— 45	—
Окуляры съ футляромъ.	„	— 40	—
Итого .	13 тал.	36	гр.

Ѳ. Н.

ИЗЪ ФАМИЛЬНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

Во второй половинѣ прошлаго вѣка въ пирятинскомъ повѣтѣ жило семейство Александровичей. Предки его занимали разные уряды въ гетманщинѣ. Тогдашній представитель этого рода, бунчуковый товарищъ, Иванъ Ильичъ Александровичъ былъ сначала лубенскимъ подкоморіемъ, а потомъ прилуцкимъ полковымъ писаремъ.

У Ивана Ильича было много дѣтей: два сына—Варѳоломей и Порфирій—и пять дочерей, младшую изъ нихъ звали Ульяной. Судьба Ульяны Ивановны настолько своеобразна, что мы позволимъ себѣ остановить на ней вниманіе читателя.

Когда М. И. Голенищевъ-Кутузовъ, будущій князь смоленскій, еще въ маленькомъ чинѣ стоялъ съ полкомъ въ Пирятинѣ, онъ познакомился съ семьей Александровичей и сталъ часто бывать на ихъ хуторѣ Великой Кручѣ (нынѣ село). Ему приглянулась красивая Ульяна, взаимно его полюбившая, и онъ хотѣлъ на ней жениться; но влюбленные ничего еще не говорили родителямъ, какъ вдругъ Ульяна опасно заболѣваетъ. Всѣ лѣченія ничего не помогали и мать въ отчаяніи дала обѣтъ, что если дочь выздоровѣетъ, то останется всю жизнь дѣвственницей. Ульяна выздоровѣла, вмѣстѣ съ этимъ возросла взаимная любовь молодыхъ людей. Когда мать объявила Ульянѣ, чему обязана она, по ея мнѣнію, спасеніемъ отъ смерти, они было призадумались, но вскорѣ любовь превозмогла другія чувства и они просили у родителей благословенія на бракъ. Мать отговаривала, боясь кары Божіей, но потомъ не препятствовала счастью любимой дочери. Уже былъ назначенъ день свадьбы, какъ

вдругъ, невѣста заболѣваетъ горячкой. Женихъ былъ въ страшномъ отчаяніи и принималъ всѣ мѣры къ спасенію несчастной невѣсты—она не умерла, но поразившій ее параличъ сдѣлалъ ее калѣкою на вѣки. Всѣ видѣли въ этомъ перстъ Провидѣнія. Хотя Кутузовъ все настаивалъ на совершеніи брака, но несчастная Ульяна рѣшительно не захотѣла «завязывать ему свѣтъ». Она стала постоянно молиться и сохранила къ любимому человѣку тихую святую привязанность и добрую память до послѣднихъ дней своихъ († 1836 г.). Кутузовъ постоянно съ ней переписывался; когда-же Ульяна Ивановна умерла, то приказала положить ей въ гробъ подъ голову письма къ ней Кутузова.

Порфирій Ивановичъ Александровичъ служилъ въ военной службѣ и участвовалъ, въ чинѣ маіора, въ турецкой войнѣ 1789 года, въ корпусѣ Суворова.

Однажды Суворовъ дѣлалъ смотръ. Былъ жаркій день; Суворова долго не было; а тутъ море влекло къ себѣ томившихся отъ жары воиновъ. Порфирій Ивановичъ, разсчитывая, что успѣетъ выкупаться до пріѣзда Суворова, быстро раздѣлся и бросился въ воду. Вдругъ какъ-то незамѣтно подъѣхалъ Суворовъ. Увидѣвъ купавшагося, онъ крикнулъ: «что ты тамъ дѣлаешь, маіоръ Александровичъ». Злосчастный маіоръ нашелся: «ъ измѣряю, ваш... ство, глубину моря!» бойко отвѣчалъ онъ.

Суворовъ засмѣялся, и Порфирій Ивановичъ моментально одѣлся и побѣжалъ къ своей части.

С—ко.

НАСЛѢДНИКИ ЗАПОРОЖСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Громадныя степныя, луговыя и лѣсныя пространства, составлявшія территорію Запорожья, по уничтоженіи самой Сѣчи въ 1775 году, стали достояніемъ людей привиллегированныхъ классовъ, которые, по понятіямъ того времени, одни считались правоспособными владѣть землею и поселенными на нихъ людьми. Въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1882 г. помѣщена была инструкція относительно раздачи этихъ земель, въ размѣрѣ отъ 1,500 до 12,000 десятинъ на одно лице съ микроскопическою помѣрною платою и съ обязательствомъ заселить въ извѣстный срокъ дозволенными зако-

номъ людьми податнаго класса. Тамъ-же замѣчено, что главными участниками въ наступившемъ раздѣлѣ явились самъ Потемкинъ, генералъ-прокуроръ князь Вяземскій и князь А. Прозоровскій, Послѣдніе получили по 100,000 десятинъ; сколько взялъ Потемкинъ, остается неизвѣстнымъ.

Намъ удалось найти довольно длинный списокъ другихъ лицъ, получившихъ большія или меньшія доли изъ запорожскаго наслѣдства, но... въ одномъ лишь екатеринославскомъ уѣздѣ бывшей азовской губерніи, составлявшей лишь половину бывшей Новороссійской провинціи, которая образована была изъ запорожской территоріи и которой генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ самъ Потемкинъ. Списокъ этотъ интересенъ для исторіи заселенія Новороссіи, представляя имена небольшаго числа первыхъ ея колонизаторовъ и полученныхъ ими земельныхъ участковъ. Приводимъ этотъ списокъ въ современной копіи, обязательно сообщенной намъ г. Манджурою.

Копія.

Екатеринославъ.

Вѣдомость учиненная въ азовской губернской канцеляріи, волнкое число въ екатеринославскомъ уѣздѣ состоятъ вновъ отведенныя къ отводу назначенныхъ помещикамъ земель.

1776 ГОДЪ.

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Отставному секундъ-маіору *Василію Лосеву* на реке Большой Терновке по теченію справой стороны .	6000	80
Старшине *Каравацу* на речке Богатой по теченію справой стороны	1500	32
Отст. сек.-маіору *Неплюеву* по теч. реки Большой Терновки слѣвой стороны	12000	400
Прем.-маіору *Сергею Неплюеву* на р. Большой Терновке по теченію слѣвой стороны	3000	70
Сек.-маіору *Наковальнину* на р. Днѣпрѣ на реч. Вороной по теченію справой стороны . . .	2500	1275
Капитану *Рябому* на речкѣ Кельгени . . .	9000	87

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Провіантмейстеру *Синельникову* на р. Днѣпрѣ при устьи реч. Вороной по теченію слѣвой стороны .	3000	1700
Подполковнику *Синельникову* на р. Днѣпрѣ при устьи реч. Вороной по теченію слѣвой стороны .	3000	1644
Маіору *Герсевинову* на р. Орель по теченію слѣвой стороны къ реч. Богатой	6400	182
Подполков. *Колпику* на р. Орели по теч. слѣв. стор. при устьи реч. Богатой	4500	450
Самарскому жителю *Непійбриги* на р. Кильгени по теченію справой стороны	3000	218
Бывшему запорожскому полковнику Гараджѣ на р. Большой Терновкѣ по теченію справой стороны . .	3005	38
Поруч. *Легкоступу* про Солономъ Лиманѣ и на реч. Волчой по теченію слѣвой стороны.	3000	840
Поручику *Лосеву* на реч. Большой ~~Терновке по~~ теченію слѣвой стороны.	3000	43
Прапорщику *Лосеву* на реч. Большой Терновке по теченію слѣвой стороны.	3000	31
Полковому старшинѣ *Хижняковскому* на реч. Орели и Орелки по теченію слѣвой стороны . . .	1500	400
Ротмистру *Вишневецкому* на реч. Нижней Терсѣ по теченію слѣвой стороны	3000	300
Маіору *Кирпову* между реч. Осокировки и Отокой Осокоровки	1500	150
Порутчику Николаю *Черткову* на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны.	9000	6570
да къ мелницѣ	150	
Ген.-порутчику князю *Прозоровскому* на р. Волчей при устьи Нижней Терсы	10000	3200
да на р. Днѣпрѣ и реч. Татаркѣ. . . .	3000	3562
Маіору *Мерлину* на реч. Нижней Терсѣ по теченію слѣвой стороны	3000	330

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Подполк. *Лалашу* на реч. Орели по теченію слѣвой стороны	3000	600
Порутчику *Озерову* на реч Осокировки по теч. слѣвой стороны	3000	300
Порутч. Алексѣю *Попову* на реч. Большой Терновка по теченію справой стороны	3000	45
Прапорщ. *Пекезшу* въ вершинѣ реч. Осикировки по теченію справой стороны	1500	150
Полковому старшинѣ *Попову* на реч. Протовчи по теченію слѣвой стороны.	1500	541
Маіору *Мерлину* на реч. Волчей по теченію слѣвой стороны	3000	300
Прапорщику *Тимофееву* при балкѣ Береснюговатой	3000	150
Старшинѣ *Рудю* въ вершинѣ реч. Осокировки по теченію справой стороны	3000	300
Капитану *Черткову* на реч. Самарѣ по теченію справой стороны	3000	300
Маіору *Выродову* на реч. Самарѣ по теченію справой стороны.	4500	160
Отставному сотнику *Коростовцу* на реч. Большой Терновкѣ по теченію справой стороны	1500	26
Порутчику *Павлову* на реч. Богатой по теченію справой стороны	1500	30
Полковому старшинѣ *Рудю* на вершинѣ Нижней Терси	9000	300
Оборъ-полицмейстерской канцеляріи переводчику *Коростовцу* на реч. Большой Терновкѣ по теч. справой стороны	1500	40
Подпоручику *Косинскому* на речки Большой Терновкѣ по теченію справой стороны	6000	406
Провіантъ-комиссару Коху на реч. Большой Терновкѣ по теченію справой стороны	1500	21

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Прокурору *Ракицкому* на Нижней Терсѣ справой стороны	3000	300
Адъютанту *Турченеву* на вершинѣ реч. Вороной справой стороны	3000	540
Прем.-маіору *Заврову* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	4500	350
Прапорщику князю *Мусинелову* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	3000	260
Маіору *Гиржеву* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	4500	210
Секундъ.-маіору *Герсеванову* между реч. Днѣпра и Протовчи	1500	1585
Полковому старшинѣ *Гордѣенку* на реч. Малой Терновкѣ справой стороны	3000	46
Маіору *Герсеванову* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	3000	270
Полковому старшинѣ *Высочину* на реч. Волчей и верхней Терси по теченію слѣвой стороны	3000	300
Маіору *Лисовицкому* на реч. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	3000	98
Вахмистру *Лисовицкому* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	6000	
Осадчему *Мураеву* при Дубовой балкѣ	1500	13
Порутчику *Головатому* на реч. Кильчени по теченію справой стороны	3000	593
Ген.-порутч. *Спиридову* по реч. Волчей по теченію слѣвой стороны	12000	400
Маіору *Надоржинскому* по р. Самарѣ по теченію справой стороны	3000	200
Бригадиру *Куроедову* на р. Кильчени по теченію справой стороны	1500	
Прокурору *Сабурову* на р. Волчей по теченію слѣвой стороны	6000	600

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Маіору *Суханову* по р. Протовчи по теченію слѣвой стороны	4500	312
Порутч. *Черткову* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	3000	70
Порутч. *Александрову* на верш. р. Вьязовской по теченію справой стороны	3000	17
Прапор. *Шицу* на р. Нижней Терсѣ по теченію справой стороны	1500	120
Полковому старшинѣ *Кобезчину* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	4500	136
Полскому полковнику *Джараю* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	6000	136
Сотнику *Коростовцу* на р. Опалихѣ по теченію справой стороны	1500	29
Порутчику *Минину* на р. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	3000	63
Прапорщику *Билимову* на р. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	1500	52
Оберъ-провіантмейстеру *Бунину* на р. Большой Терновкѣ слѣвой стороны	6000	120
Сек.-маіору *Писемскому* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	4500	520
Бригадиру *Балабину* на р. Бритой по теченію слѣвой стороны	6000	200
Маіору *Герсеванову* къ тремъ плотинамъ по р. Самарѣ по теченію справой стороны	360	90
Сарш. *Попатенку* между дачъ поруч. *Легкоступа* и прапорщ. *Тимофѣева*	1500	480
Ген.-порутч. *Черткову* на р. Волчей по теченію слѣвой стороны къ устью Солоненькой	3000	800
Ген.-порутч. князю *Прозоровскому* для колонистовъ на р. Волчей при мелницѣ Колотечиной . .	3000	1210

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Поручику *Писменному* на р. Нижней Терсѣ по теченію справой стороны	6000	600
Регистратору *Ставровскому* на р. Нижней Терсѣ по теченію справой стороны	1500	60
Надворному Совѣтнику *Шалигину* на балкѣ Охтыркѣ	4500	350
Маіору *Лаврову* по теченію р. Вороной справой стороны	9000	700
Полковнику *Мартинову* на р. Днѣпрѣ при устьѣ реч. Осикоровки по теченію справой стороны . . .	3000	920
Пустынноникодаевскому монастырю на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны и при балкѣ Лозоватой .	1500	240
Дачѣ *Хощовой* мельницѣ	120	
Старшинѣ *Кореневскому* на р. Кильчени по теченію справой стороны	1500	125
Полковому старшинѣ *Балицкому* на р. Волчей по теченію слѣвой стороны	1500	150
Сек.-маіору *Надаржинскому* на р. Опалихѣ по теченію оной слѣвой стороны.	3000	120
Статскому совѣтнику *Семичеву* на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны и при балкѣ Скотоватой Имачки	4500	450
Ему же *Семичеву* на р. Самарѣ по теченію справой стороны.	1000	300
Генералъ-маіору и кавалеру *Потемкину* на р. Нижней Терсѣ слѣвой стороны	12000	2680
Полковому старшинѣ *Щекину* въ вершинѣ балки Скотоватой	1500	90
Прапорщику *Галичу* на р. Опалихѣ слѣвой стороны	1500	210
Генералъ-маіору *Юзюпову* по правой сторонѣ р. Самары	12000	600
Капитану *Чертявскому* при р. Орели по теченію слѣвой стороны	3000	189

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Коллежскому асессору *Титову* на вершинѣ реч. Вьязовской	3000	30
Екатеринославскому купцу *Фалѣеву* по правой сторонѣ р. Самары для фабрики	12000	400
Сек.-маіору *Наковальнину* въ верш. р. Нижней Терсы	6000	620
Дивизіонъ-квартирмистру *Федорову* на р. Нижней Терсѣ по теченію слѣвой стороны	6000	560
Валдмейстеру *Кесареву* на р. Нижней Терсѣ справой стороны	3000	80
Вагмейстеру Ивану *Горленскому* на р. Нижней Терсѣ справой стороны	3090	30
Регистратору *Башпатову* на р. Нижней Терсѣ по теченію справой стороны	1500	50
Архиваріусу *Бурманъ* на р. Нижней Терсѣ отъ дачи регистратора Башпатова внизъ	1500	50

На подлинномъ тако подписано по листамъ:

Въ должности секретаря поручикъ *Петръ Осиновъ.*

Регисторъ *Антонъ Степановъ.*

На копіи по листамъ написано: подлинное читалъ копіистъ *Павелъ Перекрестовъ.*

Съ копіей вѣрно *Ив. Манжура.*

Сообщ. **Д. Багалѣй.**

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 ГОДА.

Однимъ изъ польскихъ помѣщиковъ кіевской губерніи, наиболѣе человѣчно относившихся къ своимъ крестьянамъ, былъ панъ Бардашевицкій, помѣщикъ с. Кожанки, липовецкаго уѣзда. Онъ не иначе называлъ ихъ, какъ дѣтьми, и никогда между нимъ и крестьянами не было никакихъ враждебныхъ столкновеній. Крестьяне въ свою очередь любили своего «пана» и всегда охотно «слухали сто», если пану что-либо требовалось сверхъ обязательной ихъ работы.

Но вотъ вспыхнуло возстаніе и крестьяне получили возможность выместить на нелюбимыхъ ими панахъ свои старыя обиды. Бардашевицкій на ту пору заболѣлъ, слегъ въ постель и не принималъ никакого участія въ творившейся вокругъ суматохѣ. Однажды, въ самый разгаръ возстанія, ему докладываютъ, что пришла «громада» и желаетъ его видѣть.

— Скажите имъ, отвѣтилъ панъ, что я боленъ, лежу и никого принять теперь не могу; пусть прійдутъ послѣ.

Но громада не уходила и настойчиво домогалась свиданія съ паномъ. Не видя возможности отдѣлаться отъ посѣтителей, Бардашевицкій позвалъ крестьянъ въ свою спальню и ласково спросилъ ихъ:

— Чого вамъ треба, дитки? Адже вы бачите, що я слабый... лежу...

— Та воно такъ, паночку, отвѣчала ему громада; бачити мы бачимо, але дило, знаете, у насъ таке...

— Яке-жъ тамъ у васъ дило?

— Таке дило, паночку, що якъ-же це тепера буде? Вже вси люди своихъ панивъ повязали та у городъ позавозили, а мы васъ ще й доси не займали!.. Ждали мы, ждали, та дали думаемо, що вже й намъ безъ того никъ обійтися не можна...

И крестьяне связали Бардашевицкаго и отправили его у «городъ»...

Коментаріи излишни тутъ; замѣчу только, что эта «исторія» разсказана мнѣ тѣми самими крестьянами, которые были въ ней дѣйствующими лицами.

И. Рева.

МАЛОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА НА ПОЛЬШУ ПО ПОВОДУ ЕЯ РАЗДѢЛА.

Враждебныя отношенія, вѣками установившіяся между поляками и малороссіянами, давали послѣднимъ побужденіе при всякомъ политическомъ кризисѣ Польши выражать свои дѣйствительныя чувства къ ней, язвить ее игривой насмѣшкой, или злой сатирой. Примѣръ первой представленъ нами въ мартовской книжкѣ журнала въ письменномъ памятникѣ 1733 года, названномъ нами «Политическая парада», въ которой неизвѣстный малорусскій политикъ того времени мѣтко и съ добродушнымъ смѣхомъ рисуетъ

политику европейскихъ державъ въ вопросѣ о наслѣдствѣ польскаго престола и безпечально равнодушное и самодовольное положеніе въ этомъ дѣлѣ Рѣчи Посполитой, заключая тонкой, но полной глубокаго политическаго знанія ироніей надъ жалкимъ разложеніемъ государственно-общественнаго организма Польши, какимъ-то рокомъ, подъ вліяніемъ Сатурна, обездоленнаго въ Римѣ (намекъ на польско-католическій ультрамонтанизмъ), выдыхающей изъ себя политическій хладъ и несчастье и ими гнетущей всю страну, все подвластное ей населеніе. Образчикъ второй мы видимъ въ помѣщаемой ниже политической сатирѣ позднѣйшаго времени, когда наступили уже раздѣлы Польши. Форма этой сатиры, безъ сомнѣнія, странная для нашего времени, но мы имѣемъ дѣло съ историческимъ памятникомъ и тѣмъ отдаленнымъ временемъ, когда подобныя, крайне разнообразныя формы были въ ходу и даже доживали свои послѣдніе годы. Онѣ не будутъ удивлять насъ, если мы вспомнимъ памфлеты виленскихъ іезуитовъ XVI и XVII столѣтія, въ родѣ листовъ съ неба, писемъ и молитвъ къ апостолу Петру отъ лица православнаго мѣщанина, пробирающагося въ рай,—переполненныхъ грубою, циничною бранью. Чѣмъ язвили католики православныхъ, тѣмъ платили православные католикамъ. Мы читали въ старой рукописи конца XVII в. политическій памфлетъ, написанный замѣчательно чистымъ южнорусскимъ языкомъ въ формѣ священной исторіи, начинающейся сотвореніемъ міра и оканчивающейся крестною смертію Іисуса Христа. Распинателями и мучителями Спасителя міра представлены здѣсь поляки и жиды, а защитниками Его козаки, тщетно пытающіеся избавить отъ смерти невинную жертву злобы и мщенія за праведное обличеніе. Въ настоящемъ памятникѣ формою сатиры избранъ такъ называемый польско-католическій *пацѣржъ*, или повседневныя молитвы: *Ойче-нашъ*, *Здровась Марія*, *Вѣрже въ Бога и дзіесіенціоро прыказань Божскихъ*. Такимъ образомъ историческому и политическому шляхтичу, куралесившему столько вѣковъ и теперь погибавшему отъ собственнаго своевольства и безпутства, приходится самому, какъ-бы въ молитвѣ къ Богу, исповѣдывать вины и виновниковъ его политической гибели и произносить приличныя, такъ сказать, случаю мольбы и пожеланія. Форма даетъ сатирѣ всю соль и ядъ и заставляетъ шляхтича изрекать горькія для него, но глубоко вѣрныя истины. «Да изыдетъ царствіе твое изъ нашей Полши,

вопитъ обезумѣвшій шляхтичъ; «права нашего не ламай намъ и оставь намъ нашу волность». Вотъ единственное его желаніе при послѣднемъ издыханіи ойчизны! Иноземныя войска входятъ и выходятъ изъ нея и располагаются въ ней, какъ дома, забирая у пановъ провіантъ по квитанціямъ, а уплаты надо долго, даже тщетно ожидать. Отсюда полное самаго ѣдкаго сарказма *прошеніе*: «И остави намъ долги наша, якоже и мы отпущаемъ фуражъ должникомъ нашимъ». Непокорность королю, пренебреженіе имъ, обуявшая шляхтича страсть къ мятежнымъ политическимъ союзамъ, раздиравшимъ Польшу на части, вызываетъ не менѣе ядовитую насмѣшку въ 3-й по польско-католическому счету заповѣди: «шесть лѣтъ конфедерацію твори, да совершишн все безстрашіе твое; на единое лѣто суббота королю-господу твоему». Испытанное уже барскими конфедератами (1768 г.) многолѣтнее пребываніе въ Сибири вызываетъ еще болѣе злую насмѣшку въ 4-й заповѣди: «И да долголѣтенъ будеши на Сибири, которую Господь твой далъ тебѣ за непокорность твою». Характеренъ конецъ 5-й заповѣди: «не убый москалей, не дадутся бо тебѣ». «Не лжесвидѣтельствуй въ газетахъ, уже бо никто не вѣритъ»—записано можно сказать съ живаго голоса всей Европы. «Не пожелай» въ 10-й заповѣди—послѣднее, самой злой ироніи полное указаніе на тѣ нестерпимые поборы, которыми шляхта обременяла беззащитныхъ своихъ «подданныхъ». Достойно особаго примѣчанія, что въ этой политической исповѣди польскаго шляхтича,—свидѣтеля паденія Рѣчи Посполитой, онъ съ особою яростію обрушивается на короля Фридриха и тѣмъ выставляетъ его во главѣ послѣдовавшихъ раздѣловъ, вопреки распространенному и теперь мнѣнію *ягеллончиковъ*, что всему злу виною была Екатерина II. Изъ этой сатиры не мѣшало-бы многое припомнить затѣйщикамъ современной польской справы.

Списокъ приводимой за симъ сатиры заимствуемъ изъ огромной записной книги (конца прошлаго вѣка) нѣкоего «капитана Ивана Михайлова сына Новаковича», принесенной въ даръ редакціи многоуважаемымъ А. А. Скальковскимъ. Къ этому богатому сборнику любопытнѣйшихъ памятниковъ южно-русской письменности XVIII ст. намъ прійдется не разъ еще обращаться, а пока дѣлаемъ изъ него это первое заимствованіе.

Во имя цесарское государство и короля прусскаго (здѣсь въ рукописи пропускъ).

Аминь.

I.

Отче нашъ, иже еси въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ! Да святится имя твое въ тѣхъ областяхъ, да изыдетъ царство твое изъ нашей Полши, да будетъ воля твоя, яко въ Австріи, Брандебургіи, такъ и въ Москвѣ; права нашего насущнаго не ламай намъ, но оставь намъ нашу волность, якоже и мы отнущаемъ фуражъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ удушенія или удавленія. Аминь.

II.

Радуйся Марія Терезия, благодати полской полная, Фридерикъ съ тобой! Благословенна ты въ австрійцахъ и благословенъ плодъ чрева твоего, Іосифъ цесарь.

III.

Вѣрую въ Екатерину императрицу россійскую, самодержицу всея Россіи, вѣрую въ Фридерика брандебургского, короля прусского, предателя единого, воплотившагося отъ духа военного и вочеловѣчившася отъ неосторожности полской, страдавшаго подъ русскимъ адомъ, распятаго при Лаудонѣ и Даунѣ, но не умершаго, погребенного и сшедшаго во адъ и съ подчиненности полской воскресшаго при третемъ королѣ, возшедшаго на тронъ королевскій, и сѣдящего одесную всѣхъ монарховъ, и грядущаго трясти живыми и мертвыми; вѣрую въ Іосифа цесаря христианского, святую соборную христианскую церковъ, а не въ едину затѣю католицкую, монарховъ за погибель нашу отищение, домовъ разореніе, тела падение, волности потеряние, и муку вѣчную. Аминь.

IV.

1. Азъ есмъ Станиславъ-Августъ король твой, изведый тя изъ распутства полского, изъ дому смятенія; не будутъ тебѣ короли иные, развѣ мне.

2. Не приемли всуе имени короля господствующаго тобою, москаль бо будетъ мстить тебе за сие.

3. Помни день снисхождения или попущения святяти; шесть лѣтъ конфедерацию твори, да совершиши все безстрашие твое, на седмое лѣто суббота королю—господу твоему.

4. Чти пруссака отца твоего, императрицу матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на Сибири, которую Господь твой далъ тебѣ за непокорливость твою.

5. Не убій ты, ни маршалокъ твой, ни конфедерація твоя, ни съ чуждей ограды взятый скотъ, ни французъ, пришлецъ твой, прелстившій тебе во вратахъ твоихъ; не убый москалей, не дадутся бо тебѣ.

6. Не прелюбодѣйствуй, да не умножишися помощию прелюбодѣяния.

7. Не украдеши, уже бо ничего.

8. Не лжесвидѣтельствуй въ газетахъ, уже бо никто не вѣритъ.

9. Не пожелай ни оружия, ни подружия или жены ближняго твоего.

10. Ни коня его, ни слуги его, ни вола его, ни барана его, ни петуха его, ни гуся его, ни поросенка его, ни теленка его, ни всего, еже есть ближняго твоего, но довольствуйся кускомъ сухаря, отъ фуража оставшаго.

ТРИ МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ ИЗЪ ПЕРІОДА КРЫМСКОЙ КОМПАНІИ [1]).

Пѣсня графу Паскевичу-Эриванскому.

То не ясный соко́лъ
Яструбовъ взбиває:
То Паскевичъ за Кавказомъ
Басурманъ ганяе.

* * *

То не буйный вихорь
Сосны вывертае:
То Паськевичъ у Варшавѣ
Ляхо́въ присмиряе.

---

[1]) Малорусское пѣсенное творчество не оскудѣваетъ. Мы знаемъ мѣстности, гдѣ и теперь простой крестьянинъ слагаетъ пѣсни, отмѣчая событія текущей ихъ жизни. Время освобожденія крестьянъ оставило намъ рядъ пѣсень, между которыми

То не сиза хмара
Громомъ выгремляе:
То Паськевичъ за Дунаемъ
Супостатъ карае.

* * *

Слава-жъ тоби, пане,
Великая слава,
Що ворогамъ святой Руси
Ты якъ Божа кара!

* * *

Честь и тоби, маты,
Стара Украино,
Що ты на свѣтъ породила
Багатыря—сына [1])!

Пѣсня греко-славянска.

Гомо́нъ, гомо́нъ по Востоку
Зашумѣли вербы;
Стрепенулись наши греки,
Болгары и сербы.
Натерпѣлись, кажуть, лиха,
Подъ турчиномъ лютымъ,
Прійшла пора розирвати
Залѣзныи пута!
Прійшли жнива великіи,
Житечко поспѣло...
Нуте-жъ, братья, живо, живо!
Нуте въ дѣло смѣло!

много чисто народныхъ. Приводимыя здѣсь три пѣсни не принадлежатъ къ числу народныхъ, но въ нихъ очень замѣтно стремленіе приблизиться къ типу и складу народныхъ, что мѣстами и удается неизвѣстному ихъ слагателю. Проникли-ли онѣ въ народъ, не знаемъ. Всѣ три пѣсни взяты изъ одного рукописнаго сборника 1850—1860 годовъ. Очевидно онѣ относятся къ событіямъ русско-турецкой войны 1853—1854 годовъ.

[1]) Князъ Паськевичъ—уроженецъ полтавской губерніи.

Святый Богъ намъ помогае
За наши молитвы:
Русь святую посылае
На святыи битвы.
Съ врагомъ Христа зъединились
Галлы вѣтрогоны,
И ты, многихъ водъ царица,
Дочка Вавилона!
Блаженъ, хто дасть вамъ отплату
За ваше безчинье!
Хто розбье й дѣтей вашихъ
Объ бѣле камѣнья!

Пѣсня про турковъ.

Бье и вые хуртовина
На морѣ глыбокóмъ
Згнущается лютый турокъ
Надъ святымъ Востокомъ.
Ой часъ-пора, хуртовино,
Покой морю дати!
Годѣ тебѣ, вражій турче,
Годѣ лютовати!
Спустошивъ ты край веселый,
Ставъ вóинъ якъ темница:
Наглумився ты зъ христьянства
Якъ зъ бидноя вдовици...
Летитъ орелъ отъ пóвночи,
Якъ синяя хмара:
То-жъ на тебе, вражій турче,
Летить Божа кара!
Орелъ летитъ, перо дзвенить,
Крикнули орлята;
Стрепенулись, обозвались
Ясни соколята...
Бѣда тоби, вражій турче,
Бѣда неминуча!

Дивись: летить одъ Западу
Вже воронóвъ ключа.
Вже почули твою гибель,
Кругомъ тебе грають,
Тобѣ въ вóчи заглядають,
Труна пóджидають.
Згинь-же вража злая сило,
У морѝ глыбокóмъ!
Засвѣтися сонце правды
Надъ святымъ Востокомъ!

Сообщ. **Н. И. Барсовъ.**

Отъ редакціи. Прилагавшійся доселѣ отдѣльно къ каждому тому журнала Указатель личныхъ и географическихъ именъ редакція «Кіевской Старины» признаетъ за лучшее издать въ концѣ въ видѣ Общаго Указателя ко всему годовому изданію, находя это болѣе удобнымъ и для единства Указателя и для справокъ, какія понадобятся читателю.

въ коммиссіи своду книгъ правныхъ. Писаны письма въ Москву къ полковнику лубенскому Апостолу, къ Івану Гамаліи, къ Федору Корецкому, къ Петру Паскевичу, къ секретарю Новоторжцову, а въ Глуховъ къ гг. брегадиру Ілину, подскарбію Скоропадскому, асаулу Якубовичу, бунчучному Оболонскому енералнымъ, да до сотника мглинского Лисаневича и до старости нашого Поленского, въ Товкачовку.

Апрель.

1. Григорій Бороздна ярцевскій зъ женою своею, такожъ Никита Кореневъ, едучи къ Глухову, были у мене въ Перегонѣ и пообѣдавъ, въ путь свой отехали, при которыхъ отправленъ до Глухова-жъ и Іосифъ племѣнникъ и чрезъ него какъ предпомянутые писма, такъ и челобитная въ судъ енералный на Іваниху Миклашевскую Евдокію и сина ея Павла посланы; емужъ на дорогу дано 50 к., а Василку (сыну) послалъ 1 р.

2. Превеликая была стужа зъ жестокимъ вѣтромъ и метелю и продолжалась цѣлые сутки.

3. За роботу барвы (одежды) служителямъ заплачено кравцю погарскому Гришку 3 р. Пріездилъ мѣщанинъ погарскій Гордѣй Кружило зъ инструкціею о зборщикахъ, что берутъ лишнее, которому зъ владѣнія нашего и сказка дана.

4. Отецъ Михайло Пулчевскій, возвратясь зъ Стародуба, обявилъ, что по дѣлу ихъ никакой резолюціи не показано, такожъ и суворовскій (с. Суворова) прикажчикъ Самойло Семеновъ доносилъ, что и въ ихъ дѣлахъ ничего въ резолюцію не показано-жъ. Роздана служителямъ и служанкамъ барва, въ томъ числѣ Івану, теслѣ, кунтушъ блакитный, каѳанъ мамсовый, римару Яремѣ кунтушъ блакитный, каѳанъ мамсовый и поясъ коломійковый и протчимъ.

5. Прибылъ полевій сторожъ зъ Глухова и привезъ писма отъ г. Скоропадского, отъ г. Якова Марковича зъ Москви и календарь С. П. Бурскій, и отъ старосты товкачовского. Чрезъ тогожъ сторожа писалъ къ Кочержинскому, зъ посилкою писма до Голяки, хоружого сотенного мглинского, до Кудрицкого, зъ посылкою писма до Багинского, о сдѣланіи шила великого до оконъ, на которое и мѣра послана.

6. Привезены свѣчи и нѣкоторые покупки, справленные Іакомъ Ляшонкомъ зъ Стародуба, а именно свѣчъ 49 позолочованыхъ и зеленыхъ.

7. За оные-жъ покупки послано къ Ляшонку 2 руб., чрезъ Ісака Мигалева, и писалъ къ Кочержинскому о присилки сукень и о протчемъ. Послѣ полдня отехалъ зъ дому къ Курковичамъ за дѣломъ зъ Лавриненками и Ломаками и мимоездомъ былъ въ Борщовѣ, у панеи Григоріевой, а на ночъ прибылъ въ Андрейковичи. Сего числа былъ у мене въ Перегонѣ комисаръ сотенній погарскій Сосновскій.

8. Прибылъ рано въ Курковичи, где былъ у мене священникъ отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ Осипенокъ, зъ козаками, при которыхъ за продерзость бывшій дякъ курковскій Федоръ Карповъ наказанъ. Писалъ къ сотнику полковому Якимовичу о козаку Іванѣ Михайлову сину Осипенку, чтобъ его оставлено при церквѣ курковской отправлять ктитарство и въ походъ нынѣ не наряжать, да до Гришка стелмаха писалъ же о разныхъ дворовыхъ потребахъ. Послѣ обѣда ездилъ въ слободу Ломакину и заставляючихся мелницъ и прочего осматривалъ и уже позно возвратилъся въ Курковичи.

9. Омеляну Чеху даны денги на заплату за станъ колесъ колясочныхъ, которыхъ два стана дѣлать подрядилъся на Ломакиной слободѣ колесникъ Мина Федьченокъ, станъ по 8 гривенъ, да на простіе колеса на 4 станы емужъ дано 1 р. 5 к. У шинкарки курковской Горпины взято денегъ шинковыхъ 2 р., впредъ до порахунку, а преждежъ она отдала Омеляну Чеху 1 р. 80 к., якіе далъ онъ въ задатокъ на драпь. Оной шинкарцѣ выдано по се число горѣлки нашой полтретя стана, а прежде одинъ станъ, взятый у попа курковского. У Омеляна Чеха отобралъ за проданное сѣно денегъ 2 р. 40 к., да онъ же роздалъ сѣна нашего курковскимъ жителямъ въ займи 12 возъ, которое они отдать въ осень будуть должны, и по дню роботать. Зъ Курковичъ послѣ обѣда отехавши, прибылъ завременно до Перегону.

10. Писалъ писма къ полковнику и подполковнику московского драгунского полку о томъ, что безъ бытности моей былъ въ деревняхъ моихъ на экзекуціи квартермистръ ротный Власевъ зъ драгунами (на которыхъ выдано сѣна пять возъ, овса четверть и за 8

шаговъ рибы) за нѣкоторые доимочные деньги, о чемъ отъ подполковника Ангеляра и отвѣтъ полученъ. Отправленъ Грицко въ Глуховъ по Василка.

11. О томъ же писалъ и до полковника стародубовского Максимовича и послалъ тое писмо чрезъ Антона Дона. Чрезъ скляра писалъ до Кудрицкого о Ломакиномъ закладномъ писмѣ чрезъ отправленного вчора до Глухова Грицка. Послалъ дзигарокъ старый срѣбный до направы въ новгородскій монастырь, и майстеру за роботу посланъ 1 р., а ему Грицку даны 30 к. Якову гончару погарскому за постановленіе въ повыхъ будинкахъ печей калузской, да другой зеленой, даны 2 р., а передъ симъ ему жъ за тую жъ роботу даны 2 р.

12. Писалъ въ Курковичи къ тамошнему священнику отцу Семену Тимоновичу о ктитару Івану Осипенку, чтобъ онъ смотрѣлъ строенія церковного, да и Россарію, что подсусѣдку нашему Супаненку за 2 годы за службу не платитъ, до Омеляна Чеха—о денгахъ провіантовыхъ доимочныхъ и на меклембурцовъ, о колесахъ простыхъ, чтобъ присилалъ. Въ Лотоки писалъ чрезъ Сковпневого зятя объ немъ къ тестю его Афанасу Сковпню и до Федора Пригаровского о денгахъ за хлѣбъ и о протчемъ, да до рудника Афанаса Гриба въ заводъ п. Корецкого о плуговыхъ желѣзахъ, о полицахъ до лемешовъ и о зробленю треаршинной кухнѣ со всѣмъ и о присилки штушокъ [192]). Росплатка учинена зъ шклярами: новгородскому Семену Леонову за 13 оконъ болшихъ, а малыхъ 3 заплачено 2 р. 96 к. и чвертку жита, а шкляру стародубовскому, въ дворѣ нашемъ мешкаючему Яремѣ, за 5 болшихъ, да за пять меншихъ 1 р. 60 к., а на немъ осталось еще долгу нашого, что онъ долженъ впредъ отробить 70 к. и чвертка жита. Гришку кравцю погарскому за роботу его дана чвертка жита.

13. Посланъ Косикъ въ Стародубъ за нѣкоторими нуждами, чрезъ которого писалъ и до Кудрицкого о присилки подлинного отъ Ломаки данного писма, и до Стефана Кочержинского о хлопцю Юску и о протчемъ, чрезъ него жъ Косика отосланы гусли п. писару полковому Петрушкевичу.

---

[192]) Т. е. птицъ, разумѣется здѣсь рябчиковъ и тетеревей, которыми, какъ видно, изобиловали тогда за-иртутскіе лѣса.

14. Оный Косикъ возвратилъся и привезъ многіе писма, въ томъ числѣ и отъ полковника Максимовича, сторони присланной экзекуціи на деревню мою за доимочными денгами; онъ же привезъ дробь и порохъ, фарбованные (подкрашенныя) куници и протчее.

15. Въ Городищѣ, въ новомъ нашомъ будинку, посвятили двѣ избы, прихожую и наугольную, къ старимъ будинкамъ стоячіе. Сего жъ числа имѣли исповѣдь передъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ, священникомъ городецкимъ, и на службѣ Божой причащались. Посланы въ закладъ до панеи Григоріевой Гамаліиной дукатъ въ 50 червонныхъ и мѣлкихъ 55 червонныхъ же, да 27 тарялей битыхъ, а отъ неи взяли въ позику денегъ 249 рублей, и сіе справовано чрезъ отца Алексія Халкидонского. Чрезъ присланныхъ зъ Лотоковъ людей Василя Маркова принесены провіантовые денги 7 р., а чрезъ Івана Курганского и Івана Куриленка, слобожанъ кургановскихъ, писано до Афанаса Сковпня и до Федора Пригаровского о хлѣбѣ нашомъ, тамъ въ Лотокахъ оставленномъ, и о протчемъ, и отпущены они обратно, а при отпуску дано имъ въ позику 20 к. Павлика Шмигелского женѣ болной дано въ задатокъ за пиву 10 к. и чвертку жита. Василко синъ нашъ пріехалъ изъ Глухова и попривозилъ де которые писма, тако жъ и указъ зъ суда енералного до Іановой Миклашевской, по челобитю жены, о денгахъ 200 руб.

16. Уговорили господаря на Василювцѣ Дмитра Шабалдина зъ женою его, на годъ давать ему платы 5 р. и ему-жъ и женѣ по свитѣ, а начали оны служить сего году на всеедной, то есть февраля зъ среднихъ чиселъ.

17. Паникадилщику Никитѣ Іванову, который дѣлаетъ до шоръ бляхи, дано еще три рубли денегъ, гарнецъ горѣлки, кромѣ того, что передъ симъ дано ему-жъ 2 р. и чвертку житной муки, да у него-жъ принято уже тѣхъ бляхъ и прочихъ штукъ числомъ 116, а въ нихъ вѣсу 15½ фунтовъ. Чрезъ того-жъ паникадилщика писалъ къ Кочержинскому, чтобъ взявши у Карпа котляра мѣди 4 фунта, вручилъ ему да велѣлъ-бы здѣлать до кулбакъ пряжокъ 6 паръ зъ валками, а до уздечокъ столкожъ, такожъ и стременъ 2 пары болшіе для мене, меншіе для сина Василя.

18. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня день обыкновенного набоженства слушали въ церквѣ вознесенской городецкой, а послѣ

службы Божой кушали въ перегонскомъ домѣ; потомъ какъ поехали къ вечернѣ въ Городище, то встрѣтились зъ панеею Григоріевою Гамаліиною и по вечернѣ вечеряли купно зъ ею въ Городищѣ.

19. Слушали обѣдни въ Борщовѣ и тамъ-же у панеи Григоріевой Гамаліиной обѣдали; потомъ возвратились въ Городище и тутъ ночовали. Товкачовскіе подводы прибыли и привезли то сиръ, то масло и денги, а для Александра Корецкого пару лебедей.

20. Пробавили весь день въ Перегонѣ.

21. Сотникъ Соболевскій зъ урядомъ и зъ женою своєю, такожъ канцеляристъ Покасъ, и Данило Роговичъ, и Леонтій Сорока зъ женами были у насъ въ Перегонѣ и тутъ кушали и до вечера пробавили.

22. Протопопъ погарскій зъ женою своєю у насъ-же былъ послѣ обѣда и до вечера просидѣли.

23. Оный-же протопопъ знову былъ у насъ въ Перегонѣ, протестуючись на сотника погарского Соболевского о показанной ему обидѣ и безчестіи въ церквѣ.

24. Пріездилъ къ намъ въ Перегонъ дозорца гремяцкій Леонтій Максимовичъ за своимъ дѣломъ, что турбуютъ его черници пустынно-николского кіевского монастыря за грунти въ селѣ ихъ Дѣвочкахъ, имѣючіеся въ полку переяславскомъ, о чемъ отъ нихъ запесена на него челобитная въ судъ енералный.

25. Въ сей день, ради коронаціи ея величества Елисаветы I імператрицы самодержицы всероссійской, совершитись въ Москвѣ имѣючей, были вездѣ, въ томъ числѣ въ Стародубѣ и въ Погарѣ благодарственныя молебствія, при пушечной, где есть артиллерія, палбѣ. Сего-жъ числа прибылъ къ намъ въ Городище зъ Погари генералъ-лейтенантъ и кавалеръ князь Василій Никитичъ Репнинъ зъ княгинею и зъ дѣтми, простуючись до Глухова, и ночовалъ въ домѣ нашемъ; а вечеромъ къ намъ-же пріехалъ и Александръ Корецкій зъ женою и ночовалъ у насъ въ Перегонѣ.

26. Оный г. генералъ рано, а Корецкій послѣ обѣда отъехали. Кравецъ Динисъ приездилъ зъ Стародуба и взялъ шить епанчу зимную Василковѣ, которому на потребы и за роботу дано 40 к.

27. Столяру Никитѣ, который дѣлаетъ окна до нового городецкого будинку, дано 1 р. 50 к. впредъ до щоту, що єму за роботу доведется.

28. Прислалъ Александръ Корецкій письмо, поручаючи мнѣ и о своей части, въ добрахъ Рубановскихъ спадаючой, дѣйствовать по моему разсмотренію [193]). Получилъ писма отъ судіи полкового чернѣговского Тимофія Сенюты и отъ архимандрита троецкого чернѣговского отца Ираклія Комаровского о томъ, что еще въ прошломъ 1741 году, въ юлѣ мѣсяцѣ, состоялась архіерейская резолюція состроить намъ при церквѣ крестовоздвиженской городецкой придѣлъ во імя святого Іоанна Богослова, противъ которыхъ писемъ отписалъ къ судіи Сенютѣ, а до писара полкового стародубовского Петрункевича писалъ сторони Іванихи Миклащевской, и стихотвореніе Данилевского послано.

29. Цегельнику новгородскому Тарасу Юденку еще дано въ зароботокъ 50 к. Отецъ протопопъ погарскій былъ у мене и сторони придѣла во имя св. Іоанна Богослова учинилъ съ нимъ постановленіе, когда оный надобно будетъ закладать.

30. Отправлены предъ симъ возки къ Новгородку съ кухаремъ и Косикомъ.

Маій.

1. Старостѣ погарскому Федору Алексіеву, въ зачотъ службы его, дано рубли два денегъ. Сего числа по литургіи въ церкви городецкой отправованъ молебень благодарственный о коронаціи ея імператорского величества Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійской, отправованной прошлого априля 25 дня въ Москвѣ; на которомъ молебствіи присутствовали священники отецъ Алексій Халкидоцкій, отецъ Михайло Пулчевскій и отецъ Григорій Константіевъ, и я, и атаманъ городецкій съ козаками и посполитими. Сего-жъ числа о полдни внехалъ я съ Перегону къ Глухову и прибылъ смеркомъ до Новгородка, а по дорогѣ за Гримячимъ попалъся намъ кухаръ Яковъ Варшаковскій.

2. Въ монастырѣ новгородскомъ обѣдни и молебня благодарственного о коронаціи слушали, потомъ были въ келіи намѣстника Авксентія и отъехавъ отъ монастыря, встрѣтились о 3 версти отъ Новгородка зъ полковникомъ гадяцкимъ Петромъ Галецкимъ [194]),

---

[193]) См. примѣч. 104.

[194]) См. примѣч. 25.

зъ которымъ и возвратились паки до Новгородка, и у него обѣдали, а потомъ, пожегнавшись, отехали въ путь свой къ Пироговки и тутъ переправившись чрезъ Десну, заездили на пороховой заводъ (шостенскій) и прибыли позно въ монастырь гамаліевскій, где и ночовали.

3. Рано зъ Гамаліевки віехавши, попасали въ Собичевѣ, а одтоль прибыли до Глухова по полднѣ, откуду и одправленъ въ домъ Грицко зъ пятма копми. Былъ у г. Скоропадского и тамъ видѣлься зъ асауломъ Валкевичемъ и бунчучнымъ Оболопскимъ енеральными.

4. Писалъ писма въ Москву къ полковнику лубенскому г. Апостолу, къ Якову Марковичу, къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому и къ Федору Корецкому и отправилъ оные чрезъ асаула полку лубенского Прійму. Да писалъ въ домъ, къ женѣ, о присилки Івана теслѣ въ Глуховъ и послалъ чрезъ писара дворового гримяцкого. Рано былъ у полковника Тютчева и у асаула енералного Якубовича, а въ вечерѣ у Скоропадского. Отъ войта нѣжинского Стеріевича присланъ бочонокъ вина.

5. Зранку ездилъ въ канцелярію енеральную и тамъ видѣлься зъ судею Лисенкомъ и писаремъ Безбородкомъ енеральными; потомъ обѣдалъ у асаула енералного Якубовича зъ Федоромъ Чуйкевичемъ, где между обѣдомъ прибыла и жена писара суда енералного Івана Піковця, Елена Лизогубовна. Въ вечеру былъ у брегадира Івана Кондратовича Ілина, потомъ у коллежского совѣтника Постникова и уже позно въ ночь пріехалъ въ домъ.

6. Былъ въ енералной канцелярій и коммисіи своду [185]). Обѣдалъ у Скоропадского и зъ нами Валкевичъ, Федоръ Чуйкевичъ и сотникъ волинскій Максимовичъ. На вечерѣ былъ у мене бунчучный енералный Оболопскій и при немъ прибывшій въ Глуховъ отецъ Петръ Кибалчичъ, протопопъ погарскій, былъ у мене.

7. Въ коммисіи свода чрезъ нѣсколко часовъ присутствовалъ, а потомъ, прибывъ въ домъ, писалъ писма: въ Козелецъ до п. дядка Федора Ханенка, до отца брата и до асаула полкового Шума, въ Нѣжинъ до коменданта Пущина о сукенку, чтобъ купилъ 13 локотъ,

---

[185]) Объ этой коммисіи см. книгу А. Ф. Кистяковскаго: «Права, по которымъ судился малороссійскій народъ», стр. 8 и слѣд.

до отца Ольховского, протопопы нѣжинского о шафѣ, а до старосты товкачовского о той-же шафѣ, чтобъ отобравши, прислалъ сюда на подводахъ, да и о тесляхъ и протчемъ, съ сообщеніемъ купчой на футоръ артополотскій. Якіе писма отправилъ чрезъ племѣнника Іосифа, которому и на дорогу даны 58 к. Василко сынъ отехалъ въ Дунаецъ.

8. По обѣднѣ, слушанной въ церквѣ веригинской, былъ у генерала-лейтенанта князя Василія Никитича Репнина и позабавился у него болѣе двохъ часовъ, а послѣ обѣда былъ у асаула енералного Якубовича, у которого и книжку, уставомъ писанную, да тетрадь о походахъ государя Петра Великого імператора и самодержца всероссійского взялъ; потомъ у енералнихъ писара Безбородка и бунчучного Оболонского былъ-же.

9. Обѣднѣ слушали въ церквѣ святого Николая, а потомъ были у священника той церкви Шолупины на водкѣ; я обѣдалъ у бунчучного и даже до вечера забавлялись въ карты. Послѣ былъ у обозного енералного г. Лизогуба. Сотникъ погарскій Соболевскій взятъ подъ арестъ въ мѣнистерскую канцелярію, а протопопъ погарскій-же выпущенъ на квартеру подъ карауломъ.

10. Писалъ писма въ домъ къ женѣ и къ старостѣ перегонскому, да къ сотнику мглинскому Лисаневичу, отъ которого присланы 5 паръ оробковъ. Сего числа асаулъ енералный Якубовичъ отехалъ зъ Глухова.

11. Посланъ компанѣецъ надворной короговы зъ писмомъ моимъ до сотника красноколядинского Петра Максимовича за Прокопомъ Дмитровымъ синомъ, тамъ удержаннымъ, и конемъ строкатымъ. Служителю г. Скоропадского Петру даны чотыри рубли денегъ, которые занималъ на наши потребы Романъ Гапоновъ.

12. Зрана были въ домѣ писара енералного, который и осятриною свѣжою обослалъ мене, а обѣдалъ я у г. Скоропадского.

13. Были у мене на квартерѣ отецъ игуменъ петро-павловскій глуховскій отецъ Варнава Старжицкій и протопопъ кролевецкій Калиновскій. Ломаки отправились, чрезъ которыхъ и до жены я писалъ о дачи имъ денегъ 250 р.

16. Въ коммисіи своду сидѣли до 12 часа полуденного; обѣдалъ въ домѣ, куда по обѣдѣ приходилъ протопопъ Кибальчичъ съ капраломъ караулнымъ. Інформаторъ пріездилъ съ Дунайца [186]).

15. Отправлены писма въ Новгородокъ: 1-е до сотника, стороны дранѣ и дзигарка, 2-е до жены о домовыхъ потребахъ и о Івану теслѣ, который сего-жъ дня сюда прибылъ и попривозилъ де якое бѣлое плате; а чрезъ подводчика знову писалъ до жены о разныхъ домашныхъ нуждахъ и меморіалъ посланъ, да до Каврайского писано о присылки кулбакъ и байбарака Іосифового. Івану теслѣ на дорогу дано 50 к.

16. По обѣднѣ, рано слушанной въ церквѣ святои Варвары, былъ съ протчими первей у бригадира Ілина, потомъ у генерала князя Репнина; одтоль прибывъ въ квартеру, обѣдалъ у мене коллежскій совѣтникъ Афанасій Григоріевичъ Постелниковъ. Послѣ обѣда проезжалъся съ попомъ Алексіемъ въ борокъ (лѣсокъ), а одтоль заездилъ къ писару суда енералного Пиковцю, где и Безобразова съ женою засталъ, а оттуду заездилъ къ доктору Боку и взялъ 12 прошковъ; началъ оные принимать.

17. Сей весь день не выходилъ съ двора, за употребленіемъ прошковъ, и рано вѣзитовали мене Огроновичъ и сотникъ березанскій Василій Думитрашко-Райча, по обѣдѣ писаръ полку лубенского Столповскій и Федоръ Чуйкевичъ. Передъ вечеромъ возвратилъся съ Козелца племѣнникъ Іосифъ и привезъ писма отъ дядка, брата и протчихъ.

18. Привезенъ дзигарокъ старый съ Новгородка. Былъ у мене полковника кіевского синъ Михайло Танскій, такожъ Романъ и Яковъ и откупщикъ стародубовскій Гаврило Яковенко. Принималъ я лекарство проносное.

19. Писано въ домъ чрезъ сина Наумового Евдокименкового и послано цукру голову, паперъ и сургучъ. Докторъ былъ, пущалъ мнѣ кровь зранку, и весь день промедлѣлъ я въ домѣ, не выходя никуда. Вечеромъ посѣщалъ мене п. Скоропадскій.

---

[186]) Воспитатель или гувернеръ дѣтей Мих. Вас. Скоропадскаго, съ которыми вмѣстѣ воспитывался и старшій сынъ автора дневника—Василій. См. ниже подъ числомъ 21-мъ.

20. Рано былъ у мене п. Думитрашко, сотникъ березанскій, а по обѣдѣ проезжалъся я въ поле, потомъ былъ у г. Скоропадского и у Валкевича; одтоль-же прибывъ въ домъ, вскорѣ потомъ пріехалъ ко мнѣ п. писаръ енералный Безбородко зъ судіею чернѣговскимъ Сенютою и уже позно отехали. Прибыли сего-жъ дня теслѣ и сторожъ нанятый зъ Товкачовки, изъ которыхъ послалъ двохъ зъ Романомъ за деревомъ до Кочергъ.

21. Послѣ лекарствъ первый разъ виехалъ зъ дому до коммисіи и тамъ просидѣлъ до 12 часа; какъ прибылъ въ дворъ, то и Василка (сына) тутъ засталъ. Інформатору Юнкгансу за науку сина моего Василя прошлого 1741 году съ апріля мѣсяца надлѣжащой плати часть, а именно 10 р. даны и за кулбаку, Василковѣ купленную, нѣмецкую заплатилъ 3 р. 50 к. інформатору-жъ, а послѣ поруччицѣ отдано 8 р. Писалъ къ женѣ чрезъ Іосифа и отправлены 2 конѣ въ домъ чрезъ него-жъ, кучерявый, строкатый и панюшка, а Грицка Дмитренка при себѣ удержалъ.

22. Взята спалня (карета) наша дорожная для дѣтей г. Скоропадского, имѣючихся ехать до Хомутця, и велѣлъ оную вручить кому извѣстному. У Мандзенка златоглаву, до кунтуша зеленого на лиштвы, взяли поллоктя за 2 рубли. Пріехалъ въ Глуховъ генералъ-лейтенантъ Андрей Петровичъ Дебрини и сталъ квартерою въ домѣ Якова Марковича, въ городѣ. Писма зъ Козелця везенные пропали.

23. Послѣ обѣдень, слушанныхъ въ городѣ, обѣдалъ я купно зъ писаремъ енералнымъ Безбородкомъ у генерала-лейтенанта и кавалера князя Василія Никитича Репнина, и сего-жъ дня опять привезена коляска наша зъ Дунайця зъ Василкомъ, который и все свое конривозилъ.

24. Ради именинъ сина полковника Тютчева, обѣдали у него оба вышепоказанные генерали, брегадиръ Ілинъ и другіе зъ велико и малороссійскихъ персонъ и до вечера просидѣли, а оттоль пріехавъ въ домъ Скоропадского, имѣли зъ Валкевичемъ разговоръ сторони Рубановки.

25. Весь день въ домѣ ради вчорашнего шумства (пьянства) пролежалъ, нигде не бувалъ, толко надвечери проезджалъся въ поле.

26. Послѣ обѣда былъ въ коммиссіи; потомъ кушали у мене Федоръ Чуйкевичъ и Стефанъ Савицкій; по обѣдѣ-же былъ у мене-жъ секретарь міністерской канцеляріи Василь Маркелловичъ Леонтіевъ.

27. Въ сей день Вознесенія Господня слушали обѣдни въ церкви св. Варвари, потомъ были у генераловъ Дебрини и Репнина; по обѣдѣ ездилъ я къ футору винадипому осматривать заводячихъся отъ нихъ для конюня намъ сѣножатей.

28. Генералъ Дебрини отехалъ зъ Глухова; я былъ зрана въ коммиссіи, а по обѣдѣ оной коммиссіи дѣла перенесены въ домъ покойного Івана Мануйловича [197]).

29. Звано мене на свадбу въ домъ бывшой сотниковой Уманцовой, которая выдаетъ дочь свою за писаря полкового прилуцкого Івана Александровича. Сего числа началъ учить Василка по французку новый інформаторъ.

30. Пріехалъ зъ Городища Іосифъ и привезъ 30 р. денегъ и другое де-що. Я послѣ обѣда ездилъ до Сваркова, стороны маляра Петра Свѣдерского.

31. Тотъ-же маляръ былъ у мене и обѣщалъ отробить 7 р., должные отъ него отцу Алексію Хелкидонскому.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Посланъ въ домъ Іосифъ, чрезъ котораго и писма къ женѣ и до Каврайского отправлены. Новому інформатору данъ 1 р. Косикъ бѣжалъ.

2. Ради тезоименитства ігумена петропавловского глуховского Никифора Грибовского обѣдали у него коммиссіанты, въ томъ числѣ и я, и до вечера гуляли. Тамъ-же видѣлься зъ сотникомъ полко-

---

[197]) Иванъ Мануйловичъ—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, занималъ въ первой половинѣ XVIII в. видное мѣсто въ ряду войсковой старшины. Вывелъ Мануйловича въ люди его вотчимъ—Василій Ялоцкій, бывшій въ началѣ XVIII в. глуховскимъ сотникомъ, который, умирая, имѣнія свои (Бачевскъ, Семеновку и Степановку) передалъ пасынку. Послѣдній женился на дочери Алексѣя Турянскаго, который изъ глуховскихъ сотниковъ, послѣ измѣны Мазепы, поставленъ былъ генеральнымъ судьею. Съ помощью тестя Мануйловичъ въ 1714 г. сталъ глуховскимъ сотникомъ; потомъ въ 1727 г. назначенъ отъ Румянцева однимъ изъ трехъ «правителей генеральной канцеляріи», а когда, съ назначеніемъ Апостола въ гетманы, эта должность была упразднена, Мануйловичъ въ 1729 г. былъ сдѣланъ генераль-

вымъ прилуцкимъ Стефаномъ Лукомскимъ и протопопомъ тамошнимъ Богдановичемъ и, о чемъ надлежало, имѣлъ разговоръ. Куплено для сина Василка сукна василкового 4 локтѣ безъ чвертки за 4 руб. 65 к.

3. Весь день пробавилъ въ домѣ, ради вчорашнего шумства, и посѣщали мене сотникъ березанскій Думитрашко и Федоръ Чуйкевичъ. Отданы маляру Свѣдерскому два столы для маліованя и на фарбу 15 к.

4. Былъ въ коммиссіи свода и въ суду енералномъ по дѣлу Соколовского, тако-жъ и въ енералной канцеляріи. Припроважено компанѣйцями сотника яготинского Филипа Купчинского, которій поехалъ былъ къ Москвѣ мимо-вѣдомо канцеляріи енералной [108]). Кухару Якову Варшаковскому на рубашокъ 2 пары дано 44 коп. Ему-жъ да и Грицку Дмитренку даны черкески изъ парусного полотна.

5. Коло вечерень пріехала жена въ Глуховъ зъ дочерю Настусею. На всенощной были въ церквѣ святого Василія.

6. Передъ службами ездили съ поздравленіемъ праздника Пентекостіи (Пятидесятницы) къ генералу лейтнанту и кавалеру князю Репнину, а обѣдни слушали и вечернѣ зъ коленопреклоненіемъ въ церквѣ святого Николая, а потомъ обѣдъ кушали, зъ сотниками козелецкими—Алексіемъ Подвисоцкимъ и Василіемъ Думитрашкою Райчею березанскимъ, въ домѣ.

7. Сегодня обѣдъ кушали у генерала князя Репнина и послѣ обѣда долго забавлялись у его-жъ генералской квартерѣ, где и жиди металники разные свои фиглѣ показивали.

нымъ есауломъ и оставался на этомъ урядѣ до смерти въ 1740 г. Послѣ него осталась одна дочь, бывшая замужемъ за бунч. тов. Иваномъ Пироцкимъ, который продолжалъ начатый еще при жизни тестя процессъ за имѣнія съ генер. бунчучнымъ Демьяномъ Оболонскимъ, роднымъ племянникомъ Мануйловича (по сестрѣ Настасьѣ, жены сосницкаго сотника Василія Оболонскаго). Пользуясь милостями императрицы Елисаветы (см. Марк., II, 217, 230), Оболонскій процессъ выигралъ и отобралъ отъ Пироцкаго большую часть имѣній Мануйловича. Имѣнія эти впослѣдствіи перешли къ Красовскимъ.

[108]) Купчинскій ѣздилъ въ Москву съ доносомъ на Безбородка. См. Русскій Архивъ 1875 г., I, 313.

8. Писалъ въ домъ къ старостѣ перегонскому и къ Каврайскому, чтобъ отправили въ Товкачовку 11 куфъ горѣлки, и о протчемъ коло исправленія въ господарствѣ, и посланъ на пропускъ тоей-же горѣлки пашпортъ. Обѣдали у мене зъ женами маіоръ Полянскій, секретарь Леонтіевъ, канцелярисгъ Покасъ, а надвечери былъ у мене-жъ и совѣтникъ Безобразовъ зъ женою, долго пробавили у насъ.

9. Былъ зрана въ коммиссіи и обѣдалъ въ домѣ. Гончару новгородскому, которій дѣлалъ пѣчи до будинку нашого городискаго, дано 3 р., а прежде ему-жъ дано 4 р.

10. Писано въ домъ къ старостѣ и Каврайскому сторони Кизенка и Синицѣ и о другихъ господарскихъ дѣлахъ, и отправлено оное писмо чрезъ человѣка перегонскаго.

11. Писалъ писма въ Москву къ секретарю Новоторжцову, къ Петру Ласкевичу и къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому о своемъ дѣлѣ, имѣючомся въ сенатѣ, о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Ради тезоименитства отца Варлавы Старжицкого, соборного попарского, обѣдали у него и долго забавлялись; потомъ вечеромъ были у г. Скоропадского.

12. Чрезъ сотника старого козелецкого Алексія Подвысоцкого писалъ до полковника лубенского г. Апостола, а къ нему-жъ писанные въ маи мѣсяци писма, тако-жъ къ швагру Іващу Гамалін и къ Федору Корецкому о покупкѣ на нашу потребу цѣни (цинковыхъ) талѣрокъ 3 тузнѣ, полумисковъ 2 тузнѣ, въ томъ числѣ было-бъ посуди новомодной зъ кришками штукъ 6, ложокъ циновыхъ малыхъ тузней 2, болшихъ ложокъ 2, Василковѣ чулокъ бѣлыхъ нитныхъ и пестрыхъ по двѣ пары, да и писма къ секретару Новоторжцову и Ласкевичу, включенные въ одинъ пакетъ, вручены канцеляристу войсковому Стефану Бѣлоцерковцю, отправляючомуся къ Москвѣ. Синъ покойного Андрея Ханенка, а мой племѣнникъ Михайло Ханенко присланъ при писмѣ отъ п. Федора Чуйкевича.

13. Обѣдали у мене гг. подскарбій Скоропадскій и Валкевичъ асаулъ енеральные, да изъ коммиссіантовъ нашихъ п.п. Семенъ Чуйкевичъ, Стефанъ Савицкій и Семенъ Столповскій, такожъ сотникъ березанскій Думитрашко.

14. Куплено сукно для жены у Мандзенка за 9 р. 60 к. и заплачено. Надвечери были у насъ судія енеральный г. Лисенко зъ

своею женою и жена бунчучного Оболонского. Хлопецъ Іванъ перехристъ отосланъ, а Данило городискій пришолъ къ намъ.

15. Послѣ полдня отехала жена къ Товкачовцѣ, которую провожалъ я зъ синомъ Василемъ къ Слѣпороду; а потомъ заездилъ въ квартеру г. Якубовича, асаула енералного и былъ у асаула енералного-жъ г. Валкевича, где и зъ графомъ Мойсеемъ Ивановичемъ Владиславичемъ и зъ Іваномъ Бороздною видѣлъся.

16. Поутру рано ездили къ генералу князю Репнину, который, при пожегнанюся зъ всѣми тамо бывшими, отехалъ поутру-жъ въ путь свой на коммиссію розграниченя зъ турками быть имѣючого. Послѣ обѣда ездили зъ г. Скоропадскимъ до графа Мойсея Ивановича, где съ нимъ и зъ графинею, братовою Анною Борозновною, при нашемъ посиденю, перве пріехалъ полковникъ Тютчевъ, потомъ бунчучный Оболонскій и полковникъ стародубовскій Максимовичъ, и уже надвечери оттоль пріехали.

17. Поутру былъ у мене Павелъ Ивановъ сынъ Миклашевскій и говорили зъ нимъ о долгу 200 руб., отъ него женѣ моей належномъ, который потомъ далъ на имя жены моей и облѣкъ на тіе денги, до первого сентября сего году. Дзигармистру, въ домѣ г. Якубовича мешкаючому, далъ до исправленя часы мои серебряные карманные зъ портретомъ, а вчора взялъ другіе часы серебряные жъ ко исправленю чернецъ Меркурій.

18 Часы зъ портретомъ отобраны и дано за исправленіе 40 к. Писано писмо къ старостѣ перегонскому и Каврайскому о смотрѣніи дому, господарства и протчего.

19. Писалъ въ Москву до п. Ласкевича о дѣлѣ моемъ и включилъ писмо отъ Барановского, канцеляристи войскового, до отчима его, сотника козелецкого, Алексія Подвисоцкого. Писано жъ писмо до старости товкачовского Поленского, чтобъ онъ выслалъ зъ Товкачовки въ Григоровку 25 человѣкъ работныхъ, когда востребуетъ тамошный господаръ, зъ запасомъ на мѣсяцъ.

20. За роботу и прикладъ къ мундіру, сину Василевѣ Максимомъ кравцомъ дѣланному, дано 6 р., а еще за сукна василкового 3$^{3}/_{4}$ локтя надлежитъ Мандзенку 4 р. 50 к. По обѣдни, слушанной въ церкви святой Анастасіи, заходили до попадѣ покойного отца Мойсея Богаевского, капеляна войскового жены, а оттоль къ писару енералному и къ бунчучному; потомъ я обѣдалъ зъ попомъ Алек-

сіемъ Халкидонскимъ у подскарбія енералного г. Скоропадского, а надвечери былъ у мене п. Іванъ Новицкій, товаришъ бунчуковый.

21. Зъ вчерашнего противъ сего числа, бѣжалъ сотникъ яготинскій Филипъ Купчинскій изъ своей квартери, невѣдомо куда. Пришолъ указъ изъ Сената въ войсковую енералную канцелярію о бытіи главнымъ коммендіромъ надъ міністерскою и енералною канцеляріями генералу лейтнанту Бибикову. Въ вечерѣ былъ у мене полковникъ стародубовскій г. Максимовичъ и долго въ почъ просидѣлъ.

22. Рано былъ я у полковника стародубовского и зъ нимъ простился, а послѣ обѣда, коло вечерень, отехалъ зъ Глухова попъ Алексій Халкидонскій, которому въ росплату даны 4 р. 80 к. и чрезъ него жъ послано писмо до п. Андрея Миклашевского о брусѣ, дранѣ и 20 р. должныхъ. Писаны писма въ Товкачовку до старости и къ нему жъ для отсилки отправлены въ Золотоношу до сотниковъ тамошнего и кропивянского да значкового Леонтія Петровича и отъ Каврайского; въ Луку до тамошнего священника отца Федора и до старости лучанского жъ сторони сожженного двора Гаврилового, до п. Александра Саковича о Івану Григоровичу, и о купленю коней цуга, и до жены въ Товкачовку.

23. Оные писма отданы въ енералной канцеляріи канцеляристу Андрію Гуленку для отсилки онихъ въ Прилуку, а одтоль въ Товкачовку. Писалъ до Алексія Подвисоцкого противъ его писма, зъ-подъ Карачева писанного, да до атамана погарского Бѣляя о Косику и до старости погарского о домашныхъ дѣлахъ, чрезъ Самойла, поповича суворовского. Пріехалъ зъ Москви сотникъ Іванъ Тодорскій.

24. Чрезъ оного жъ Тодорскаго получилъ и я писма отъ полковника лубенского и судіи міргородского Остроградского. Писма къ Подвисоцкому, къ Москвѣ, вручилъ для пересылки Богдановичу. Писалъ къ Каврайскому о домашнихъ дѣлахъ, и до атамана погарского сторони побою, учиненного Синицѣ отъ куровского жителя Бондаренка и сторони слѣдствія о Косику. Въ вечеру прибылъ нечаянно генералъ лейтнантъ Іванъ Ивановичъ Бибіковъ, опредѣленный на правленіе въ Малой Россіи.

25. Компанѣйцю, посланному зъ указомъ до Івановой Миклашевской и до сина ея Павла, по челобитю жены моей о 200 р.,

данъ за сездъ 1 р. Рано у генерала Бибикова всѣ мы и великороссійскіе персоны были зъ поздравленіемъ прибытія его сюда.

26. Будучи званны къ г. генералу Бибикову, кушали у него обѣдъ, потомъ былъ я у г. Скоропадского. Вечеромъ прибылъ п. Іванъ Гамалѣя и ночовалъ въ моемъ домѣ.

27. Рано поздравляли генерала полтавскою викторіею. Службы Божой и молебствія въ церкви святой Варвары слушали; потомъ были у подскарбія Ушакова, тоже у генерала, и я ради п. Гамаліи отехалъ обѣдать въ домъ, где при окончаніи обѣда прибыла и жена зъ Товкачовки, а п. Гамалѣя отехалъ.

28. Отпущены теслѣ товкачовскіе въ Товкачовку и при нихъ Данило городискій, чрезъ которыхъ писалъ до старости товкачовского о домашныхъ дѣлахъ, и посланы желѣза до плуга, лемѣшъ и чересло. Писалъ въ отвѣтъ до асаула енералного п. Якубовича, сторони сѣножатій Выдиныхъ и о протчемъ. Отданы денги Роману Янченку за полотно швабское 12 р., да судіи енералному г. Лисенку за дворъ осталные 10 руб., изъ привевенныхъ женою зъ Товкачовки.

29. Послѣ службы Божой и молебствія, бывшого зъ пушечною палбою изъ 21 штуки, былъ банкетъ у генерала Бибикова, на которомъ были генералъ маіоръ Кезерлинъ зъ женою и другіе великороссійскіе и малороссійскіе господа; и при столѣ пушечная палба продолжалась долго и многіе здѣлались шумны.

30. Весь день съ похмелія пробавлялъся въ домѣ и въ коммиссіи не былъ.

Юлъ.

1. Былъ въ коммиссіи, где и доношеніе сочинили объ отпускѣ на канѣкулярные дни въ домы.

2. Едучи, по именному указу зъ Кіева, превелебный отецъ Симонъ Тодорскій къ Москвѣ, за прибытіемъ своимъ въ Глухова, былъ перве въ коммиссіи нашей, потомъ и въ домѣ моемъ, и сего жъ числа зъ дому моего отехалъ въ путь свой.

3. Писару суда енералного Івану Пиковцю родилась дочь Марфа.

4. Оное доношеніе отъ коммиссіи нашей подано генералу чрезъ ігумена петропавловскаго Никифора Грибовского. Сегожъ числа кушали генералъ съ протчими гг. великороссійскими и малорос-